

АРЧИБАЛЬД Р. ЛЬЮИС

Северные Моря

В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

ЭРА ВИКИНГОВ И ЭПОХА ОТТОНОВ

300—1100
годы

Арчибальд Росс Льюис

**Северные моря в истории
средневековой Европы.
Эра викингов и эпоха
Оттонов. 300–1100 годы**

«Центрполиграф»

1958

УДК 94(36)
ББК 63.3(40)

Льюис А.

Северные моря в истории средневековой Европы. Эра викингов и эпоха Оттонов. 300–1100 годы / А. Льюис — «Центрполиграф», 1958

ISBN 978-5-9524-5536-8

Пять морей Атлантики – Бискайский залив, Ирландское море, Английский канал, Северное и Балтийское моря – сыграли колоссальную роль в развитии Европы. Книга Арчибалда Р. Льюиса посвящена истории судоходства и торговли в странах Северной Европы в период раннего Средневековья. Анализируя исторические хроники, литературные источники, а также отчеты об археологических изысканиях и нумизматических находках в многочисленных кладах эпохи викингов, профессор рассматривает исторические процессы, результатом которых стало формирование новых экономических и культурных связей между странами Западной Европы, Скандинавии, Балтики и Киевской Русью и становление современной европейской цивилизации. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(36)
ББК 63.3(40)

ISBN 978-5-9524-5536-8

© Льюис А., 1958
© Центрполиграф, 1958

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Северная Европа в IV веке	8
Глава 2. Время вторжений, 400-550 годы	33
Глава 3. Новые начала	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Арчибальд Росс Льюис
Северные моря в истории
средневековой Европы. Эра викингов
и эпоха Оттонов. 300-1100 годы

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие

За последние годы мы узнали много нового о раннем Средневековье стран, омываемых северными морями. Блестящие труды историков, археологов, нумизматов и других специалистов существенно обогатили наши знания об этом периоде. В авангарде тех, кто дал толчок нашему воображению и расширил кругозор, находились четыре ученых – Михаил Ростовцев, Альфонс Допш, Александр Бугге и Анри Пиренн. Ростовцев не только ясно обозначил структуру, характер и достижения римского мира, его связь с нашим собственным, но также первым обратил наше внимание на большую важность торгового пути из Балтийского моря в Черное, проходившего через русские степи и реки. Допш изменил наши взгляды на германцев, вторгшихся в римский мир, и одним из первых подчеркнул креативную сторону веков Меровингов и Каролингов, которые многие историки считают мрачной и упадочнической. Бугге переосмыслил роль викингов в европейском развитии и показал, насколько конструктивной была их экспансия для земель, расположенных вокруг северных морей. И наконец, блестящие идеи Пиренна, изложенные в великолепном стиле, дали нам возможность по-новому взглянуть на факторы, которые в конце X – начале XI века способствовали созданию городских центров, на которых, по большей части, основывалось историческое развитие в позднем Средневековье. Этой великолепной четверке автор, как и все другие ученые, пытавшиеся разгадать исторические загадки раннего Средневековья, выражает свою бесконечную признательность.

Для того, кто хочет понять средневековую Европу, проблема северных морей чрезвычайно важна. Многие европейские страны, возникшие в конце XI века, обязаны и своей формой, и содержанием событиям, имевшим место вокруг Средиземного моря. Но это лишь часть истории. Европа является двойным наследием, и пять мелководных «рукавов» Атлантики – Бискайский залив, Ирландское море, Английский канал, Северное и Балтийское моря – сыграли ничуть не меньшую роль в ее развитии, чем Средиземное море. По ним, так же как и по рекам, в них впадающим, шло судоходство и торговля, которые оказали на Европу такое же влияние, как Средиземное море на ее южную часть. Настоящая книга посвящена изучению северных вод и земель, ими омываемых.

Отметим, что, по убеждению автора, моря не являются преградами сейчас и не были таковыми в средние века. Скорее, они служили артериями, которые связывали, оказывали влияние и объединяли страны, к берегам которых примыкали. Таким образом, на страницах этой книги автор сделал попытку изобразить Северную Европу территорией, окружающей северные моря, сделав особый акцент на торговле и судоходстве. Такой подход часто приводил к появлению новых взглядов и точек зрения на определенные аспекты истории Северной Европы. Подобные результаты далеко не всегда приятны историкам, являющимся приверженцами других концепций и идей. Автор может только заранее заявить, что исторические воззрения не являются вечными и неизменными. Гипотезы, основанные на условиях, которые в действительности имеют отношение только к определенной небольшой территории или периоду времени, могут лежать в основе многих трудностей и противоречий, которые сопровождают изучение средневековой европейской истории. Автор надеется, что, пытаясь придать истории Северной Европы более широкий географический фундамент и новый морской акцент, максимально близко подошел к правде. Ему хочется верить, что все возможные ошибки относятся скорее к деталям, чем к существу вопроса.

Источником главной проблемы, сопутствующей изучению истории северных морей в этот период, являются не противоречивые гипотезы или неверные акценты. Скорее, следует вести речь о недостатке информации. Как мало мы, на самом деле, знаем о тех веках! К примеру, только немногочисленные труды Гильды Премудрого, Беды Достопочтенного и Ненния, а также «Англосаксонская хроника» сообщают нам некоторые факты о ранней англосаксонской

Англии. Помимо трудов Григория Турского, наши знания о Галлии Меровингов основываются в основном на разрозненных жизнеописаниях святых и далеко не самых достоверных хрониках периода, и даже более поздних, таких как *Gesta Dagoberti* («Деяния Дагоберта, короля франков»). Что же касается Франции X века и Киевской Руси, мы вынуждены полагаться на труды Дудо Сен-Кантенского и «Повесть временных лет» соответственно. Источниками наших знаний о Скандинавии, если не обращаться к эддам и сагам, которые были написаны позже, являются труды Адама Бременского и Саксона Грамматика. Но даже саги не проливают света на события в Швеции X века, по сей день остающиеся тайной для нас.

К счастью, мы можем дополнить свои исторические знания, являющиеся довольно-таки скудными, благодаря новым источникам информации – археологии и нумизматике. В последние годы археологи в Европе открыли для нас целые миры. Их раскопки познакомили нас с богатейшими культурами Вендельской эпохи в Швеции и Англии времен Беды. Именно благодаря археологам мы постоянно узнаем что-то новое о ранней Ирландии, Меровингах, немецкой и балтийской истории. Историк должен стараться наилучшим образом использовать информацию, которую они делают для него доступной, чтобы дополнить немногочисленные и ненадежные источники. Автор попытался это сделать.

Использование нумизматики также является чрезвычайно важным, тем более что в прошлом историки безосновательно ею пренебрегали. Монеты, особенно найденные в монетных кладах, могут поведать о многом. Их захоронение почти всегда было результатом катастрофы или вторжения, которые вынуждали их владельцев пытаться таким образом сохранить свою собственность. Отсутствие таких кладов говорит лишь о том, что в некий период в определенном регионе царили мир и покой. Но когда такие кладов обнаруживаются, они несут информацию о торговых и других контактах, существовавших в конкретный период в данном месте. Монеты, найденные в определенном месте, являются факторами неопровержимыми и более конкретными, чем любой исторический источник. Используемые вкупе с другими письменными и археологическими свидетельствами, такие кладов могут существенно углубить наши знания о тех веках в Северной Европе.

В заключение скажу несколько слов о древних традициях. Раньше историки относились с большим скептицизмом к таким традициям, как те, о которых повествуют ирландские легенды, северные саги, англосаксонские поэмы, выполненных потомками жизнеописаниях святых и т. д. Не приходится сомневаться в том, что такое отношение необходимо для осторожного историка. Тем не менее представляется, что всеобъемлющий критицизм в прошлые века был слишком категоричным, включающим все без исключения, а значит, некритичным. Многие историки прошлого считали вымыслом легенды о Гомере и слова Библии до тех пор, пока археологи не обнаружили Трою, Кнос, Ур, Ниневию и Долину царей. Историки и нумизматы доказали многие факты из «Беовульфа» и северных саг, проведя раскопки в Саттон-Ху, Готланде и Упсале. Раскопки активно ведутся также в Ирландии и России. Нельзя забывать, что те, кто записал эти традиции, были намного ближе по времени к фактам, чем те, кто сегодня голословно их отвергает. Традиции, которые могут быть подтверждены надежными источниками, нумизматикой или археологией – а лучше всего, всеми тремя источниками, – вполне могут считаться основанными на фактах, а значит, дополнить наши знания о плохо задокументированных временах.

Автор надеется, что его попытка собрать, связать и пересмотреть историю северных морей в раннем Средневековье послужит стимулом для дальнейших исследований, появления новых идей и гипотез.

Арчибалд Росс Льюис

Глава 1. Северная Европа в IV веке

В IV веке главным фактором, влиявшим на земли Атлантики, протянувшиеся от Испании до Финского залива, была Римская империя. Так продолжалось более трех веков. Ее важность основывалась на ряде обстоятельств.

Во-первых, эта империя включала, если говорить о географии, большие участки побережья, омываемого серыми водами северных морей. Вся атлантическая Испания и Галлия признавали влияние Рима, который распространил свою власть на север до устья Рейна и даже за него. То же самое можно сказать о Британии – до Ферт-оф-Форты. Только Ирландия, некоторые части Шотландии, Скандинавия и Прибалтика остались за пределами римского мира.

Во-вторых, к началу периода ранней империи Рим установил контроль над большинством народов, которые следовали давним морским традициям до прихода римлян. Кадис, древний финикийский центр торговли с Атлантикой, перешел под римский контроль в конце III века до н. э. Цезарь добавил к империи побережье Галлии, где жили опытные мореплаватели – сантоны, морины, менапии и венеты. Клавдий, завоевав Британию, присоединил к империи кельтских мореплавателей, которые пока еще оставались свободными, а последующее поглощение фризов и батавов завершило процесс. К середине II века свионы, удаленное балтийское племя, использовавшее примитивные гребные плавсредства, были единственным важным северным морским народом, не попавшим под власть римлян. Их активность, если верить Тациту, ограничивалась Балтикой.

В-третьих – и этот фактор был едва ли не самым важным – влияние Римской империи, основанное на превосходстве в организации, управлении, вооружении и цивилизации, придало ее культуре огромный престиж, который распространился далеко за пределы ее границ, куда не проникали ни легионы, ни суда. В ранней империи термины «Рим» и «цивилизация» являлись практически синонимами. Римская империя была атлантической державой первостепенной важности, по сути, единственной атлантической державой того периода.

В свете таких фактов представляется парадоксальным утверждение, что Рим в течение первых двух веков империи инстинктивно отвергал свою атлантическую участь. Тем не менее его правители, если не считать завоевания и удерживания Британии, судя по всему, сопротивлялись географической тяге, которая повсюду, от рек Испании, Галлии и Рейнской области до далекой Британии, казалось, требовала, чтобы империя стала атлантической державой. Причины столь явного нежелания Рима понять нетрудно. Во-первых, римляне не имели природной склонности к мореплаванию. В отличие от греков и финикийцев, их предшественников в Атлантике, они были и оставались сухопутными солдатами и фермерами, а вовсе не мореплавателями и торговцами. Судя по всему, они не доверяли морю, даже столь близкому им Средиземному. Атлантика, с приливно-отливными явлениями и течениями, туманами и штормами, вселяла в них ужас. Достаточно прочесть рассказ Цезаря о вторжении в Британию, в процессе которого он не понаслышке познакомился с коварством прибрежных вод и едва не лишился своих кораблей, познакомиться с повествованием Тацита о фризских берегах или с трудами Плиния, чтобы понять отвращение римлян к Атлантическому океану. Римляне хорошо понимали и ничего не имели против сухопутных дорог. Морские пути были для них чуждыми.

Еще более важным представляется тот факт, что Рим был, как отметил Пиренн, по сути своей, средиземноморской державой. Несмотря на существование обширных атлантических владений, ее правители никогда об этом не забывали. Имперское наступление шло к северу от Средиземноморского бассейна, это верно, но только оно носило, по существу, оборонительный характер. Оно велось, чтобы защитить свое сердце, Средиземноморье. Если рассматривать его в таком аспекте, становится ясно, что завоевание Цезарем Галлии имело целью не столько продвижение к Атлантике, сколько оборонительное наступление, которое, отодвинув

римские границы к Рейну и океану, обезопасило важный путь вторжения по долине Роны, а также по долине Гаронны. Первому тогда угрожали геллы Ариовиста, а до этого – кимвры и тевтоны, которых уничтожил Марий. Цезарь остановился у Рейна, поскольку ему не надо было идти дальше, чтобы достичь требуемой цели. Август продвинул границу на восток к Дунаю, стараясь защитить альпийские перевалы, ведущие в Италию, и присоединил Лузитанию, чтобы раз и навсегда завладеть средиземноморской Испанией. Он и его преемники позволили одному поражению отвлечь их от вялого завоевания Германии до Эльбы. Два более поздних продвижения римлян в северном направлении – завоевание Британии и Дакии при Клавдии и Траяне – также носили оборонительно-наступательный характер, основанный на средиземноморской позиции. Британия образовала внешний бастион или треугольник, который защищал Галлию, а значит, жизненно важный путь по долине Роны. Дакия, находясь в руках римлян, обеспечивала дополнительную защиту на Балканах для пути по долине Вардара на юг к Эгейскому морю, который, как впоследствии доказали славяне, булгары и авары, был не менее опасен для Рима на востоке, чем путь по Роне на западе. Упрекать римских правителей ранней империи в том, что они не продвинули границы дальше, чтобы создать линию Висла – Днепр, значит не понимать ни их цели, ни основы их управления. Им было вполне комфортно на Средиземноморье. Если попытки закрепить за собой и обезопасить этот бассейн привели их на Атлантику, это произошло случайно и не изменило ни их цели, ни характер.

Это может объяснить целый ряд весьма любопытных вещей, к примеру, тот факт, что римляне так и не потрудились завоевать Ирландию, хотя ошибочно считали, что она располагается между Британией и Испанией. Она могла завершить их атлантические владения, и, если верить Тациту, для ее завоевания потребовался бы всего один легион. Это также объясняет, как они поверили, что Британию – остров – можно защитить от вторжения, построив укрепления на севере через самую узкую часть территории. Речь идет о валах Адриана и Севера.

Чрезвычайно важным представляется также следующее: средиземноморское, сугубо сухопутное оборонительное мышление объясняет любопытную модель римской дорожной системы в Испании, Галлии и Британии. В этих провинциях римские дороги практически полностью игнорируют Атлантику. Их галльская дорожная сеть, к примеру, сосредоточена вокруг Лиона в головной части долины Роны и следует оттуда к важнейшей рейнской границе, к Руану и Булони, откуда по кратчайшему водному пути через Английский канал можно попасть в Британию. За исключением долины Гаронны и области Сентонь, дороги вообще не ведут к Атлантике. Изучая их дорожную сеть, создается впечатление, что римляне едва ли завоевывали Бретань.

В Британии обнаруживается такая же модель. Построенные римлянами дороги полностью избегают Корнуолла, который легионы не смогли оккупировать и романизировать, и только позже были продлены до Уэльса. На побережьях Английского канала и Северного моря, за исключением Кента, тоже нет римских дорог. Как и римские виллы, и романизированное британское население, их дороги были сосредоточены в центральных районах Англии и вели к Йорку и римской стене Адриана, следуя вдоль моря лишь на коротком участке вдоль берега Кумберленда.

В том, что это не случайность, можно убедиться, изучив дороги римской Испании. На Иберийском полуострове римские строители тоже избегали Атлантического побережья. Их дороги образовывали четырехугольник вокруг внутренней части полуострова. Даже богатые рудники Галисии были соединены с дорожной сетью, которая вела по суше к Средиземному морю, а не к расположенной намного ближе Атлантике. Вполне можно понять, как во II веке Аппиан мог написать: «Римляне не используют Атлантический или Германский океан – кроме как для поездки в Британию». Тацит также отмечал отсутствие навигации в Северном море. Сравнение современных и римских дорожных сетей в Западной Европе показывает, что эти два автора верно отразили римское отношение и практику в части атлантического судоходства.

Все это вовсе не означает, что римляне полностью пренебрегали своими морскими интересами в северных морях. Они осознавали, что могущество в этих морях имеет определенное значение. В 5 году римский атлантический флот достиг берегов Ютландии и входа в Балтийское море. В точности так же Септимий Север во время кампании в Каледонии довольно эффективно использовал морской контингент. На основании археологических свидетельств нам известно, что некоторое число военно-морских сил постоянно размещалось в Булони и вдоль побережья Британии, чтобы подавить пиратские набеги хауков и держать морские пути открытыми. Однако представляется, что в ранней империи римляне использовали свой атлантический флот как придаток к сухопутным силам или как полицейский контингент, а вовсе не как отдельную тактическую часть армии. Корбулон, к примеру, предпочел прорыть канал между Маасом и Рейном для связи и доставки припасов во время кампании в низовьях Рейна и Фризии, вместо того чтобы положиться на судоходство в Английском канале и Северном море.

Несмотря на такое официальное отношение и политику римлян, оккупация Британии и берегов Испании, Галлии и Фризии имела важные результаты в Атлантике. По большей части она обеспечила экономические стимулы в течение первых двух веков империи. Ввиду ограниченного объема книги мы имеем возможность лишь очень кратко описать удивительное развитие этих стран в указанный период под эгидой римлян. Римляне привнесли в атлантические регионы, особенно в Галлию, новые зерновые культуры и фрукты, внедрили новые сельскохозяйственные методы. Обширные виноградники покрыли земли в долинах Гаронны, Луары и Шаранты. Новая система вилл изменила модель сельскохозяйственной жизни в Северной и Западной Галлии, в Рейнской области, а также в Британии и Испании. Новые города стали расти в местах древних племенных центров этих регионов. Более культурная романизованная британская, галльская и испанская аристократия присоединилась к высшим слоям имперского общества. Несомненно, римские городские центры являлись в определенных отношениях искусственными, правительственными созданиями, особенно в Британии и Северной Галлии, где они служили резиденциями аристократов-рантье, которые ничего не производили, но черпали свое богатство из окружающих территорий. Тем не менее в сравнении с тем, что было раньше, их важность весьма велика.

Кроме того, при римлянах имело место развитие и новые разработки природных ресурсов. В Британии результатом стало широкомасштабное производство римлянами железа в Кенте и области Дин, серебра и свинца в Мендипе, Флинтшире и Дербишире, меди в Англси. В Бельгии они использовали железо и цинк на Маасе и в Аргоне, вели разработки залежей железной руды Центрального массива. В Норике и Реции они также добывали железо. В Испании именно римляне первыми начали разработку меди Уэльвы, и, если верить Плинию, они также открыли рудники и стали добывать олово, серебро, золото и свинец в Астурии.

Влияние римской экономической деятельности было особенно велико возле тех границ, где еще со времен Августа располагались легионы. Этот факт объясняет особенный рост производства железа в Бельгии, Рейнской области, Норике и частях Британии, которое должно было удовлетворить потребности легионеров в оружии. Он также объясняет сравнительно раннюю организацию в некоторых частях Северо-Восточной Галлии и Фландрии производства шерсти. Также следует заметить, что очистка земли от деревьев и кустарников шла быстрее у границ, где потребность легионеров в пище, одежде и оружии служила стимулом для развития производства, в отличие от более удаленных территорий этих провинций.

Именно эта сельскохозяйственная, промышленная и добывающая деятельность, особенно заметная вблизи границ Галлии и Германии, помогает объяснить рост важной атлантической торговли в эти века. Тот факт, что судоходство оказалось в руках не римлян, а скорее местных жителей, находившихся под римской властью, не умаляет его важности. Самыми важными были короткие пути, ведущие через Канал в Клаузентум (в районе современного Саутгемптона) и Порчестер, и из Булони в Дувр, Ричборо и Лондон. Из Неймегена, Фекции (Фех-

тен) и Домбурга, которые были расположены неподалеку от устья Рейна, другой торговый путь вел в Лондон и на восточное побережье Англии. Также торговцы плавали в Британию из Бордо, что в устье Гаронны, и из Корбилона в устье Луары. На самом деле Страбон, писавший во II веке, уделял особое внимание деятельности, которая характеризовала британскую торговлю с Луарой, Гаронной, Сеной и Рейном. Он также рассказывал об испанских, гасконских и бельгийских (менапийских) торговцах в Бордо, который, по его утверждению, был соединен путем через Нарбонну со Средиземноморьем. Таким образом, мы видим, что существовала атлантическая торговля, начиная от берегов Испании, возможно, от Кадиса, которая шла вдоль берегов Галлии в Британию. Интересно отметить, что колония галльских и менапийских торговцев в этот период была основана в Лондоне.

Морское сообщение не было ограничено побережьями Британии и теми, что занимали римляне. Во времена Агриколы римские купцы появлялись в Ирландии и, возможно, даже в Шотландии. Об этом писал Тацит. Еще важнее было то, что морская торговля достигала Норвегии, Дании и побережья Балтийского моря. Объем торговли по этому маршруту был так велик, что скандинавские археологи, впечатленные количеством предметов римского происхождения, обнаруженных в Скандинавии и датированных I–II веками, назвали это время римским железным веком в Скандинавии. Морской путь в Скандинавию следовал вдоль берегов Фризии и Северной Германии к Ютландии, где он или пересекал в самом узком месте Датский полуостров, или вдоль берега к Каттегату, Скагерраку и южному побережью Норвегии. Самое большое количество римских находок этого периода было обнаружено на Ютландии и Зеландии, однако их также достаточно на всем норвежском побережье до региона Тронхейма. Эта торговля была достаточно велика, и для ее обслуживания появилось большое число торговых портов от Фландрии до устья Эмса и Эльбы. Раскопки таких мест, как Доккум (Доккюм) и Битгюм, показывают, что они, вероятно, находились под протекторатом римлян, а большие запасы монет, найденные у берега, иллюстрируют их важность. Такие монеты находили и на побережье Норвегии, хотя и в меньшем количестве. Римские серебряные монеты периода ранней империи норвежские археологи встречали редко. На раскопках в районе Осло и на норвежских берегах обнаружена только одна монета Августа, две – Клавдия, две – Адриана и три – Антония Пия. Золотых римских монет этого периода в Норвегии не нашли. Представляется вероятным, что купцы-менапии, активные в Лондоне и на западном побережье Галлии, были посредниками в этих перевозках, хотя некоторую роль могли играть и жители Фризии.

В целом морские пути, ведущие вдоль атлантических берегов в Британию, Ирландию и Скандинавию до римских завоеваний, действовали и позже, и даже повысили свою важность в первые два века империи. В то же время следует подчеркнуть, что народы-мореплаватели, активные раньше – в первую очередь менапии, жившие на берегах Северной Франции и Фландрии, продолжали свою деятельность и при ранней империи.

Завершить на этом краткое описание атлантических торговых путей – значит не принять во внимание торговую деятельность Рима к северу от границ империи. Кроме морских торговых путей, достигших Скандинавии, торговля велась и по суше. Сухопутные пути вели от Рейна и верховьев Дуная до южного побережья Балтийского моря. Пунктами отправления были устья Одера и Вислы, откуда грузы везли через Борнхольм, Оланд и Готланд на материковую часть Швеции. Некоторые поселения на южном берегу Балтийского моря могли достичь статуса городов – *poleis* – или, по крайней мере, существенно возвысились над изначальным примитивным уровнем. По этим путям свионы или шведы, упомянутые Тацитом как народ, обладающий значительным морским могуществом, торговали с богатыми землями на юге. Также им маркоманы во II веке были обязаны своим значительным положением основных посредников. Но и это еще не все. К временам Марка Аврелия сухопутная торговля продвинулась на восток, достигнув низовьев Днепра и Черного моря. Таким образом, старые янтарные пути, ставшие чрезвычайно важными позже, действовали и в последние годы II века.

Несмотря на явное нежелание Рима смириться со своей североатлантической судьбой, его влияние на атлантические регионы начало стимулировать торговлю в Британии, Ирландии и Скандинавии, от Испании и галльских берегов до центральной и восточной Балтики, благодаря наземным путям от Рейна, Дуная и Черного моря. Пусть торговля в границах империи была важнее, чем морская и сухопутная торговля за ее границами, все равно ее нельзя было считать незначительной, особенно для Скандинавии и Балтики. Она являлась настоящим коммерческим прорывом в сравнении со всем, что существовало там раньше. Рим, хотя и не стремился к этому, являлся стимулом для торговли и цивилизации северных морей.

Остается упомянуть о товарах, которые везли по этим торговым путям. В Британию из Северной Галлии везли вино Гаронны и Луары, соль Сентони и оливковое масло, перегружаемое из провинции через Гаронну или Рону-Луару. Из Испании везли металлы, в первую очередь олово и золото. Из Северной Галлии, Бельгии и Рейнской области везли промышленные товары. В обратном направлении из Британии на континент поставляли металлы – железо, медь, свинец и серебро, зерно и шкуры. Некоторые изделия из металлов и керамика поступали в Британию и на север с фабрик Италии и Северной Галлии, особенно в I веке. В Германию и Скандинавию везли римское оружие, бронзовые и металлические изделия, которые местные жители высоко ценили, а также вино, гончарные изделия, а в обратном направлении – меха, рабов, янтарь, перья и некоторых диких животных для римских городских амфитеатров. Именно торговля в империи и за ее пределами объясняет активное речное судоходство в этот период на Гаронне, Шаранте, Луаре, Сене и Рейне, впадавших в Атлантику, и наличие там морских коллегий или корпораций. Как уже говорилось ранее, морскую торговлю вели, главным образом, галльские купцы: менапии, морины и западногалльские потомки венетов, сентонов и другие племена, которые некогда служили посредниками в Атлантике между греками и финикийцами и варварскими землями за Средиземным морем. Они вместе с испанскими и фризскими торговцами были хозяевами северных морей периода ранней империи.

Затем наступил решающий и ужасный III век, который изменил сам характер римского мира – особенно в западных его провинциях. После двух столетий мира гражданская война, инфляция и выступления багаудов, так же как и вторжения германцев, затормозили, а то и вовсе ликвидировали прогресс, имевший место при ранней империи. Саксонцы на море и франки и алеманны на суше вторглись в Бельгию и Галлию, продвинувшись до Пиренеев и даже дальше. Создалось впечатление, что империя распадется на части. Но потом ход событий стал медленно, но верно меняться. Императоры-воины – по большей части это были иллирийские императоры – взялись восстанавливать порядок. К началу правления Диоклетиана империя была возрождена. Но она уже была не такой, как во времена Августа, Адриана или Марка Аврелия. Это был радикально измененный мир, в котором предстояло жить Диоклетиану, Константину и их преемникам. Именно этот новый римский мир больше всего нас интересует и заслуживает самого внимательного рассмотрения. Из него родился атлантический мир Европы следующих восьми веков.

Позднеримский мир, граничивший с Атлантикой, и варварские миры за его пределами являли собой разительный контраст в сравнении с теми, что существовали при ранней империи. Поздний Рим, к примеру, часто называли средневековым – возможно, это уместный термин. В любом случае он имел четыре яркие характерные черты. Во-первых, к концу III – началу IV века Рим стал укрепленной империей. Канули в прошлое широкие улицы, просторные храмы и сады, которые были признаками римских городских центров ранней империи в атлантической Галлии, Британии и Испании. Вместо них появились небольшие города, поспешно укрепленные массивными стенами, часто возведенными из булыжников и строительного мусора, оставшегося от прежних строений. Для этого периода Пуатье, к примеру, считался большим городом, но его площадь составляла сорок гектаров, а население – около 12 000 человек. На границах империи укрепления не были новыми. Адриан в Англии и Домициан

в Германии начали устанавливать границы, и это дело продолжили их преемники. Новым было то, что теперь, как в средневековые времена, внутренние части страны тоже укреплялись, в том числе сам город Рим. Судя по всему, население поздней империи не было уверено ни во внутреннем, ни во внешнем мире, даже в Британии, которую в III веке почти не тревожили вторжения извне. Были укрепленные города, укрепленные поселения, укрепленные убежища и даже укрепленные виллы. Повсеместно люди утратили веру в порядок.

Другой важной характеристикой поздней империи стало то, что жизнь в ней была полностью регламентирована. Относительную свободу первых двух веков после Августа сменила твердая рука правительства. К началу времен Константина и даже раньше государство начало заставлять жителей делать то, что они раньше охотно делали сами, – обеспечивать себя пропитанием, одеждой, защищать себя и оплачивать содержание правительства. Регламентация медленно укреплялась во всех областях деятельности, и, в конце концов, колонны (зависимые крестьяне) были прикреплены к земле, ремесленники – к своему ремеслу, солдаты – к месту расположения полков, моряки – к судам, а декурионы в городах – к своей неблагоприятной работе сбора государственных налогов. Постоянно растущая обременительная бюрократия заняла жизненно важные места в государственной машине, и стоимость правительства возрастала. Только сенатская знать, владевшая обширными поместьями, избежала общей участи. Это был, по сути, единственный класс внутри империи, способный нести расходы. Далеко не вся регламентация в IV веке была новой. Она началась уже во II веке, когда имперское правительство начало вмешиваться в местное сельское хозяйство и городское управление. Новым стала степень и полнота системы. Это был ошеломляющий контраст со свободой времен Клавдия или Траяна.

Третья черта заключалась в том, что империя на западе к IV веку стала аграрной. Это правда, что при римлянах экспансия городов и городской жизни в Британию и атлантические провинции Галлии и Испании никогда не была очень уж успешной. В урбанизации всегда присутствовал элемент искусственности, отсутствия глубины. Имевшие небольшие размеры, эти *civitates* были не органичными образованиями, а скорее центрами, унаследованными романизированными владельцами поместий – рантье, получавшими доходы не от производства в городах, а из сельской местности. Средний класс купцов жил в городах и занимался в основном снабжением таких рантье предметами роскоши и продовольствием. Таким образом, в противоположность более поздним средневековым городам, такие римские городские образования не играли жизненно важной экономической роли и только паразитировали на сельской местности – этот факт объясняет их ограниченный рост. Они являлись центрами религиозного поклонения, управления, социальной жизни, но играли лишь небольшую роль в производстве, а там, где оно все же велось, производство по большей части снабжало нужды таких же искусственных, созданных правительством римских гарнизонов на границах. Это была серия маленьких Вашингтонов, или нечто похожее на небольшие города, выросшие, чтобы обслуживать современные американские военные лагеря. Их существование поддерживалось правительственной или военной системой, а не обуславливалось естественными потребностями регионов, в которых они располагались. В атлантических провинциях Римской империи, вероятно, было только два по-настоящему крупных города – Бордо и Лондон. Только их можно было назвать городами в смысле, который вкладывал в это слово Пиренн, повествуя об этом регионе в XII веке.

Таким образом, экономической единицей этой части римского мира был не *civitas*, а вилла, или крупное поместье. К IV веку именно эти виллы на западе стали центрами экономической жизни. Города с одним или двумя исключениями приходили в упадок. Разрушенные гражданскими войнами III века и впоследствии утратившие свою эффективность из-за строжайшей регламентации всех сторон жизни в IV веке, уцелевшие *civitas* были лишь тенью. Все, кто мог, в первую очередь сенатская знать, покинули их, отбыв в сельские поместья. Аграрное общество, выраженная черта раннего Средневековья, сформировалось уже в IV веке.

Четвертая, и самая важная, черта заключалась в том, что поздняя империя на Западе была не только укрепленной, регламентированной и аграрной, но также имела оборонительное мировоззрение. Это, вероятно, самая явная ее характеристика. Все еще невообразимо богатая и могущественная в сравнении с противостоявшим ей варварским миром, она утратила инициативу, прекратила экспансию и занялась консолидацией, стремясь удержать то, что имела в противостоянии с внутренними и внешними врагами. Отсюда – фортификационные сооружения внутри страны, пограничные крепости и регламентация. Римская империя утратила веру в свою способность противостоять варварам, которую имела раньше. Это была психология жертвы линии Мажино. Она даже нанимала в армию германцев, своих злейших врагов, и поручала им защиту своих границ, словно не могла или не хотела доверить эту задачу своим подданным.

Внутри империи только христианство имело достаточно жизненных сил и возможностей для роста. Однако следует отметить, что в конце IV века христианство слилось с государством. Оно остановилось у границ Рима – если, конечно, сумело продвинуться так далеко на западе. Не ортодоксальное христианство империи, а еретические секты показали способность перешагнуть границы и увлечь людей за собой. Несторианство, арианство и монофизитство оказали влияние на неримское население – германцев, персов и абиссинцев, а вовсе не официальные культы римского мира.

Было бы неразумно утверждать, что оборонительный характер империи в западных провинциях был совершенно новым в поздней Римской империи. Как мы уже отмечали ранее, первоначальная экспансия Рима в сторону Атлантики имела оборонительный характер. Когда ограниченные цели были достигнуты, римские правители отказались двигаться дальше за Рейн, Дунай или вал Адриана в Британии. Однако неспособность идти вперед в ранней империи была результатом намеренной политики имперских, тяготевших к Средиземному морю правителей. Германик или Агрикола, желавший раздвинуть границы империи и уверенный, что сможет это сделать, был остановлен римскими властями, считавшими, что захватывать Ирландию, Шотландию или Германию нет смысла. Даже во время вторжения в Британию были сомнения в целесообразности этого шага. Решения принимались, судя по всему, на основании разумности такого шага, а не на основании возможности достичь цели. Захват и развитие Дакии при Траяне и после него показывает, какими эффективными могут быть действия римлян в этом направлении.

К IV веку, однако, проявились новые настроения. Стало очевидно, что слабость, а вовсе не осторожность или экономика, диктует оборонительную позицию империи. *Élan vital* (жизненная энергия) покинула имперскую политику. Этот недостаток силы был замечен не только в контактах римлян с народами, живущими за пределами ее границ, но также внутри империи – в ее западных провинциях. Так называемая кельтская реакция в Галлии, Британии, Испании и Бельгии, возвращение доримских форм искусства и религии среди частей провинциального населения, тот факт, что новые жизненно важные формы искусства достигли Скандинавии из Персии через вестготский юг Руси, а не из Рима, – все это показывает цивилизацию, теряющую свое влияние на население и внутри страны, и за ее пределами. Эта цивилизация упорно сопротивляется, даже временами восстанавливается, но, по сути, отступает от сил, которые больше не может контролировать.

Помня эти важнейшие факты, мы можем рассмотреть положение на северных морях в IV веке. Сразу бросается в глаза тот факт, что Рим больше не господствует в этих водах, как это было в период ранней империи, из-за бездействия или завоеваний морских народов. Изменения начались в III веке, когда одновременно с нападениями германцев через Рейн саксонские пираты принялись грабить британское побережье и совершать набеги на галльское побережье Английского канала – жизненно важную артерию, соединяющую Британию и Галлию.

Появился новый и крайне опасный враг на море – саксонский пират, и заставил Рим обратить усиленное внимание на оборону берегов Атлантики.

Вместе с угрозой со стороны саксонских пиратов появилась еще одна, возникшая в Ирландии, к западу от Британии. В I веке при Агриколе Ирландия была островом варваров, расположенным на самом краю римского атлантического мира. Она не имела значимых военно-морских сил. Однако к III веку начались перемены. Согласно ирландской традиции, в 222 году первый ирландский флот совершил плавание за море. Нам известно, что к 275 году десса, жившие в южной части острова, начали высаживаться на побережье Корнуолла и устраивать там, как и в Южном Уэльсе, свои поселения. Набеги показали, что ирландцы, как и саксонцы, представляют собой большую угрозу для Рима.

К этим двум угрозам вскоре добавилась третья – шотландские пикты. Трудно сказать, когда именно пикты стали массово выходить в море. Но если письменных источников крайне мало, раскопки их брохов – крепостных сооружений на мысах западного побережья Шотландии, островах и восточном побережье – ясно показывают, что к началу периода поздней империи они тоже стали морским народом. Если раньше они были дикарями, которых можно было остановить стенами, крепостями и небольшими военными флотилиями, теперь они стали грозными противниками. Их морская доблесть и быстроходные суда дали им возможность легко обходить римские фортификационные сооружения на суше и совершать набеги на западное побережье Британии. По мнению Вегеция, римляне, вероятнее всего, копировали суда пиктов.

На Балтике, как показал Тацит, скандинавское военно-морское могущество всегда существовало, вне зависимости от римского. Но интересно отметить, что, когда готы и связанные с ними северные народы в III веке добрались до Черного моря, они скоро вышли в море и стали угрожать с моря берегам Малой Азии, прорвавшись через Дарданеллы. Они даже вышли в Средиземное море. Готы обосновались в южнорусских степях, но их ранние действия на море были удивительно похожи на действия их варяжских преемников. Короче говоря, в III веке Рим оказался перед лицом серьезных трудностей на северных морях.

Римский ответ на эти угрозы был типичным для периода поздней империи. Римляне приняли решительные, но чисто оборонительные действия. В конце III века началось создание морской оборонительной системы, призванной сдерживать пиратов. Работы начал Караузий, а продолжил Констанций Хлор. В Британии была построена серия из одиннадцати морских крепостей, протянувшихся от Уоша до острова Уайт и даже немного дальше. Там несли службу римские солдаты, которыми командовал комит Саксонского берега, – и это был очень важный титул.

Возможно, эти оборонительные позиции включали, наряду с наземными гарнизонами, эскадры быстроходных кораблей, известных как пиктские корабли благодаря камуфляжу или конструкции, если верить Вегецию, они могли предупредить гарнизоны о приближении вражеской эскадры. Автор считает более вероятным, что эти корабли назывались пиктскими из-за их конструкции, а не из-за того, что они были как-то по-особенному замаскированы или покрашены. Вегетий не объясняет, почему использовал этот термин.

Аналогичные крепости были построены на галльской стороне Канала, от устья Рейна до Бретани, а главный флот размещался в Булони, в узком Дуврском проливе. За этот флот, согласно *Notitia Dignitatum*, отвечал дукс Белгики II. Другие крепости были возведены в ключевых пунктах вдоль берегов Нормандии, Бретани и Западной Галлии до Пиренеев. Ими командовал граф Арморики и нервиев. Представляется вероятным, что только эти фортификационные сооружения вдоль канала до Гранноны в Бретани назывались Саксонским берегом и предназначались для защиты от набегов саксонских пиратов. Те, что располагались в Западной Бретани, вдоль западного берега Галлии, а также известные нам в Испании, могли быть построены для защиты этих регионов от ирландских разбойников. В дополнение к этим береговым постройками флотам, на Рейне и Сене курсировали специальные речные флотилии.

Аналогичные морские оборонительные сооружения были найдены археологами на западном побережье Британии. Они были построены, чтобы противостоять ирландским пиратам. Целый ряд крепостей и наблюдательных вышек располагался на острове Энглеси и в Северном Уэльсе, а также на обеих сторонах Бристольского канала; самые важные – в Кардифе. Флотилия, вероятнее всего, располагалась в устье Северна, чтобы отражать нападения, на что указывают найденные в процессе раскопок остатки военно-морской базы. Также представляется вероятным, что более древний римский флот нес вахту у берега Кумберленда, к югу от Вала, где являлся подкреплением против набегов ирландцев и пиктов. Флот, который Коротикус из своего центра в Дамбартоне использовал для набегов на Ирландию в V веке, возможно, был остатками римской флотилии.

Единственным серьезным пробелом в римской морской обороне Британии было северо-восточное побережье Йоркшира, где военно-морские укрепления, вероятно, не считались необходимыми в начале IV века. Большое совместное нападение на Британию в 367 году пиктов, ирландцев и саксонцев изменило ситуацию. После поражения Британии комит Феодосий велел построить там несколько наблюдательных вышек, вероятно, чтобы британцы могли получить заблаговременное предупреждение о приближении эскадры пиктов. Первое большое нападение пиктов имело место во время совместного вторжения 367–368 годов, и оно едва не уничтожило римскую Британию.

В то же время римляне отошли со своих уязвимых позиций вдоль берега Северной Германии и Фризии на Рейн, покинув береговые форты, которые занимали в период ранней империи, возможно, потому, что чувствовали себя незащищенными перед вражескими нападениями. Тогда вдоль берега Атлантики, от Рейна до Пиренеев и в Британии, была построена новая морская оборонительная система, достойная речных эскадр, крепостей и специальных армейских подразделений, защищавших рейнскую и дунайскую границы.

Рассматривая римскую систему береговой обороны, невольно обращаешь внимание на кое-что другое, помимо ее целостности и законченности. Имеется в виду ее строго оборонительный характер. Совершенно очевидно, что речные флотилии на Рейне и Сене, быстроходные корабли, приданные укреплениям Саксонского берега, и эскадры в Британском канале и Кумберленде имели, в сущности, оборонительный характер. Даже главный флот в Булони находился там, чтобы охранять узкий Дуврский пролив и защищать жизненно важные пути по каналу, которые вели в Ричборо и Дувр из Булони и в Клаузентум из Руана. Многие береговые крепости и их гарнизоны, так же как и выдвинутая вперед обширная сеть наблюдательных вышек, говорят о той же оборонительной доктрине, поставленной во главу угла. На море римляне также акцентировали внимание на глубокой, но, в сущности, пассивной обороне. Не для них защита крупного активного флота, который может вести войну с Саксонией, Ирландией и пиктами. На самом деле мы лишь однажды читаем о военно-морской карательной экспедиции, отправленной комитом Феодосием против пиктов Оркнейских островов. Он желал наказать их за нападение 367 года. Экспедицию тогда возглавил Лупициан. В целом римляне довольствовались ожиданием нападения со стороны своих врагов, и, судя по их оборонительным диспозициям, их особенно тревожило возможное нападение из Северного моря в Английский канал, поскольку там пролегал путь в Британию.

Тесно связанными с атлантическими военно-морскими оборонительными сооружениями и сравнимыми с ними во многих отношениях были те, что защищали сухопутные границы Рима вдоль Рейна и Дуная. Эта оборонительная система, созданная Диоклетианом и Константином, была лучше понята историками, чем та, что располагалась на побережье. Она состояла из трех основных частей. Первая – вдоль Рейна, точнее, вдоль среднего течения Рейна, откуда шли легкие пути вторжения через Мозель и Севернский проход в долину Роны и сердце Галлии. Вдоль этого пути располагались самые мощные оборонительные сооружения Рима, и город Трир, его охранявший, считался в IV веке имперской столицей на западе. Вторая часть –

это Норик, Реция и Паннония в верховьях Дуная, охраняющая альпийские проходы в Италию. Прямо за этими провинциями в Италии находился Милан, разделявший с Триром честь являться резиденцией императора Запада. Со времен опаснейших маркоманских войн конца II века эта граница считалась особенно уязвимой, и ее всячески старались охранять. И наконец, существовала еще граница в низовьях Дуная, которая была ответственностью императора Востока, и находилась под пристальным наблюдением из Константинополя. Поскольку Аврелиан покинул Дакию, оставив ее вестготам, путь по Вардару к Эгейскому морю сделал необходимым поддержание этого региона в оборонительной готовности.

К IV веку вдоль этих границ была установлена новая модифицированная система обороны. И снова это была оборона вглубь. Внешний слой составляли племена варваров – *foederati* – такие как франки, жившие за пределами речных границ, или, в некоторых случаях, как франки, осевшие внутри границ. Им была поручена охрана регионов, где они обосновались. На Рейне и Дунае были флотилии, обязанностью которых являлось патрулирование рек, перехват мелких рейдеров и контроль за имперской торговлей. Они были особенно полезными на обширных просторах низовьев Дуная, где отсутствовали мосты. Их важность подтверждается рядом положений в Кодексе Феодосия и *Notitia Dignitatum*, которые относятся к ним.

За этими силами располагались крепости, в которых стояли старые приграничные легионы, теперь утратившие свою былую значимость и превратившиеся в нечто вроде крепостной милиции, полезной для предупреждения атаки и отражения нападений небольших групп налетчиков, но абсолютно неэффективные в случае масштабного нападения варваров. Надежные укрепления были в тылу – укрепленные города и лагеря, где располагались мобильные полевые армии империи; элитные конные войска под командованием опытных командиров, готовых немедленно повести своих людей в бой, если враг прорвется через внешние линии обороны. Важность Трира и Милана объяснялась тем, что они служили штабами таких полевых армий; в далекой Британии аналогичную роль играл Йорк. На суше, как и на море, акцент делался на оборону – оборону вглубь, правда, скорее пассивную, чем активную по характеру.

В какой-то степени экономика империи, которая была обращена к Атлантике и Северной Европе, отражала эту оборонительную модель и была сформирована ею. На первый взгляд это кажется неверным, поскольку в поздней империи бок о бок существовали две экономики, что наглядно доказали Пиганьоль и другие историки. Первая – международная экономика, основанная на золоте и в какой-то степени серебре. Она раскинулась по всей империи, от одного конца до другого. В атлантических провинциях Римской империи в нее были вовлечены богатые чиновники, землевладельцы, священнослужители и некоторые торговцы, в основном сирийские и восточные. Она включала в основном торговлю предметами роскоши, такими как специи, вина, шелка. Эти товары проходили через Средиземноморье и попадали на виллы Восточной Галлии, долин Роны и Мозеля и даже во Фризию и Англию.

Другая экономика имела местный характер и оказывала влияние на массы населения, а не на отдельных его представителей. Она была основана на зерне и других продовольственных продуктах, которые попадали к имперской бюрократии в виде налогов, и на некоторых промышленных товарах, производимых на фабриках. Речь идет об оружии, одежде и различном оборудовании, предназначенном для удовлетворения потребностей армии и бюрократии. Она была основана на *corvées*, взыскиваемых с населения, чтобы поддерживать дороги и имперскую почтовую систему, чтобы перевозить грузы к местам их потребления. Хотя она уходила корнями в определенные аспекты правительственной системы, существовавшей в ранней империи, но больше напоминала ту, что получила развитие в Древнем Египте.

Такая экономика, по сути своей, должна была иметь местный характер в атлантических и северных регионах, поскольку товары и продовольствие в тех местах было не так легко перевезти на большие расстояния, чтобы обеспечить потребности войск и населения на приграничных территориях, как в Средиземноморье. Поэтому под давлением потребностей обороны и

государственной регламентации вдоль римских границ постепенно произошло развитие пяти разных экономических регионов. Первый – в низовьях Дуная. Вторым состоял из Норика, Реции и Паннонии в верховьях Дуная. Третий – в Рейнской области и Северо-Восточной Галлии. Британия составляла четвертый. Пятый, несколько отличный от других, состоял из Западной Галлии и частей северо-запада Испании.

Мы обладаем обширными знаниями только о третьем из этих пяти экономических регионов, расположенном в Рейнской области и Восточной Галлии. Бросается в глаза сравнительно большое число местной промышленности, хотя в основном она работала на имперское правительство. Несколько государственных фабрик – *gynesees* – работали в разных городах. В Реймсе, Турне, Трире и Меце изготавливали ткани, в Отёне, Суассоне, Страсбурге, Амьене, Реймсе и Трире – оружие. На юге – в Арле и Вьене – производили полотно и тонкие пурпурные одеяния для императорского двора на Мозеле. На рудниках Центральной Галлии, Мааса и Мозеля добывали руду, необходимую для производств, а *collegia nautae* отвечала за доставку продовольствия, произведенного на месте, и продукции *gynesees* в места, указанные государством.

В центрах, где существовали государственные фабрики, а также в иных местах развивались и другие отрасли промышленности. Наиболее важным было изготовление предметов из стекла в Кёльне, Аргоне и некоторых районах Бельгии. Немаловажным было также изготовление изысканных, покрытых эмалью украшений, а также производство латуни и бронзы. В Аргоне и в районе Трира производили римскую посуду – *terra sigillata*. Такое производство в этих регионах существовало до середины V века.

Подобный индустриализм существовал к IV веку и на противоположном берегу Канала – в римской Британии. В Уинчестере, Кайстор-бай-Норидже и Каеруенте находились государственные фабрики тканей, подобные галльским. Железные рудники в Кенте и в Форест-оф-Дин активно работали, возможно чтобы удовлетворять нужды воинов, размещенных в фортах Саксонского берега или приграничных с Уэльсом районах. Как и в Галлии, здесь начала развиваться важная гончарная промышленность, в Британии она сконцентрировалась вокруг Кайстора, где дешевая местная *terra sigillata* быстро вытеснила более дорогие ввозимые аналоги. На острове добывали свинец и серебро, производили бронзу, латунь и олово.

Похожая ситуация сложилась в Реции и Норике. Там тоже, согласно Кодексу Феодосия, процветало государственное производство тканей. Велись разработки залежей железной руды, чтобы удовлетворить потребности приграничных войск. Жаль, что нам почти ничего не известно о ситуации на Нижнем Дунае. Возможно, там было нечто подобное.

Таким образом, можно утверждать, что к началу этого периода, по большей части при участии государства, появились экономически автономные регионы, активно развивающие промышленность, где производились товары для местных рынков, чтобы удовлетворить местные потребности. Развивалось и сельское хозяйство. Виноградники, к примеру, к IV веку имелись уже в долине Мозеля – раньше их там не было. В регионе стали производить собственное вино, перестав ввозить его из Галлии. В Британии в это время также произошел переход от импортируемого вина и оливкового масла к местному пиву и животному жиру. Только на Верхнем Дунае все еще поддерживались тесные экономические связи со Средиземноморьем, да и здесь не следует преувеличивать объем такой торговли, за исключением разве что предметов роскоши.

Объем торговли между этими тремя самодостаточными регионами – Британией, Северо-Восточной Галлией и Верхним Дунаем – к IV веку был сравнительно небольшим. Некоторое количество стекла, произведенного на севере Галлии и в Рейнской области, нашло дорогу в Британию, и нам известно, что в то же самое время зерно с острова отправлялось на другой берег Канала, чтобы кормить армии на Рейне. Стекло Кёльна также везли в верховья Дуная, но такие перевозки оставались незначительными.

Интересно, что, за исключением транспортировки некоторых предметов роскоши, эти регионы были также отделены в экономическом отношении от торгового мира Средиземноморья. Исследование артефактов, обнаруженных в процессе раскопок в Бельгии, Фризии и разных местах Северной Галлии, указывают на это однозначно. Лишь совсем немногие из них имеют средиземноморское происхождение. Даже произведенное в Рейнской области стекло этого периода, в отличие от стекла Меровингов, как показал химический анализ, не содержит средиземноморских ингредиентов. Британские шерстяные изделия были известны в сердце империи при Диоклетиане, однако, похоже, туда больше ничего с севера не поступало.

Следует рассмотреть еще один регион империи, непосредственно связанный с Атлантикой. Это территория вокруг Бордо, состоящая из Западной Галлии и северного побережья Испании. Археологической информации об этом регионе в тот период немного, но все же на ее основании можно сделать вывод, что он не так резко порвал с прошлым ранней империи, как другие¹. Хотя его города сильно пострадали в III веке, в IV веке они сохранили некоторую важность. Аммиан Марцеллин назвал Бордо, Сент, Пуатье и Орлеан городскими центрами уже в 390 году. Бордо в IV веке был достаточно богат, чтобы поддерживать школы риторов, звездой которых являлся поэт Авсоний. Тесную связь с Северной Испанией и, особенно, Галисией в этот период доказывает распространение присциллианства в этих регионах. Не прерывались связи и со средиземноморским миром через Гаронну и, возможно, также через Луару-Рону. Активная торговля вдоль берегов достигла Гибралтара и далеких Британии и Ирландии. Здесь жила богатая сенатская аристократия, и вина из ее обширных поместий доставлялись на северные рынки. Предположительно, изделия из металла тоже производились не только для удовлетворения местных нужд. Достаточно удаленный от границ, чтобы избежать имперских поборов и регламентации, необходимой для поддержки пограничных армий, этот регион находился в относительно привилегированном положении. Но и здесь местничество и отделение от средиземноморского мира оставались общими правилами.

Характерной экономической единицей всех северных регионов империи, однако, была вилла, а вовсе не центр, где государственные фабрики выпускали оружие и оборудование, необходимое для римских пограничных армий, и даже не уцелевшие торговые города, такие как Лондон, Кёльн, Бордо или Пуатье. Вилла всегда была сильна в этих регионах, даже в условиях раннего процветания империи, а к IV веку она стала особенно могущественной экономической единицей. На самом деле эта система вилл была прямым результатом того самого экономического местничества, о котором говорилось ранее. Причем дело было не только в недостаточности денежной экономики и торговых связей со Средиземноморьем, но также в определенной политической линии имперского правительства.

Государственная регламентация транспорта, государственное управление промышленностью, государственные политические решения, привязывавшие гильдии купцов, ремесленников и городскую аристократию к своим задачам, а также тяжелый гнет налоговой системы поздней империи – все это уничтожило жизненную силу, еще оставшуюся в городских центрах. Это также вывело большую часть торговли и промышленности в сельскую местность, где под защитой могущественной сенатской аристократии можно было действовать свободнее. Таким образом, в поздней империи значительная часть экономической жизни переместилась на виллы в сельской местности. В точности так же текстильное производство периода позднего Средневековья вырвалось из лап гильдий в аграрный мир, где было больше свобод. Этот факт

¹ Заметим, что всегда имела место недооценка *уникальности* этих частей Западной империи в части их свободы от избыточной регламентации государства. Юлиан, наблюдая блестящую жизнь вилл (и ситуацию в районе Мозеля), нарисовал картину, нередко ложную, жизни всего римского галльского запада. Возможно, не вполне соответствует действительности также информация о *convées* для перевозки продовольствия, и потому нет информации о *pautae* на Гаронне, что отметил Рено. Даже морские оборонительные сооружения вдоль побережья Атлантики здесь были построены позже, чем форты на Саксонском берегу. О них нет никаких упоминаний до периода составления *Notitia Dignitatum*. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

объясняет парадокс разрушенных городов и процветающих вилл Западной Галлии, долины Мозеля и Британии этого периода. Он объясняет, почему такая вилла, как Чедворт, что в графстве Глостершир, существовала как сельскохозяйственные фабрики, производившие разные товары, в том числе шерсть и черепицу. Он объясняет процветание британской сельской местности в те годы. Объясняет торговлю между виллами в регионе Гаронны, которая дала жизнь классу состоятельных разносчиков, разносивших товары для продажи на некоторое расстояние от места их производства. А также дает нам возможность понять источник богатства таких семейств, как Авиты и Аполлинарии в этой части Галлии.

Те историки, которые видели в системе вилл поздней империи в этих регионах своего рода замкнутую натуральную экономику в более позднем средневековом смысле слова, вероятнее всего, ошибаются. Система вилл больше напоминает систему плантаций колониальной Вирджинии, Малайи XIX века или Вест-Индии. Для тех, кто работал на земле, как колонны, или трудился в одной из мастерских вилл, это была закрытая аграрная система, но для хозяев, живших в комфорте, она обеспечивала необходимые средства, чтобы наслаждаться имперской роскошью и отправлять продукцию своих полей и мастерских на дальние расстояния. Владельцы вилл Галлии, Британии и других регионов Запада, имеющие экономические привилегии благодаря имперским законам и защищенные от вмешательства официальных лиц и налогообложения собственной силой, играли важную экономическую роль, выходящую далеко за пределы их поместий. На самом деле в V веке одному императору хватило ума понять их роль и осознать, что торговцы незаконно покидают города и продолжают вести коммерческую деятельность в портах и виллах, свободных от имперских налогов.

В общем, мы можем утверждать следующее: в атлантических и центральноевропейских провинциях империи к IV веку появился ряд экономических регионов, отделенных друг от друга. В каждом была сравнительно высокоразвитая промышленность и самодостаточное сельское хозяйство. Эти регионы, обязанные своей замкнутостью и местничеством оборонительному мировоззрению и правительственной системе, созданной поздними римскими императорами, не были, в сущности, частью средиземноморского мира, служившего основой существования Рима. Они зависели от аграрной усадебной экономики, производившей не только продовольствие, но и промышленные продукты для потребления.

Однако считать, что появление такой своеобразной экономики является исключительно результатом потребностей Рима для обороны или ее правительственной политики, все же нельзя. Ведь со времен Августа действовали и другие силы, влиявшие на трансформацию экономики римских северных провинций, обращенных к Атлантике и Центральной Европе. Представляется вполне возможным, что даже без давления потребностей обороны и правительственной регламентации и его вмешательства все равно могла возникнуть экономическая ситуация, подобная описанной выше, хотя, вероятно, не так быстро. Растущий индустриализм и отдельные экономические системы были неизбежны в Галлии, Британии, Рейнской области и в верховьях Дуная, как результат успеха римской цивилизаторской миссии, наличия природных богатств в этих частях Европы и влияния географических условий, которые определили тяготение этих регионов к северным морям, а не к Средиземному морю.

Давайте рассмотрим промышленные и экономические события на латинском Западе. Возьмем, к примеру, производство тканей, гончарных изделий и стекла. В I веке центром производства этих трех товаров была Италия, откуда их экспортировали в северном направлении за границы Рима. К IV веку появилось местное стекольное производство в Бельгии и Рейнской области, сделав итальянский импорт ненужным. Во II веке популярная и дешевая римская посуда изготавливалась на юге Франции, откуда ее везли в Британию, Северную Галлию и Рейнскую область. Ко временам Константина это производство исчезло в Провансе и вместо этого укоренилось на севере в Аргоне и долине Мозеля, а также в Восточной Британии. То же самое произошло с производством бронзы и латуни. Что касается тканей, в поздней империи

Бельгия и далекая Британия стали центрами производства шерсти, хотя ранее они почти не вносили вклад в это производство. Производство железа и металлообработка шли по тому же пути развития, став особенно важными для экономик Британии, Рейнской области и Альп. Не следует игнорировать и перемещение в тот же период производства вина из Южной Галлии на север в долину Мозеля.

Хотя III век был свидетелем неудач римской цивилизации в западных провинциях, нет сомнений в том, что к IV веку продвижение на север возобновилось, и не только торжествующее местничество привело к промышленному и сельскохозяйственному развитию, о котором мы говорили. Оно было результатом поступательного движения цивилизации. Так и в современном мире мы видим, что, несмотря на войны и беспорядки, развивается промышленность в Южной Америке, Африке, Азии и других районах, преобразуя аграрные территории в более самостоятельные экономические единицы, которые успешно конкурируют со старыми установившимися центрами. Этот процесс, ускоренный официальной политикой Рима, который работал на римском Западе, помогает объяснить ситуацию, сложившуюся в IV веке.

Теперь рассмотрим влияние на торговлю в Северной Европе, от Испании до Финляндии, события в римских северных и атлантических провинциях, отделенных от Средиземноморья. Здесь следует различать торговлю Западной Атлантики – Галлии, Испании, Британии, Ирландии и далее – и торговлю Центральной Европы и Черного моря, которая тоже доходит до Балтики и Скандинавии по суше, старым янтарным путям.

Сначала рассмотрим торговлю Западной Атлантики. К началу периода поздней империи произошли изменения характера этой торговли, тех, кто в ней участвовал, и в смене маршрутов. Возможно, самым важным изменением стало появление довольно большого числа британских моряков и купцов, ставших ее полноправными участниками. Во времена Страбона атлантическое судоходство в основном было в руках галльских купцов, в первую очередь менапиев и моринов, самых выдающихся торговцев на атлантическом побережье от Бордо до Лондона. Но уже в III веке в Бордо стали появляться британские моряки с восточного берега острова.

Одной из причин такой перемены может быть упадок бельгийских портов при поздней империи. Римляне из Фризии покинули такие старые торговые центры, как Битгюм, Домбург, Фекцию и Неймеген, и даже расположенный дальше по побережью Ауденарде к этому времени утратил свое значение. Некоторые считали, что оставление этих портов стало прямым результатом вторжения моря на прибрежные регионы Фландрии и Фризии². Другие видели в этом упадке результат набегов агрессивных саксонских пиратов. Но какова бы ни была причина, следует отметить, что вся эта часть Нидерландов, в противоположность Долине Мозеля возле Трира, пришла в упадок в период поздней империи. Не только порты, но даже виллы исчезли. Из 400 вилл, как известно существовавших при ранней империи, только 22 еще были заселены в начале IV века, а в конце века – семь. Причем последние по своему расположению больше тяготели к Рейну, чем к Каналу и Северному морю.

Представляется очевидным, что исчезновение купцов – менапиев и моринов из атлантической торговли после времен Караузия было тесно связано с упадком, постигшим их родину после ухода римской цивилизации из Фризии на юг. Но не вся торговля из этих регионов исчезла. Нам известно, что рейнское стекло поступало в Англию и в IV веке, и некоторое количество terra sigillata попадало в Фризию уже после 300 года. Однако ее объемы были невелики в сравнении с теми, что имелись при ранней империи. Нет сомнений в том, что купцы из Восточной Британии, которую не коснулись катастрофы III века, так сильно повлиявшие на Нидерланды, обязаны своим возвышением, по крайней мере отчасти, исчезновению конкурен-

² Р. Бланшар считает, что Фландрия, как и Голландия в период поздней империи, была затоплена морем, что объясняет ее упадок. Теория представляется сомнительной. Песок, покрывающий остатки римских поселений вдоль берега, скорее, является результатом совместной работы ветра и дюн, чем затопления морем. Однако, прежде чем утверждать что бы то ни было с полной уверенностью, следует изучить проблему глубже.

ции на северных морях. Теперь они сами плавали за товарами, которые раньше привозили в их порты галльские купцы. Это объясняет нахождение вдоль восточного побережья Шотландии множества римских монет, датированных тем периодом.

Еще интереснее новый морской торговый импульс, отмеченный в те годы в Западной Британии. И здесь особенно важной представляется положение Корнуолла в поздней империи. Известно, что в ранней империи в Корнуолле не было ни развитой промышленности, ни торговли. Его оловянные рудники не разрабатывались, и римляне, ближайший гарнизон которых располагался в Эксетере, даже не потрудились занять полуостров. В III веке начались перемены. Открылись оловянные шахты, и, если верить Авиену, вдоль корнуоллского побережья началась активная морская торговля, которой занимались коренные британцы. Некоторые авторы считают, что это произошло из-за истощения испанских оловянных залежей в Астурии. Другие утверждают, что из-за беспорядков на западе олово Галисии стало трудно получать. Теперь уже никто не узнает, как было на самом деле.

Тем не менее не может быть сомнений в том, что новый британский морской импульс распространился далеко за пределы Корнуолла. Мы узнаем о британских мореплавателях на побережье Северной Испании. Корунья в Галисии в IV веке стала известна как *Portus Britanniae*. Для британских моряков, плававших к этим далеким берегам, был даже построен маяк. Возможно, новая британская морская активность на море была отражением того, что Хаверфилд уместно назвал кельтским возрождением в Британии при поздней империи, возрождением, заметным в кельтских религиозных идеях и отчетливо видным в произведениях искусства, обнаруженных в Бате, в сокровищах Милденхолла и на британских римских виллах.

Кельтское возрождение не ограничивалось одним только британским побережьем. Оно также отразилось – и было связано – с подъемом пиктских и ирландских морских сил в те годы. В Ирландии, к примеру, в IV веке отчетливо видны признаки стимулирующего воздействия из римских источников, что, вероятно, было результатом близкой связи с империей, по-видимому с соседней Британией. Удивительно большое число бронзовых предметов, имеющих позднее римское происхождение, датированных этими годами, было найдено в Ирландии, в противоположность сравнительно небольшому их числу периода ранней империи. Монетные клады поздней империи были найдены в Голуэе и центральной части Ирландии. Это подразумевает, что торговая активность достигла и этого удаленного острова.

Аналогичные предметы и клады с римскими монетами также были обнаружены на западном побережье и островах Шотландии, земли пиктов – на островах Уист и Айлей (Гебриды) и возле Лох-Несс на материке. Представляется вероятным, что западный морской путь протянулся дальше Шотландии к скандинавским берегам, поскольку аналогичные римские предметы и монеты были найдены при раскопках в районе норвежских фьордов. Одна из самых интересных находок в том регионе – серебряная монета Констанция Хлора, чеканенная в Аквитании. Она связывает Западную Норвегию и Западную Галлию в IV веке империи. Даже в Исландии обнаружены римские монеты этого периода³.

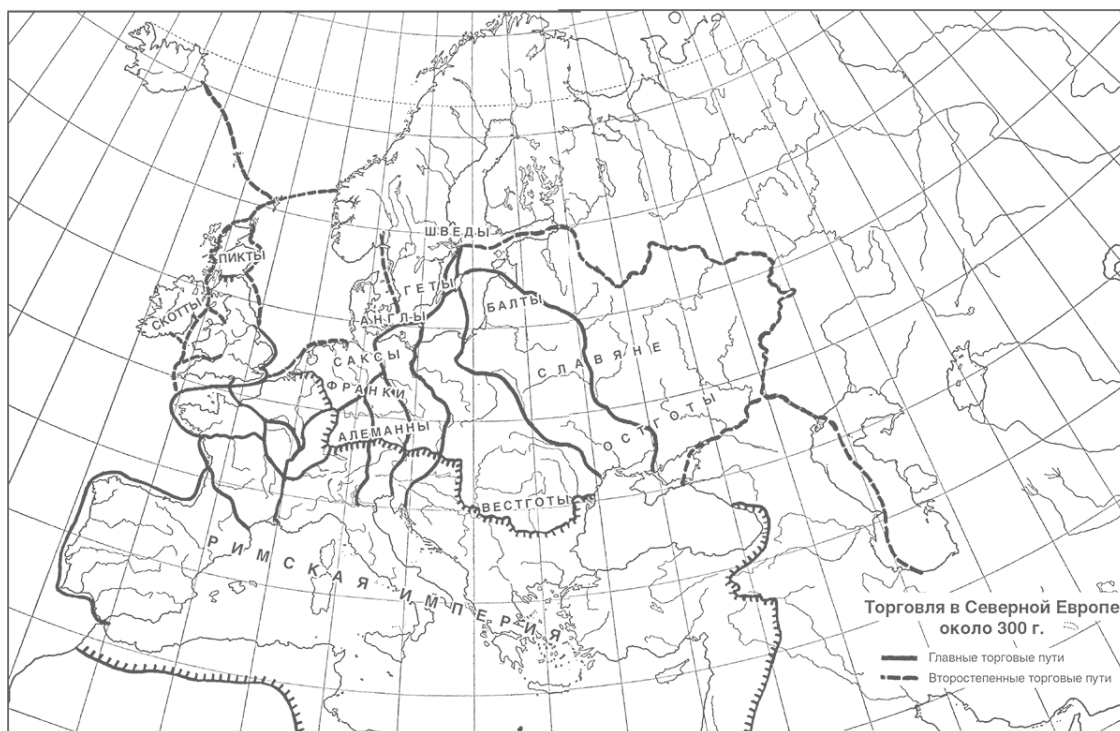
По монетам, бывшим в обращении в тот период, видно, что весь атлантический регион, территории как внутри империи, так и за ее пределами, обладал экономическим единством. Повсюду от Норвегии и Исландии до Испании все найденные монеты того периода были только серебряными⁴. В империи в целом и в средиземноморском регионе в частности в те годы существовала биметаллическая система, хотя золото чаще использовалось в международной торговле. Тогда почему оно было настолько редко в Атлантике? Возможно, причина в том, что

³ Эти монеты – всего их три – обнаружены на раскопках на юго-восточном побережье Исландии. Они были чеканены Аврелием, Пробом и Диоклетианом и, по-видимому, попали на остров в первые годы IV в.

⁴ Исключение составляют четыре редкие монеты того периода – *solidi*, – найденные в Норвегии. Их чеканили Константин, Констанций II, Валентиниан и Грациан. Правда, они, скорее всего, попали в Норвегию через Центральную Европу, а не через Атлантику.

Британия была крупным производителем серебра, и торговля, оказавшись в руках британцев, велась с использованием серебряных монет. В этой связи интересно отметить, что серебряные рудники в Мелле, расположенном в Западной Галлии, ранее не использовавшиеся, в IV веке начали разрабатывать. Возможно, лучшее объяснение заключается в том, что грузы, перевозившиеся по атлантическим путям, в основном не были дорогостоящими предметами роскоши, и их везли мелкие торговцы. Для такой коммерции расчеты в серебряных монетах целесообразнее, чем в золотых. В общем, каким бы ни было объяснение, можно не сомневаться в том, что развитие этой серебряной монетной системы, аналогичной той, что появилась в этих же регионах при поздних Меровингах и Каролингах, знаменует становление атлантической торговой и экономической жизни, отдельной от жизни Средиземноморья.

Вторая важная группа торговых путей протянулась от регионов Рейнской области и Восточной Галлии и верхнего и нижнего течения Дуная по суше через Германию и Центральную Европу к Балтике и Скандинавии. Представляется, что обычно использовались древние янтарные торговые пути по Одере и Висле. Здесь снова, как и с атлантической торговлей, мы замечаем определенные перемены, появившиеся к началу IV века. До III века по морскому пути, проходившему через Фризию к устью Эльбы или к Зеландии через полуостров Ютландия, перевозили самую важную часть грузов Балтики. Многочисленные предметы римского происхождения, датированные периодом ранней империи, были обнаружены в Ютландии, Зеландии и других местах. Как уже говорилось, уход римлян из Фризии привел к упадку городов на побережье Северного моря. У нас почти нет свидетельств того, что в IV веке римская торговля достигала Ютландии, и никаких доказательств ее существования, датированных после 300 года, не было найдено при раскопках на побережье Фризии.

Вместе с тем наземные пути, расположенные восточнее, стали важнее в коммерческом отношении, и не только Зеландия, но и находящиеся дальше на восток острова Эланд и Готланд стали демонстрировать близость к римскому миру. В торговле между Римской империей и Балтикой произошел общий сдвиг на восток.

В дополнение, еще один важный путь вел в те годы с серой Балтики на юг. Расположенный еще восточнее, он протянулся через Неман и, возможно, Двину к Днепру и государству остготов на Черном море. Оттуда этот торговый путь доходил до Персии Сасанидов. По этому пути из Центральной Азии в Скандинавию попадали самые разные произведения искусства, а с ними и сказания о славном остготе Эрманарихе.

Проанализировать товары, составлявшие основу этих трех торговых регионов, довольно трудно. Мы обладаем слишком скудной информацией об атлантическом регионе, по крайней мере о его коммерческой деятельности. Нам известно, что вино составляло основную часть экспорта из Южной Галлии в Британию и за ее пределы. Возможно, соль Сентони тоже являлась статьей экспорта. Оливковое масло, произведенное в Южной Франции или Испании, везли через Юго-Восточную Галлию. Многочисленные предметы из бронзы, найденные в Ирландии, были доставлены или из Галлии, или из Британии – последний вариант более вероятен. Возможно, в долине Луары производилось слишком много железа, чтобы его можно было употребить на месте, и его тоже вывозили. Из Рейнской области и Северной Галлии в Британию и на север везли стекло.

Британский экспорт состоял, по большей части, из металлов – олова Корнуолла, меди Энглеси, свинца и серебра Мендипа и Флинтшира. Нам также известно, что британские ткани везли на юг к Средиземному морю, а также иногда с острова вывозили пшеницу. Испания производила ценные металлы. Речь идет о меди из Уэльсы и олове, свинце, серебре и золоте из Астурии. Другие статьи испанского экспорта – оливковое масло и рыба. Наши знания, полученные из исторических и археологических источников, слишком мало, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что эти статьи экспорта отправлялись, как раньше, в Бордо. Возможно, ими загружали возвращающиеся порожние британские суда, которые заходили в Корунью. Об ирландском экспорте нам мало что известно, за исключением того, что в начале V века с острова везли в Галлию охотничьих собак. Тем не менее представляется вероятным, что оттуда везли также шкуры, рабов и даже золото. Примитивные Гебриды, Шотландия, Исландия и Норвегия отправляли меха, диких животных и перья морских птиц на юг на римские рынки. Иными словами, по атлантическим путям в этом веке везли весьма разнообразные товары.

Торговля со свободными германцами через Рейн и Дунай до самой Скандинавии в тот период тоже была очень важной. Первостепенной важностью обладало оружие, которое являлось главной статьей экспорта империи, на что указывают многочисленные археологические находки, к примеру, в Нидаме. Другие изделия из металла, главным образом из бронзы, также отправлялись на север вместе со стеклом и керамикой из Рейнской области для потребителей всей Германии и Балтики. К этим предметам экспорта следует добавить вино, продовольствие и, возможно, ткани.

Следует подчеркнуть один важный пункт. В IV веке, в отличие от периода ранней империи, источником товаров, отправляемых германцам, больше не были мастерские Средиземноморья. Теперь промышленные товары, отправляемые через римские границы, производились в Рейнской области, Галлии, Норике и Реции. Более того, если найденные монетные клады, датированные этим периодом, указывают на то, что в германо-римской торговле в основном использовались серебряные монеты, было обнаружено также золото, а значит, серебро утратило эксклюзивность. В отличие от торговли в Атлантике с Шотландией и Ирландией, где использовалось только серебро, в Центральной Европе иногда расчеты велись в золоте, хотя его экспорт, по-видимому, существовал в форме выплат наемникам и союзникам, а не как плата за товары⁵.

⁵ Следующие золотые монеты этого периода были найдены при раскопках к северу от границ империи: во Фризии: 2 монеты Валента, 2 – Грациана, 1 – Иовина. В Германии: 1 монета Валентиниана. В Швеции: 1 монета Валентиниана, 2 – Константина, 1 – Грациана. В Норвегии: 1 монета Константина, 1 – Констанция II, 1 – Грациана. Все они были обнаружены вместе с серебряными монетами и чеканились, главным образом, на итальянских и восточных монетных дворах.

Импорт в империю из этих регионов перечислить сложнее. Основной статьей импорта с Балтийского моря, безусловно, был янтарь. Также в империю ввозили меха, диких животных и рабов. В общем, изучение археологических находок и монетных кладов в Скандинавии указывает на то, что, в отличие от ситуации в Атлантическом регионе, торговля между империей и свободными германцами была меньше по объему в поздней империи, чем при Августе и его непосредственных преемниках, и в ходе IV века она уменьшалась.

Уменьшение объема торговли с римским миром может объяснить рост важности более восточных путей через Неман и Двину к остготам юга Руси и дальше в Центральную Азию. Это подтверждают находки русских археологов. По этому пути в тот период, как и позже, везли меха, мед и рабов. Интересно, что в России, согласно трудам Грекова, было обнаружено очень мало кладов римских монет, датированных позже III века. Это указывает на то, что коммерческие связи с Персией Сасанидов и Центральной Азией в IV веке были важнее, чем торговля с империей через Крым и Черное море. Этот факт также объясняет художественное влияние, достигшее Скандинавии из Азии в те годы.

Подведя итоги рассмотрения торговых путей и товаров, пересекавших римские границы, мы начинаем понимать многие вещи лучше. Становится очевидно, что не только римские провинции, выходящие к Атлантике и расположенные вдоль Рейна и Дуная, в целом в IV веке были в экономическом отношении отделены от Средиземноморья, но то же самое справедливо и для регионов за пределами империи. Ирландия, Шотландия и даже далекие Исландия и Норвегия были частью Атлантического торгового региона, связанного с римской Британией, Западной Галлией и Северной Испанией. А Германия и Балтика были связаны с Рейнской областью и римскими провинциями к северу от Италии, а также вдоль Дуная. Еще одна коммерческая связь соединяла Восточную Балтику с Русью и Центральной Азией. Уже в IV веке новые экономические связи начали отвлекать и римские, и неримские земли, обращенные к северным морям, от их прежних экономических уз со Средиземноморьем, на котором был основан римский мир. Началось неуверенное и осторожное формирование атлантической – североευропейской судьбы.

Мы уже отмечали, что на земле и на море правители поздней империи пытались отразить опасность со стороны пиктов, ирландцев, саксонцев и германцев, создав массивную оборонительную систему вдоль своих морских и сухопутных границ, чтобы удержать северные провинции и защитить свое средиземноморское сердце. Мы видели, как они строго регламентировали промышленность, сельское хозяйство и пограничное население для этой цели в Британии, Галлии и других территориях Запада. Как они разбирались с более неуловимыми, но ничуть не менее опасными экономическими силами, которые объединяли Британию с Шотландией и Ирландией, или римские провинции вдоль Рейна и Дуная к Центральной Европе и Балтике? Как они сражались с экономическими силами, неумолимо разрушавшими их империю? Здесь заложена очень интересная информационная мина, к которой еще почти не прикасались историки.

Во времена ранней империи Рим, судя по всему, приветствовал торговлю через границы. Такая коммерция, по-видимому, была ограничена только возможностями варваров производить нужные Риму товары. С экономической и культурной точки зрения большая часть Германской Европы являлась удаленной территорией, «задворками» Римской империи. К IV веку Рим, однако, занял другую позицию. Это могло начаться в 297 году, когда был заключен особый договор с Персией, по которому торговля между империей и царством Сасанидов была ограничена двумя конкретными пунктами на границе.

В первые годы V века, согласно *Notitia Dignitatum*, аналогичная система действовала вдоль Рейна и Дуная, регулируя торговлю с германцами. Варварские народы проходили через два особых портала согласно предписаниям комитов по вопросам коммерции Мезии и Иллирика. Еще один должен был быть основан в Паннонии под надзором комита по торговле этой

провинции. Есть свидетельства, указывающие на то, что эта система начала работать веком раньше. В 329 году упоминалось о том, что решение римского правительства прервать торговлю с вестготами заставило их просить мира. Мы располагаем ссылкой 369 года на торговую систему, в сущности аналогичную той, что упомянута в *Notitia Dignitatum*. Договор с готами в том году определил два места, где торговля между римлянами и готами через границу могла вестись легально. Представляется в высшей степени вероятным, что похожая система контролируемой торговой деятельности также могла быть навязана на Рейне и в верхнем течении Дуная. Ведь мы знаем из закона 367 года в Кодексе Феодосия, что послы и делегаты варваров, прибывающие на римскую территорию, должны направляться на определенные почтовые станции, чтобы получить транспорт для своего путешествия в империю. Этот закон предполагает наличие пограничных «пропускных пунктов». Изучение торговых путей, ведущих с римской территории в Германию в IV веке, дает основания полагать, что Кёльн и Майнц являлись такими пунктами для трансрейнской торговли с варварами. Это предположение в случае с Майнцем подкрепляется и другими фактами. Из всех рейнских городов только один Кёльн в том веке разросся – возможно, из-за активизации торговли через Рейн.

Изучение исторических источников, однако, показывает, что римляне не были удовлетворены направлением своей торговли через границы через два определенных пункта. Они создавали препятствия на пути иностранной торговли. Закон первых лет V века, который, вероятно, имел более ранние прецеденты, запрещал римским подданным выходить за границы империи, а иностранцам – вступать в ее пределы без паспортов. Такой контроль передвижений не был необычным. Это следует из того факта, что в последние годы IV века император Гонорий даже закрыл все порты Западной империи для купцов из восточной ее части. Запрет, похоже, оставался в силе больше десяти лет. Другие законы IV века ограничивали не только количество товаров, но даже денежные суммы, которые купцы могли привезти с собой для торговли в границах империи.

Неудивительно, что законы начала IV века запрещали вывоз бронзы и железа (изделий) за границы империи. В 374 году этот запрет распространился на золото. Закон представляется весьма интересным, поскольку он требовал, чтобы были предприняты усилия вернуть посредством торговли золото, которое уже перешло в руки варваров, – яркий пример меркантильного мышления. Несколько позже к списку запрещенных к вывозу товаров добавилось оливковое масло, вино и *liquamen* (рыбный соус). Учитывая, что в Скандинавии обнаружили много римского оружия, изделий из бронзы и т. д., которые находились в запретном списке, можно сомневаться в эффективности системы контроля торговли, но нет никаких сомнений в благих намерениях имперского правительства. Закон 381 года, имеющийся в Кодексе Феодосия, определил общие положения правительственного контроля над ведением торговли с иностранцами. В нем сказано, что людям, дружественно настроенным к Риму, разрешается экспортировать свои грузы в империю из их регионов после выплаты 15-процентного таможенного сбора. Покупать на территории империи они могут лишь то, что позволяет закон, но это могут делать свободно.

Этот закон должен был не только ограничить римский экспорт через границу, но также, не позволяя соседним дружественным народам экспортировать в империю товары других производителей, предотвратить возможность появления за пределами римских границ процветающих посредников. Довольно редко правительство сознательно следовало более осмотрительной политике использования торговли как оружия против потенциальных врагов. А если прибавить к этому интересный закон, по которому империя запрещает экспортировать чужеземцам судовые проекты – что явно было направлено против неримских морских народов, можно по достоинству оценить намерение правителей поздней империи ограничить, ослабить и даже уничтожить экономики опасных соседей империи.

В свете такой политики становятся понятными и маршруты, по которым римские товары пересекали Германию, чтобы оказаться на Балтике, и природа коммерции, которая велась в те времена. Ясно, что выбор Римом торговых порталов в немалой степени диктовал, какие маршруты становились самыми важными. Также очевидно, что уменьшение – с течением времени – объема торговли, достигающей Скандинавии, не случайно и является в основном, результатом намеренной римской политики. Учитывая это, представляется возможным, что конец важного торгового пути вдоль побережья Фризии в Ютландию был также результатом планов римлян, а вовсе не других факторов. Разве это не могло быть попыткой, вкуче с законом 381 года, лишить мужества враждебно настроенных саксонских пиратов, отобрав у них товары и торговлю, от которой зависели их сила и процветание? Если так, это объясняет упадок морского могущества менапиев и моринов, напрямую зависевшего от этого торгового пути.

И это проливает дополнительный свет на бунт Караузия в конце III века. Караузий был менапием, по приказу римлян организовавшим флот для подавления саксонских пиратов в Северном море и Канале. Неожиданно мы обнаруживаем, что он не подавляет их, а сотрудничает с ними и игнорирует римлян, создав независимую Британию, контролирующую также бельгийское побережье. В то же время нам известно, что в 297 году велись переговоры по заключению первого торгового договора с Персией, регулирующего внешнюю торговлю империи. Представляется возможным, что бунт Караузия был обусловлен попыткой установить аналогичный контроль или эмбарго на торговлю с варварами побережьем северных морей, от которой зависело процветание родины Караузия и Британии. В любом случае бунт Караузия стал последним свидетельством морского могущества менапиев при империи.

Труднее разобраться, применял или нет Рим подобную систему контроля своей внешней торговле к атлантической торговле из Галлии, Испании и Британии в Ирландию и земли пиктов. Эта проблема усложняется отсутствием точной информации. В *Notitia Dignitatum* нет сведений об этих регионах, и Британия, ключевой регион Атлантики, не упоминается в Кодексе Феодосия. Однако закон 381 года, на который мы уже ссылались, определенно применим к этим регионам. И нам известно, что в вале Адриана имелось два портала, которые были специально сделаны и поддерживались для торговли с пиктами. Также представляется возможным, что два порта, Честер на западном побережье и Гульль-он-Хамбер на восточном побережье, стали центрами морской торговли с ирландцами и пиктами соответственно.

Также интересно отметить, что некоторые предметы, экспорт которых варварам был запрещен законами IV века – железо, бронза, вино, пшеница, оливковое масло, – являлись особенно важными в атлантической торговле. *Liquamen*, к примеру, в этот период везли в Бордо из Испании, а вино являлось главной статьей экспорта Галлии. Более того, положение Кодекса Феодосия, обязывавшее капитанов судов, отправлявшихся в другие государства, сообщать чиновникам о пунктах своего назначения, в большой степени касалось именно атлантической торговли. Самое впечатляющее доказательство применения контролирующих мер к атлантической торговле – рост в эти годы морского могущества ирландцев и пиктов. Запрет, наложенный римским правом на римлян, на пересечение границ империи, мог только стимулировать иностранную морскую активность. Теперь варварам приходилось самим отправляться в империю, чтобы получить товары, которые раньше доставлялись им купцами под контролем римлян. Таким образом, представляется вероятным, что подъем морской активности в Атлантике стал прямым результатом римского торгового железного занавеса.

Даже если так, нельзя не признать, что в целом меры Рима по контролю торговли было труднее применить к атлантическим регионам, чем к территориям, расположенным вдоль германских границ. По рейнско-дунайской границе империи контроль торговли был возможен благодаря речным патрулям, гарнизонам крепостей и отсутствию мостов. В Атлантике то же самое было справедливо только вдоль побережья Бельгии, в устье Рейна и в Юго-Восточной Англии. На этом маленьком участке северных морей речные флотилии, форты Саксонского

берега и присутствие главного флота, базировавшегося в Булони, делали широкомасштабные коммерческие контакты практически невозможными.

Вдоль берегов Западной Галлии, Северной Испании и Западной Британии положение было совершенно другим. У римлян было только несколько крепостей на берегах Британии, Аквитании и Испании – все они построены в конце IV или даже начале V века. А в Британии трудности римлян были особенно заметны в Корнуолле и юго-западной части Уэльса. Обе территории официально входили в состав империи, но в действительности находились вне эффективного контроля римлян. Поэтому за их торговлей не было надзора. Возможно, так же обстояли дела в Ирландии. Это объясняет раннее поселение ирландских колонистов там. Они создавали скорее торговые, чем военные поселения, или нечто вроде наполовину торговых, наполовину пиратских поселений французов, голландцев и англичан на Карибских островах в XVII веке. Схожая ситуация могла сложиться и в маленьких портах Бретани. В любом случае представляется очевидным, что в целом на Атлантике существовал менее эффективный римский контроль торговли, чем в Центральной Европе того периода. Быть может, поэтому мы не располагаем свидетельствами того, что эта торговля к концу IV века существенно уменьшилась.

Давайте теперь рассмотрим последствия римской политики контроля коммерческой деятельности через границы империи для земель, прилегающих к Атлантике. Их никоим образом нельзя было назвать несущественными. Этой политике в значительной степени обязаны своим расположением торговые пути на Балтику, а также упадок морских связей между Фризией и Ютландией. Благодаря римской политике в те годы шло постепенное уменьшение объема товаров, попадающих в Скандинавию из Центральной Европы. Определенно упадок морского могущества менапиев и моринов был, по крайней мере частично, связан с римскими ограничениями.

Однако в более широком смысле торговая политика римлян была неудачной для империи. Она могла уменьшить, но не уничтожить экономические связи между центральноевропейскими провинциями империи и варварским миром германцев, одновременно не делая ничего для предотвращения продвижения далеко на запад Атлантического экономического сообщества. Хуже того, передав внешнюю торговлю в руки неримлян, эта политика укрепила морское могущество своих же врагов, таких как пикты и ирландцы, которых она стремилась ослабить. К тому же она не смогла устранить саксонскую угрозу в Северном море. Уменьшив объем торговли с далекой Балтикой, политика контроля торговли существенно замедлила развитие Скандинавии. Она же стимулировала тревогу и беспокойство, которое подталкивало германцев к Дунаю и Черному морю, и должно было с помощью гуннов привести их в империю.

Римская торговая политика, пограничные армии и морские фортификационные сооружения не могли остановить продвижение цивилизации через границы империи, хотя и были способны ослабить римское содержание цивилизации. Совершенно ясно, что варварские народы быстро догоняли тех, кто жил под властью римлян. Ирландцы IV века были в высшей степени продвинутыми людьми, в сравнении с теми примитивными членами племен, чей остров Агрикола собирался покорить силами одного только легиона тремя веками раньше. Они преобразились благодаря материальным элементам римской цивилизации, добравшимся до их берегов, и в их душах уже были посеяны зерна христианства, которым вскоре предстояло прорасти. Пикты севера были уже не теми варварами, которых презирал Септимий Север, а народом, способным построить свой флот, который сможет проникнуть вглубь римской территории. Корабли этого народа римляне в конце концов стали копировать.

Еще большего прогресса достигли германцы, жившие вдоль римских границ и на юге Руси. Было бы ошибкой думать, что в IV веке эти германцы остались на том же уровне развития, который описал Тацит. Фризы, франки, саксонцы, алеманны и баварцы больше не были кочующими пастухами. Они стали оседлыми земледельцами и уже использовали для обра-

ботки земли тяжелый колесный плуг, который позволял взрыхлять девственные почвы, для обработки которых у римлян не было возможностей. Маленькие нестабильные племенные группы сплотились в крупные конфедерации под властью королевских семей. Идея, что все германские племена представляли собой силу, которая постоянно теснила римлян, является явным преувеличением. Хотя римляне, конечно, так не думали. Они уже допустили некоторых германцев на свою территорию, взяли их на военную службу и поселили внутри своих границ как *foederati* – федератов.

В те годы нестабильным кочевым элементом являлись германцы Скандинавии и Восточной Германии. Готы, вандалы, свевы, ломбарды (лангобарды) и бургунды стремились на юг к низовьям Дуная и Черному морю. И даже здесь остготы и вестготы совершили уверенный шаг к цивилизации. Готы, христиане, ставшие всадниками на центральноазиатский манер, были несколько не похожи на своих языческих скандинавских предков-варваров. В этом римские легионы Валента имели возможность убедиться при Адрианополе. Разница в цивилизации и экономических условиях, так же как во владении военным искусством, разделявшая жителей империи от варваров, живших за пределами ее границ, пока они еще существовали, теперь стала намного меньше.

Осталась одна заключительная проблема для историка – типы судов, использовавшихся на северных морях в IV веке, – судов, от которых произошли все более поздние разновидности, бороздившие эти моря впоследствии. Чтобы понять суть этой проблемы, следует вернуться к временам ранней империи. Когда Цезарь прибыл в Галлию, он обнаружил два типа судов, которые ходили по Атлантике от Испании до Норвегии. Первый – *cirraugh* (куррах) или *coracle* (коракл), примитивная лодка с ивовым каркасом, обтянутым кожей или шкурами животных. Обычно кораклы были маленькими, но все же некоторые обладали достаточными размерами для совершения океанского прибрежного плавания. Согласно документам, в IV веке они еще использовались в Корнуолле и Ирландском море.

Второй тип судов использовался венетами Бретани, назывался *ponto* – понто. Это более совершенное плавсредство, чем коракл, – большое плоскодонное океанское судно с обшивкой вгладь. Его строили из дуба. Понто имел высокую корму, кожаные паруса и железные якоря. В таких кораблях венеты добирались до Британии и даже дальше. К этим двум судам следует добавить еще одно, ходившее по Балтийскому морю, – весельное плавсредство из дерева, прямой потомок выдолбленных лодок, которые изображались в наскальной живописи Готланда и побережья Норвегии.

Нет никакой уверенности в том, что Цезарь, уничтожая морское могущество венетов, положил конец строительству понто на галльском побережье. Да и представляется вполне обоснованным предположение, что римляне привнесли в северные воды новые типы судов средиземноморской постройки. Одно из них – *hippago* – парусное транспортное судно, которое Цезарь использовал во время экспедиций против Британии. Другое – *corbita* – прочное торговое судно средиземноморской постройки, хорошо приспособленное для беспокойных вод Атлантики. Кроме того, римляне стали использовать на севере *catorpiscus* – быстроходное разведывательное судно, и *actuana* – галеру, которую иногда называли *navis longa*. Все они были обшиты вгладь.

Нам хорошо известны и другие суда, помимо куррахов, ходившие в IV веке по Атлантике. Все потому, что на дне Темзы в Лондоне были найдены фрагменты римского судна, датированные, вероятнее всего, концом III – началом IV века. Это были фрагменты судна длиной 60 футов и шириной 16 футов. Оно было плоскодонным, построенным из дуба и имело фальш-киль. Судно было обшито вгладь, и листы обшивки соединялись с помощью небольшого количества железа. На нем имелась мачта диаметром 10 дюймов. Было ли оно оснащено веслами,

трудно сказать. Конструктивно это судно было неким сочетанием понто и корбито. Не исключено, что это был тип судна, известного несколько позже как *barca*⁶.

Еще одно судно, в тот период плававшее в британских водах, – это новый и отличный от других военный корабль. Это был быстроходный корабль, согласно Вегецию оборудованный парусом и десятью парами весел. Вегеций называл его «пиктским кораблем». На нем все было окрашено в синий цвет, чтобы он оставался незаметным в море. Вероятно, корабль называли пиктским потому, что он был построен по образцу судов пиктов, а значит, можно предположить, что он был деревянным и имел обводы, как куррах. По-видимому, эти пиктские корабли, как и все другие, бороздившие Атлантику в то время, были обшиты вгладь.

На Балтике между тем к IV веку появился особенный тип судна. Благодаря находке одного из них – Нидамского корабля, датированного около 300 года, – нам точно известна конструкция этих судов. Нидамский корабль был обшит внакрой, имел длину 77 футов и ширину 11 футов. Дубовая обшивка соединялась с помощью железных заклепок и крепилась к шпангоутам канатами. На нем было большое рулевое весло, плохо сконструированный киль и не было ни мачт, ни парусов. Конструкция судна не выдерживает никакой критики. Оно являлось настолько низким в средней части, что волны его захлестывали, и к тому же оно не обладало остойчивостью. Более того, уключины, которые были привязаны канатами к каркасу судна, сконструированы так, что грести можно было только в одном направлении. Его можно было использовать на относительно спокойных водах Балтийского моря, и, возможно, именно о нем упоминал Тацит, как о судне, используемом шведами. Однако оно было непригодно для использования в Атлантике и на Северном море. Множество отклонений от кельтских и римских проектов судов является лучшим доказательством того, что в этот период почти не было морского сообщения между Атлантикой и Балтикой.

Обычно считалось, что саксонские пираты Северного моря, нападавшие на римские берега, использовали корабли, построенные по образу и подобию Нидамского. Это представляется крайне маловероятным. Сидоний, писавший в следующем веке о саксонских пиратах, отмечал, что штормы их не слишком беспокоили, поскольку они были блестящими мореплавателями. Если так, они не могли использовать суда, подобные Нидамскому. Он также указывал, что их суда были парусными, а на Нидамском корабле паруса не было. Кроме того, было бы странно, если бы саксонцы, несколько столетий жившие на Северном море в непосредственной близости от лучше построенных римских и кельтских судов, зачем-то стали использовать худшие суда. Очевидно, отмеченный в Кодексе Феодосия римский запрет на продажу варварам проектов судов доказывает, что такое заимствование было в порядке вещей. Тогда, вероятнее всего, суда саксонских пиратов скопированы с пиктских или римских, хотя они могли взять что-то из балтийской практики и обшивать свои суда внакрой. Тем не менее вопрос остается открытым.

Таким был мир Северной Европы в IV веке. Это был мир, быстро двигавшийся к серьезным и важным переменам. Для римского мира появилось много опасных знаков. Это новая морская активность ирландцев, пиктов и саксонцев, вкупе с ростом их деятельности на водах Атлантики, контакты по суше, соединившие германские народы на северных римских границах с империей, в результате которых стала неуклонно расти цивилизация германцев. А новое готское королевство на юге Руси обеспечивало контакты жителей севера с Центральной Азией. Римский мир, столкнувшийся со столь серьезными событиями у своих границ, регламентированный и аграрный, укрепленный, расколотый на региональные экономики и отделенный от Средиземноморья, не мог долго противостоять столь серьезным вызовам. У него было больше слабостей, чем сил, и уже в конце IV века начали разыгрываться первые сцены новой истории.

⁶ Понто упоминал еще Исидор Севильский, но если верить его описанию, то судно мало чем напоминало понто времен Цезаря. Скорее оно было похоже на скафу.

ческой драмы, покончившей с римским господством над землями, выходящими к северным морям.

Первый удар обрушился на Западную империю на границе, где римляне произвели больше всего приготовлений к обороне, – на Рейне. В 355 году франки и алеманны прорвались через оборонительные сооружения римлян, вторглись в Северную Галлию и разграбили много городов. Юлиан, позже ставший императором, был вынужден провести тяжелейшую военную кампанию, описанную Аммианом Марцеллином, прежде чем ему удалось вытеснить алеманнов обратно за Рейн и восстановить границу. Но с франками ему повезло меньше. Несмотря на ряд побед, ему пришлось разрешить им поселиться на западном берегу реки на пустынной территории Северной Бельгии. В то же самое время набеги саксонцев из Северного моря вниз по Каналу стали чаще и ожесточеннее, и пиратам даже удалось основать поселение в районе Булони, откуда их не смогли изгнать. Таким образом, рейнская граница оказалась нарушена, и связь Галлии и Британии по Каналу ослабела.

Ситуация была чрезвычайно опасной для Рима, однако худшее было еще впереди. Британия, оборона которой была ослаблена для обеспечения поддержки рейнской кампании Юлиана, в 363 году неожиданно подверглась нападению со всех сторон. Ирландцы напали с востока, саксонцы с запада, а пикты и аттакотты – с севера. Саксонцы и ирландцы прибыли морем. Возможно, пикты тоже использовали свои морские силы, чтобы обойти римские наземные укрепления вдоль вала Адриана. Почти весь остров был захвачен, а римский командир гарнизона убит. Вероятно, к этим вторжениям добавился страх восстаний угнетенного населения, занимавшегося обработкой земли на процветающих романизированных виллах, которых было множество в Британии. В общем, Британия, казалось, была потеряна для Рима.

Ситуацию спасло своевременное вмешательство комита Феодосия. Он высадился на острове, разгромил захватчиков, вытеснил их из провинции и восстановил оборону. Однако он не уделил внимания восстановлению вала Адриана, как важнейшей составной части британской системы обороны. Такое сооружение, которое легко можно было обойти с моря, было проигнорировано. Вместо этого он велел построить ряд сторожевых башен на побережье Йоркшира.

Однако усилия и энергия Феодосия не смогли полностью восстановить прежнюю ситуацию в Римской Британии. Эти вторжения и сопутствующие им крестьянские восстания почти везде в центральной и южной частях Британии уничтожили процветающую систему вилл – систему, которая до этого времени переживала свой золотой век. Феодосий смог отремонтировать фортификационные сооружения и вытеснить захватчиков, но он не имел возможности восстановить повсеместно разрушенные поместья. В Восточной Англии эта система уцелела только вокруг фортов Саксонского берега, в Норфолке, Суффолке, в Кембридже, Кенте и вокруг Лондона, а в Семерсетшире и долине реки Северн она сохранилась только вокруг Каеруента. В других регионах Римской Британии наступил новый беспорядочный и тревожный век.

Даже имперское правительство еще до конца века признало неизбежное. Трир, в течение века бывший галльской столицей, был покинут ради более безопасного Вьена, а монетный двор в 395 году перевезен в Милан. Так была подготовлена почва для еще более масштабных катастроф, которым предстояло потрясти Британию и Галлию в следующем веке.

Как раз в то время, когда имперская оборона на западе начала разрушаться, разразилась катастрофа и на востоке. Ей предшествовало появление гуннов. Необходимо написать еще одну книгу такого же объема, чтобы рассказать важную историю о том, как гунны переместились с границ Китая через Центральную Азию и подошли к границам римского мира. Поэтому мы не станем на этом останавливаться. Не будем мы и перечислять последствия их нападений на империю Сасанидов, хотя они, безусловно, важны. Нас интересует их прямое влияние на Рим. К 370 году этот кочевой центральноазиатский народ, империя которого разрасталась словно снежный ком, покорил аланов и включил их в свою армию, после чего добрался до ост-

готов, живших на юге Руси. Готский король Эрманарих тщетно пытался им противостоять. Его силы были разгромлены, а сам он убит. Германцы и славяне, жившие под его властью, были присоединены к гуннскому воинству, которое двинулось на запад к Центральной Европе.

Вестготское королевство на Дунае было следующим на пути наступления гуннского воинства. Его жители, обеспокоенные судьбой своих остготских соплеменников, в страхе попросили разрешение Рима переправиться через Дунай и обосноваться в границах империи, где широкая река послужит им защитой от гуннов. Император Валент приветствовал их, увидев в них новый контингент для своих сил.

Допустив, однако, готов в империю, Валент оказался достаточно глуп, чтобы позволить своим чиновникам угнетать их, и не выполнил данных им обещаний. Вестготы выступили против своих римских союзников и двинулись на Константинополь. В Адрианополе их встретили римские легионы Валента. Это было в 376 году. В последовавшем сражении римские силы были разбиты конными готскими войнами, и император лично был среди убитых. Варварский народ, пришедший в империю, уничтожил римскую армию и императора и положил конец мифу о неуязвимости римских легионов. Это правда, что Феодосий, сменивший Валента, сумел умиротворить вестготов и постепенно сделал их лояльными федератами Римского государства. Однако он не мог уничтожить Адрианополь, равно как и скрыть тот факт, что германский народ обосновался на земле империи. Не мог он и помешать росту гуннско-германско-аланской империи в Центральной Европе, что не сулило ничего хорошего будущему Рима. Таким образом, на Дунае, так же как в Британии и на Рейне, были расставлены декорации для катаклизмов следующего века.

Глава 2. Время вторжений, 400-550 годы

Ни один из периодов европейской истории не был рассмотрен так подробно, как тот, что стал свидетелем вторжений варваров в Западную империю. Еще со времен Гиббона эти годы обладали особой привлекательностью для историков. Тем не менее только немногие периоды так трудны для понимания. Отчасти это объясняется тем фактом, что тревожные годы всегда оставляют мало письменных свидетельств. Кроме того, пришедшие в движение народы, как правило, не оставляют достаточно четких следов, которые могли бы обнаружить археологи. Приходится полагаться на обрывочные свидетельства, исторические и археологические, чтобы сложить приемлемый рассказ о годах катастроф и перемен на европейских землях, прилегающих к водам северных морей.

Верно и то, что только сейчас мы начинаем осознавать, насколько сложными были передвижения актеров этой исторической драмы вторжений. Например, историки только в недавнее время поняли, как мало значили имена (названия), носимые захватчиками, которые вторглись в римский мир. Племенные группировки в то время были неопределенными и нестабильными по составу, и подобные имена не всегда означали, что племя состояло из одних и тех же людей в любой момент времени. Кстати, вполне можно предположить, что большинство народов, пришедших в римский мир или в Центральную Европу в те годы, имели смешанное происхождение. Франки, например, являлись конфедерацией разных германских племенных групп. Алеманны тоже. О баварцах можно сказать то же самое – представляется, что они были объединением маркоманнов и квадов. До сих пор не вполне ясно, что на самом деле обозначают такие названия, как англы, саксы, фризы и юты – разные этнические группы или смешение разнообразных родов. Кто такие даны? Можем ли мы быть уверены, что остготы и вестготы, которые пришли в империю, были теми же людьми, что в III веке жили на ее границе? Вероятнее всего, прожив долгое время на юге Руси и в Дакии, они стали народами с заметной примесью славянских и аланских элементов. Разве не разумно предположить, что гунны к V веку уже не были отдельным народом тюркского происхождения, а скорее смешанной группой, включающей германские, славянские и аланские элементы? И насколько большим был аланский элемент в славянских группах, таких как белые сербы и белые хорваты, которые возглавили передвижение славян в Центральную Европу? Ни на один из этих вопросов и предположений нельзя ответить точно. Они иллюстрируют сложность и неоднозначность проблемы.

Невозможно и отделить период вторжений от того, что ему предшествовал. Передвижения, кульминация которых пришлась на V и VI века, начались намного раньше. Набеги ирландцев на побережье Западной Британии и их поселения в Корнуолле и Юго-Западном Уэльсе в III и IV веках были началом переселения кельтских народов, которое завершилось колонизацией Армориканских бриттами и Далриадскими скоттами. Вторжение на римскую территорию германцев, желавших стать солдатами империи, их расселение в качестве *laeti* и вспомогательных подразделений армии в границах римского мира являлось началом событий, имевших судьбоносные последствия. Аналогично те саксонские *gewissae*, которые поселились в Британии в IV веке как саксонские пираты, грабившие британские и галльские берега Канала, являлись инициаторами миграции, достигшей кульминации в V и VI веках в англосаксонской Англии. Гунны, пришедшие в Центральную Европу, стали авангардом большой массы людей – славян, аваров, болгар и венгров, – следовавших за ними. Мы можем с уверенностью заявить только одно: к 400 году прелюдия завершилась, занавес поднялся, и началась собственно драма, предвестниками которой стали события предшествующего века.

Смерть императора Феодосия в 395 году ознаменовала конец эпохи. Несмотря на все свои ошибки, коих было немало, он был последним настоящим императором римского мира, который мог удерживать вместе его живущие в раздорах части, примиряя их несовпадающие

интересы. Он оставил империю двум сыновьям, Аркадию и Гонорию, которым предстояло увидеть унижение гордого Рима. Они оба отказались играть роль генералов, ведущих армии на защиту имперского наследства. Аркадий был вполне доволен, живя в безопасности за стенами богатого и могущественного Константинополя. Гонорий, еще более беспомощный, удалился в укрепленный город Равенна, оставив и оборону, и все прочие государственные дела Стилихону, своему очень способному, но беспринципному германскому *magister militum* – высшему военному должностному лицу.

В такое трудное для Римской империи время у нее добавилось проблем в виде слабых императоров-бездельников. А ситуация была чревата гибелью для государства. За Дунаем в Центральной Европе и на юге Руси гунны активно строили германо-славянскую империю, протянувшуюся от Рейна до Урала. В границах империи, в Иллирике, вестготами, дружески расположенными к Феодосию, теперь правил амбициозный монарх Аларих, жаждавший еще земель и добычи. Войска, защищавшие рейнские границы и Британию, и те, что размещались на фортификационных сооружениях вдоль атлантического побережья, были немногочисленными. На самом деле не римляне, а франкские союзники, федераты, были основной силой, защищавшей римские рейнские границы.

Катастрофа началась с вестготов. При Аларихе они совершали набеги на Балканы. Тем самым они стали угрозой для Восточной империи, и император Аркадий решил от них освободиться. Он призвал их короля Алариха в Константинополь, одарил его богатыми дарами и коварно предложил ему повести своих людей на запад, в Италию, где на землях его брата Гонория их ожидает богатая добыча. Силы, которые Стилихон, *magister militum* на Западе, имел в своем распоряжении, чтобы противопоставить силам Алариха, были недостаточны для эффективного решения этой задачи. И потому он был вынужден снять войска с жизненно важной для империи рейнской границы. Лишенная защитников, эта граница не устояла, когда в 406 году вандалы и свевы переправились через Рейн в районе Майнца. На этот раз не было Юлиана, который мог дать им бой. Почти не встречая сопротивления, они прошли по Галлии, грабя и разрушая все на своем пути, и обосновались за Пиренеями в Испании. Спевы выбрали для себя северо-западную часть полуострова, вандалы – богатую провинцию Бетика, которая с тех пор носит их имя – Вандалузия или Андалузия.

Стилихон пожертвовал рейнской границей, но этого оказалось недостаточно, чтобы защитить Италию от вестготов. Впоследствии он был убит своим малодушным хозяином, императором Гонорием. После смерти командующего армия утратила интерес к дальнейшим действиям, и вестготы без особого труда вошли в Италию. Аларих привел своих воинов в Рим, который они в 410 году разграбили. Впервые после разграбления города галльскими воинами в 390 году Рим пал перед чужеземным врагом. Весь римский мир был потрясен этим событием, и святой Августин под его влиянием написал свой знаменитый труд «О граде Божьем», желая показать христианам, что есть Вечный город, более важный, чем столица на Тибре, которая не смогла противостоять захватчикам.

Вестготы ненадолго задержались на итальянском полуострове. Вскоре после взятия Рима Аларих умер в Южной Италии. Новый король, Атаульф, повел их на запад, где они обосновались в Юго-Восточной Галлии и Испании. Там они в 414 году создали крупное варварское королевство со столицей в Тулузе, назвав себя *foederati* Рима. В этом качестве они сослужили империи хорошую службу, сокрушив вандалов в Южной Испании и оказав помощь сенатской аристократии Галлии, подавив восстания багаудов в Арморике и других местах. Тем не менее их господство на больших территориях Галлии и Испании являлось разрывом римской правительственной преемственности, которая так больше и не была восстановлена на землях, которые они сделали своей собственностью.

Завоевания и расселение вестготов, свевов и вандалов в границах империи положило начало череде событий, которые беспрепятственно продолжались на протяжении следующих

нескольких лет. Сначала вандалы, разгромленные вестготами, переправились через Гибралтарский пролив в Северную Африку. Там под командованием своего способного, но беспринципного лидера Гейзериха они создали королевство, протянувшееся от Атлантики до Ливии и включившее Балеарские острова, Сардинию и Корсику. Выйдя в море, они стали грозными пиратами, которые препятствовали поставкам зерна в Рим и, не сомневаясь, отправили военную экспедицию, которая в 455 году снова разграбила Вечный город. К этим успехам варваров добавились другие – на Западе, – когда римский генерал Аэций поселил бургундов, как союзников Рима, в верховьях Соны, в районе горного массива Юра. Довольно скоро это поселение выросло в Бургундское королевство, в которое вошла вся долина Роны. На западе к 450 году только Италия и Северная Галлия остались под прямым управлением имперского правительства.

Упомянутые выше события, имевшие место в Испании, Северной Африке, Южной Галлии и Италии, не оказали непосредственного влияния на северные регионы, выходившие к Атлантике, такие как Британия и Северная Галлия. Однако их косвенное влияние было огромным. Теоретически Британия и Северная Галлия могли все еще признавать верховную власть Рима, но эта власть была удаленной, неэффективной и отрезанной от северных провинций новыми владениями бургундов, вестготов и других народов. На практике местные романизированные лидеры и население Британии и Северной Галлии оказались предоставленными сами себе и были вынуждены справляться с внутренними и внешними угрозами собственными силами. Восстания багаудов, вроде тех, которыми руководил Тибато на Луаре, добавило им трудностей. Известный отрывок из труда Зосимы описывает ситуацию: «Варвары из-за Рейна совершали невозбранные вторжения. Они нанесли жителям Британии и некоторым из галльских народов такой урон, что те отложились от Римской империи, более не повинувшись римскому закону, а вернувшись к своим племенным обычаям. Британцы, однако, вооружились своими силами и, показав много отваги, обеспечили собственную безопасность и свободу своих городов от набегов варваров. Тогда же вся Арморика и другие галльские провинции, следуя примеру британцев, таким же образом освободились своими силами, изгнав римских чиновников и установив такое правление, какого они хотели. Восстание британских и галльских провинций пришлось на время тирании Константина потому, что варвары воспользовались его бездарным правлением. Так как Аларих не принял ни мира, ни каких-либо заложников в указанные им сроки, он снова атаковал Рим и угрожал разгромить город, если граждане не объединятся с ним против императора Гонория. И пока они размышляли над его требованиями, Аларих обложил город и, пройдя вниз по заливу, упорно осаждал его несколько дней, пока, в конце концов, не принудил к сдаче... Гонорий направил послания городам Британии, призывая их позаботиться о себе своими силами».

Зосима оставил подробное описание произошедшего в течение следующих десятилетий в Британии и части Галлии. Этот период некоторые историки уместно называли «субримским». Местные лидеры в этих двух изолированных провинциях были предоставлены сами себе. Результаты оказались разными. В некоторых частях Галлии римские сенаторы, такие как Павел, *magister militum*, или Эгидий, или даже военачальник Аэций, взяли местную ситуацию под контроль и попытались, невзирая на давление варваров и восстания багаудов, сохранить порядок. В других местах такие люди, как Аполлинарий, сотрудничали с королями варваров и их лидерами, чтобы защитить свои поместья и восстановить порядок. В Британии силы порядка иногда возглавляли романизированные бритты, вроде Аврелиана и Артория, знаменитого Артура. Однако судя по фрагментарному рассказу Гильды, чаще брали власть в свои руки и старались противостоять и захватчикам, и внутренним беспорядкам совсем другие исторические личности. Это Вортигерн, кельтский король, лишь немного знакомый с римской культурой, Кунедда или Коротикус. Они активно сражались и с внешними врагами, и с внутренними подрывными элементами. Однако следует подчеркнуть, что такое сопротивление и

такое лидерство, даже сотрудничество с захватчиками, было местным, фрагментарным и нерегулярным и редко скоординированным. На этом общем фоне мы рассмотрим более подробно события, которые имели место в этих атлантических морях в течение следующих нескольких десятилетий.

Когда свевы и вандалы в 406 году прорвались через римские укрепления на Рейне, они положили начало целой череде исторических событий, которые, в конце концов, изменили систему власти на северных морях. Вслед за их вторжением имело место неудачное восстание Константина 410 года, которое, оттянув римские силы из Британии на континент, еще больше ослабило британскую военную власть в этом регионе. Саксонские пираты стали активнее в Канале. В 370 году они осуществили нападение вблизи Фландрии и Булони, и, возможно, их колония в этом регионе датируется именно IV веком. В 406 году, согласно Иерониму, их активность в этих местах снова увеличилась. Годом позже они атаковали Британию. На это событие, возможно, есть ссылка у Зосимы в его повествовании о тех годах. Под их натиском, судя по всему, с исторической сцены исчезла рейнская флотилия, поскольку других упоминаний о ней нет, а римский флот, стоявший в Булони, спустился вдоль берега и создал базу на реке Сомме – конечно, если верить *Notitia Dignitatum*⁷. В то же время франки на суше, следуя примеру саксонцев на море – не исключено, что и в союзе с ними, – продвинулись дальше на юг в Бельгию. Начался прорыв римских морских укреплений на Канале, соединявшем Британию с континентом.

Одновременно ирландские пираты, закрепившиеся в Корнуолле и Южном Уэльсе, усилили натиск на побережье Западной Британии. При Ниалле Девяти Заложников⁸ они атаковали крупными силами регион Северна. Эта атака приобрела известность, поскольку в процессе ее был захвачен юный святой Патрик и привезен в Ирландию в качестве раба. Набеги ирландцев имели место и в Английском канале, поскольку Ниалл несколькими годами позже был убит у острова Уайт. Вероятно, они распространились и на Бретань, прибрежные виллы которой, сожженные налетчиками, позволяют археологам судить о неукротимой ярости, которую море доставило к этим берегам в начале V века. Нападения саксонцев добавились к атакам ирландцев, постепенно ослабив связь Галлии и Британии.

Несмотря на систематические набеги, однако представляется вероятным, что некая связь между островом и континентом в начале V века еще поддерживалась. Для этого имеется несколько оснований. Согласно *Notitia Dignitatum*, римский флот в 428 году еще оставался на Сомме. Клады монет *mini missimi* также указывают на то, что Клаузентум (римский Саутгемптон) в эти годы еще был оккупирован. Но самое важное свидетельство присутствует в жизнеописании святого Германа. Согласно этому труду, в 429 году святой совершил путешествие из Галлии в Британию (возможно, по маршруту Руан – Клаузентум) и добрался до Верулама (Сент-Олбанс), где помог жителям отразить нападение пиктов и саксонцев⁹. Очевидно, путь в Британию был все еще открыт для путешественников.

Правда, к 441–442 годам произошла перемена. В том году хронист, живший в Южной Галлии, сообщил, что Британия была захвачена саксонцами. Определенно этот период был сложным для римско-британских жителей территории, поскольку нам известно от Гильды, что бритты в 446 году обратились с петицией к Аэцию, умоляя его о помощи. А в 449 году или около того Вортигерн в Кенте счел необходимым нанять наемников из Юты, имевших корабли, которые могли защитить их берега от захватчиков.

⁷ Согласно *Notitia Dignitatum*, которая не могла быть написана после 428 г., перемещение римского флота из Булони на Сомму произошло в начале V в.

⁸ **Ниалл Девяти Заложников** – верховный король Ирландии первой половины V в.

⁹ Согласно средневековому плану Руана, можно предположить, что город был постоянно оккупирован с римских времен – единственный порт Канала, для которого это предположение может быть справедливым.

Это последнее событие помогает нам точнее определить время исчезновения римского флота с Канала. Это произошло, вероятнее всего, между 429 и 449 годами, после чего связь между Британией и континентом по Каналу практически прекратилась. Возможно, именно в эти годы саксонцы, продвигаясь по Каналу, основали вторую колонию в Байё, недалеко от устья Сены. Интересным моментом, связанным с этим продвижением, является то, что параллельно с ним шло продвижение салических франков вглубь территории. В 434 году они были остановлены при нападении на Турне *magister militum* Галлии.

Что случилось с римским флотом на Сомме? Он распался? Ушел в Руан и присоединился к речной флотилии на Сене? Или ушел в Западную Британию или Западную Галлию, где еще остались римские военно-морские силы? Мы этого не знаем. Мы можем с уверенностью утверждать лишь то, что год 450-й стал свидетелем конца римского военно-морского могущества на Английском канале.

И мы оказываемся перед одним из самых сложных вопросов тех лет, который касается перемещения большого количества бриттов через Канал в Бретань. О причинах этого перемещения, равно как и о том, как и когда оно происходило, издавна велось много споров. В целом старые историки склоняются к мнению, что перемещение бриттов в Арморику было результатом саксонского вторжения в Британию, и кельты стали, по сути, беженцами, спасавшимися от саксонцев, захвативших их землю. Однако такому объяснению есть серьезные возражения.

Во-первых, все свидетельства указывают на то, что, помимо набегов, некоторые из которых продвигались далеко вглубь территории, в Британии не было саксонских поселений до 450 года. Наоборот, их главные атаки были направлены на галльское, а не британское побережье Канала, и ранние поселения возникали там же. Даже после 450 года нет никаких свидетельств того, что саксонцы пришли в Англию через Канал. Исключение составляет Сассекс, расположенный как раз напротив их ранней колонии в Булони. И археология, и исторические источники согласны с тем, что саксонцы проникли вглубь территории Британии с ее восточного берега, да и то это было после 450 года. Не найдено также никаких свидетельств того, что романизированные бритты бежали на запад с восточной части территории.

Нам известно, что те бритты, которые колонизировали Арморику, являлись примитивными племенами из Девона, Корнуолла и Уэльса, а также, возможно, Кумберленда. Иными словами, они покинули ту территорию Англии, которую не затронули набеги саксонцев, и на них не оказывалось никакого давления, ни прямого, ни косвенного. Наш основной исторический источник – Гильда – называет их изгнанниками, а не беглецами. Еще более важным является факт, что, двигаясь в Бретань в середине V века, эти бритты попадали в воды, открытые морским атакам саксонцев, расположенные недалеко от Саксонского берега и совсем рядом с базой саксонских пиратов в Байё. Трудно поверить, что люди бежали от саксонцев по тем территориям, где встреча с ними была наиболее вероятной. А значит, теория, что бритты Бретани были беженцами от наступающих саксонцев, представляется неправдоподобной.

Другая теория приписывает перемещение бриттов в Бретань давлению ирландцев. Согласно утверждению ее сторонников, исход через Канал в Арморику был вызван набегами Ниалла и других ирландских вождей. Но и против этой теории есть возражения. Во-первых, нам известно, что ирландцы совершали набеги на Западную Британию с III века, и даже создали ирландские поселения на берегах Корнуолла и Южного Уэльса. В середине V века вроде бы не возникло никаких новых условий, заставивших бриттов сняться с места. Еще важнее то, что переселение бриттов на континент шло из тех самых мест, где существовали старые ирландские колонии – из Корнуолла и Уэльса. Как могли бритты свободно покинуть эти места, если они находились под контролем ирландцев? И с какой стати эти колонисты покинули Корнуолл и Уэльс, чтобы осесть в Бретани, также открытой для ирландских морских атак?

Самый убедительный довод против теории о том, что ирландцы стали причиной исхода бриттов, – несоответствие некоторым историческим фактам. Нам известно, что в начале V

века на Атлантике существовали значительные британские военно-морские силы, независимые от римского контроля. Орозий рассказывает о британских судах, достигавших Коруньи. Еще более важной является информация, которую мы получили из письма святого Патрика. Он написал его некоему Коротикусу, к которому обращается как римлянин и христианин. Он упрекнул Коротикуса в том, что последний, вождь, живущий неподалеку от Дамбартона, совершает своим флотом набеги на Ирландию и атакует ирландских христиан Патрика. Здесь мы имеем прямое свидетельство существования современных британских военно-морских сил¹⁰. Спустя несколько лет, около 450 года, мы узнаем о некоем Кунеде, который, явившись с севера, изгнал ирландцев из Корнуолла и Южного Уэльса. Это было возможно, только если Кунед обладал военно-морскими силами. Вместо свидетельства того, что ирландцы вытеснили бриттов, мы находим доказательства вытеснения бриттами ирландцев и их нападений на Ирландию. Через несколько лет они уже были в Бретани.

Для того чтобы истолковать эти факты, следует найти другое приемлемое объяснение. Возможно, следующее покажется наиболее близким к удовлетворительному. Около середины V века бритты, жившие на западном берегу острова, обладавшие рудиментарной военно-морской организацией и кораблями, унаследованными у Рима, а также давней местной морской традицией, изгнали ирландцев или, по крайней мере, их лидеров из их оплотов в Корнуолле и Уэльсе. Затем, когда к ним присоединились местные жители этих регионов и, возможно, отдельные ирландцы, они проследовали за Канал и обосновались на побережье Бретани. Они были не беженцами, а захватчиками и колонизаторами¹¹.

Их высадка сначала не встретила сопротивления, потому что эти берега были разорены ирландскими и саксонскими пиратами задолго до появления бриттов, и римские оборонительные сооружения на Канале были разрушены. Более того, галло-римские жители этих территорий были ослаблены восстаниями багаудов и действиями аланов¹². Только когда бритты продвинулись вглубь территории к Рену, Нанту и Вану, они встретили серьезное сопротивление местных жителей, которым помогали сначала вестготы, потом франки.

Растущее морское могущество Западной Британии не остановилось на завоевании Арморики. Некоторые бритты отправились на северо-запад Испании, следуя морскими путями, которыми они пользовались при поздней империи, и в Галисии и других местах в окрестностях Коруньи появилась большая британская колония, которая в течение нескольких столетий посылала своих епископов на вестготские церковные соборы¹³. Следует отметить, что переселение в Арморик, вероятнее всего, длилось несколько веков, и, возможно, последняя волна колонистов в конце VI и начале VII века действительно состояла из беженцев от англосаксонской экспансии в район Северна и в Честер. Так появилась историческая теория о том, что ранние бритты тоже были беженцами – от саксонцев.

Однако в V и в начале VI века нет никаких свидетельств того, что бритты отбывали из Англии под давлением. На самом деле ранняя традиция, рассказанная Гильдой, повествует о некоем Амвросии Аврелиане, вернувшемся из Бретани, чтобы помочь местным кельтам в сопротивлении саксонским захватчикам. Результатом этого сопротивления стала временная

¹⁰ Чарлзворт датирует изгнание ирландцев из западной части Британии 450 г. Летбридж считает, что это произошло раньше – в 435 г. Тот факт, что стены Каеруента были отремонтированы в V в., вероятнее всего, из-за страха перед ирландскими нападениями, не позволяет принять датировку Бьюри, который утверждает, что это произошло в 405 г.

¹¹ Такого мнения придерживается Хенкен, крупный авторитет в области археологии Корнуолла. Очевидно, далеко не все ирландцы были изгнаны, поскольку обнаружение ирландских огам, датированных VII в., указывают на ирландское присутствие в Корнуолле в тот период.

¹² Восстания багаудов после 435 г. были подавлены франками и аланами, последними командовал царь Эохар, который в 448 г. жестоко подавил багаудов региона Луары.

¹³ В 572 г. на вестготском церковном соборе упоминается Maiolic, Britonensis ecclesiae episcopus. Епископы бриттов были на соборах в Толедо в 653 г., в Браге – в 675 г. и снова в Толедо в 638 и 692 гг.

остановка экспансии после битвы при Бадонском Холме в 509 году¹⁴. В другом современном источнике подтверждается теория оккупации Бретани путем вторжения. Франкский король Теудеберт в начале VI века, согласно Прокопию, сказал византийскому правителю, что англ, фризы и бритты из Англии – он объединил эти группы – захватывают его территорию. В качестве объяснения он предложил перенаселенность Британии¹⁵. Тогда переселение британских кельтов в Арморик и за ее пределы должно считаться не бегством в поисках безопасности, а масштабным переселением народов в поисках нового дома. Так же германцы переселялись в границы империи.

Остался еще один важный пункт – дата начала вторжения. Точные даты того периода установить почти невозможно. Тем не менее представляется вероятным, что оно не могло начаться раньше 450 года. В 446 году в письме из Британии, посланном Аэцию в Галлию, говорится об ирландцах и пиктах – опасных захватчиках. Нам известно, что ирландцы были изгнаны из Корнуолла и Уэльса не раньше 450 года. В 470 году упоминаются крупные силы бриттов (или бретонцев, как мы теперь можем их называть) под командованием короля Риотама, появившихся на Луаре, где они были разгромлены вестготами. В 463 году бретонский епископ посетил церковный собор в Галлии. В какой-то момент между 450 и 463 годами началось переселение в Бретань. Можно даже рискнуть и предположить более точную дату – 454 год. Это было сразу после смерти Аэция, последней выдающейся военной фигуры Римской Галлии, престиж которого являлся преградой для любых захватчиков. От Сидония нам известно, что в 454 году Арморика, давно охваченная восстаниями, неожиданно вернула преданность Риму. Разве можно придумать лучшую причину этой перемены, чем неожиданное прибытие к берегам провинции бриттов в большом количестве?

Морское могущество и экспансия западных бриттов около 450 года отражается не только в изгнании ирландцев из Корнуолла и Уэльса или в экспансии в Бретань. Результатом стали перемены и в Западной Шотландии – за римским валом. Последняя работа Г.М. Чэдвика является увлекательным экскурсом в туманные дали кельтской истории. В ней сказано, что около 450 года романизированные бритты начали выступление и захватили Шотландию до самого Фертоф-Форты. Этот регион оставался под британским контролем в течение нескольких веков, как важное королевство Стратклайд. Там святой Ниниан построил свой знаменитый монастырь, Белый Дом, откуда христианство распространилось до Голуэя и за его пределы. Кроме того, Чэдвик показал, что в союзе с бриттами имело место ирландское вторжение в Далриаду на севере и что оккупация Голуэя бриттами и Далриалы скоттами сломила власть пиктов на западе Шотландии и принесла мир на Ирландское море. Едва ли могут быть сомнения в том, что нарисованная Чэдвиком картина британско-ирландского сотрудничества после 450 года согласуется с известными нам историческими фактами.

Короче говоря, к 450 году и сразу после него на Ирландском море появилась кельтская талассократия, которая протянулась от Далриады до Бретани и, возможно, Испании. Бритты, восстановившие морской дух, были старшими партнерами в талассократии, во всяком случае первое время. Ирландцы были младшими партнерами. Хотя эта кельтская морская империя была многим обязана сохранившимся римским традициям в Западной Британии, еще большим она обязана раннему кельтскому могуществу в Атлантике, о котором речь шла в предыдущей главе. Оно существовало веками и сплотило кельтский народ в единую культурную общ-

¹⁴ Согласно Гильде, Амвросий Аврелиан прибыл из Бретани, чтобы помочь бриттам против их саксонских врагов.

¹⁵ У Прокопия есть известный отрывок о Британии, который поведали ему, по его утверждению, англ, сопровождавшие короля Теудеберта. «Остров Британию занимают три очень многочисленных племени, и у каждого из них есть свой король. Имена этих племен следующие: ангилы, фриссоны и одноименное с названием острова бриттоны. И таково многолюдство, так можно думать, этих племен, что каждый год большое количество их с женами и детьми выселяется и переходит в пределы франков». «Фриссоны» озадачили историков. Но поскольку нам известно, что саксонцы жили во времена вторжений англо-фризских племен в Англию, англ считали их одним народом и так и называли. Поэтому «фриссоны» Прокопия – это, возможно, саксонцы.

ность, имеющую общий и особенный набор христианских практик, искусство, литературу и язык, а также общие морские традиции¹⁶.

А теперь давайте обратим внимание на Галисию и Галльские берега к югу от Бретани. Интересно отметить, что до вторжения в Арморику около 450 года на эти берега не оказывали влияния ни саксонцы, ни кельты. Зато после 454 года положение изменилось. Первое упоминание о скандинавских пиратах на этих берегах относится к 456 году. Тогда флот герулов из семи кораблей напал на побережье Галисии. Тремя годами позже герулы добрались уже до Бетики, что возле Гибралтарского пролива. Четырьмя годами позже, в 463 году, мы узнаем о саксонских пиратах в долине Луары, которые прошли вверх по реке и осадили Анжер. В следующем году этот город открыл свои ворота перед ними. Вскоре после этого, в 470 году, отряд франков, состоявший на службе у римлян, разгромил их и изгнал с островных баз, которые они занимали в устье Луары в 375 году. Однако в 475 году саксонцы дошли в южном направлении до Гаронны. Сидоний в письме, датированном этим годом, сообщает, что вестготы выслали против саксонцев свой флот на Гаронне. Немного позже, при Хлодвиге, саксонцы снова начали действовать на входе в Луару, где осадили город Нант.

Обосновавшись на этих берегах, саксонские пираты не вернулись на родину. Наоборот, они вскоре образовали постоянное поселение в Шаранте, откуда могли нападать на галльские берега. Они оставались там, пока не приняли христианство в середине VI века. После этого они постепенно влились в галло-римское население региона. Но пока не произошло это слияние, они оставались отдельным элементом, поддерживавшим связи со своими соплеменниками до Кента.

Таким образом, изучение территорий побережья Западной Галлии и Испании между 450 и 550 годами показывает, что там сначала действовали герулы, а потом саксонские пираты. Ясно, что их активность серьезно мешала торговле, которая ранее велась практически беспрепятственно с Ирландией и Западной Британией. Именно герулам и саксонским пиратам, так же как мореплавателям Бретани, Западная Британия и Ирландия обязана, по крайней мере частично, своей изоляцией от континента в те годы. Эта изоляция объясняет расхождения между кельтской церковью Ирландии, Британии и остальной Европы.

Остается невыясненным один вопрос: отношения между бриттами, переселившимися в Арморику и Испанию, и герулами и саксонцами тех же берегов. Трудно поверить, что эти народы всегда были враждебны по отношению друг к другу. Время вторжений слишком точно совпадает, чтобы быть случайным. К примеру, начало расселения бриттов в Арморике совпадает с прибытием герулов в Галисию (где тоже жили бритты). В том же 470 году мы видим армию бриттов, или бретонцев, под командованием Риотама на Луаре и саксонцев, осаждающих Нант. Как впоследствии говорил Теудеберт, должно было существовать хорошо налаженное сотрудничество между этими группами завоевателей. В следующем веке такое сотрудничество было очевидно, когда саксонцы Байё помогали бретонцам атаковать Нант. Разве не вероятно, что подобное бывало и раньше?

Пока мы уделяли максимальное внимание событиям 400–550 годов на море – в Английском канале, Ирландском море и в Атлантике. Но что происходило в эти годы в той части Галлии, между Рейном, Луарой и Каналом, которая все еще хранила верность Риму? Какова была ее судьба? Ведь она была отрезана, с одной стороны, от Британии, а с другой – от Средиземноморья новыми королевствами вестготов и бургундов.

В первую очередь следует заметить, что в первые десятилетия V века эта часть Галлии и Рейнской области почти не страдала от вторжений. Свевы и вандалы быстро прошли

¹⁶ В определенном смысле это было возвращением к условиям, которые существовали здесь в конце бронзового века, когда также образовался культурный регион, состоящий из Бретани, Испании и земель вокруг Ирландского моря.

через провинцию, не причинив особого вреда¹⁷. Вестготы, вошедшие в Галлию со стороны Средиземного моря, оставались к югу от Луары. За исключением Фландрии, рейнская граница оставалась нерушимой, пока франки и алеманны были на месте, как верные федераты. Бургунды, обескровленные наступающими гуннами в Центральной Германии и отдавшие земли в долине Соны, хранили спокойствие и служили во вспомогательных войсках римской армии. Если наступающая орда гуннов в Центральной Европе казалась грозной, она до 450 года напрямую не угрожала этой части империи. Возможно, серьезная внутренняя проблема – восстания багаудов в Арморике – частично была решена с помощью вестготов.

В это время последний великий римский полководец запада, Аэций, стал *magister militum* Галлии. Он, похоже, осознавал потенциальную угрозу для своей провинции царившего беспорядочного мира и понимал, что вестготы, бургунды, франки и алеманны в границах Рима, как саксонские и ирландские пираты на Канале, в конце концов уничтожат римскую власть. В то же самое время продолжающиеся восстания багаудов в долине Луары – ими руководил Тибато – подрывали общественный порядок и процветание в самом сердце Галлии. Аэций, располагавший крайне ограниченными средствами, чтобы платить солдатам, и практически не имевший доступа к Средиземному морю, стал больше дипломатом, чем воином, но продолжал править Галлией. Какое-то время это ему удавалось.

Он убедил имперское правительство в Италии выплатить крупные суммы гунну Атиллу, тем самым обеспечив его благосклонность, и нанял аланов и гуннов для поддержания порядка в провинции. Аланов расквартировали в долине Луары, где они подавили восстания багаудов с такой жестокостью, что нанесенный ими ущерб превысил тот, которого сумели достичь восставшие крестьяне. Он остановил франков в Турне и заставил их вернуться к прежней лояльности Риму и использовал бургундов, чтобы остановить алеманнов. Натравливая одних варваров на других, он поддерживал нестабильный мир. Возможно, его самым важным триумфом был Труа, где Аэций собрал германскую армию из бургундов, франков и вестготов, чтобы остановить продвижение гунна Атилы в Галлию, но эта победа оказалась его лебединой песней. Как и его предшественник Стилихон, он был вознагражден за свои успехи убийством. Возможно, дело в любом случае было безнадежным. Все, что мог в этот период сделать Аэций в Галлии, – это оттянуть неизбежный конец.

Через тридцать лет после его смерти этот конец настал. Хотя развал начался почти сразу. Бритты вторглись в Арморик, саксы напали на побережье Западной Галлии, бургунды заняли долину Роны, алеманны взяли Эльзас. Вестготы под командованием короля Атаульфа распространились по всей Центральной Галлии, несмотря на героическое сопротивление некоторых местных галло-римских магнатов. Франки вдоль Рейна – иногда их называли рипуарскими – просочились вокруг рейнских городов и вторглись в Лотарингию и Люксембург. Другие франки, салические, возобновили продвижение к Сене. Ни Павел, ни Эгидий, ни Сиagriй, слабые преемники Аэция, не смогли организовать адекватную защиту римского наследия. Римская Галлия продолжала существовать лишь несколько лет после того, как Ромул Августул, последний император Западной Римской империи, был свергнут своим германским ментором в Италии в 476 году.

Проблема Римской Галлии заключалась не в том, исчезнет она в конце концов или нет, а в том, кто получит желанный приз. Вестготы вроде бы имели больше шансов выиграть в историческом тотализаторе, который должен был определить преемника Рима в провинции, некогда завоеванной Цезарем. Они контролировали большую часть Центральной и западной частей Галлии, то есть регионы, меньше всего пострадавшие от беспорядков, поразивших другие части провинции. У них был способный и честолюбивый лидер – король Атаульф. Вест-

¹⁷ Иероним, наш главный источник касательно ущерба, причиненного этим вторжением, упоминает Вормс, Майнц, Шпейер и Страсбург-на-Рейне, а также Реймс, Аррас, Турне, Амьен и Тулузу в Галлии как города, разграбленные варварами.

готы были самым романизированным из германских народов, и их поддерживали талантливые галлоримские аристократы, такие как Авиты. Тем не менее победителями оказались вовсе не они, а франки, у которых было намного меньше преимуществ.

Своей победой над соперниками в Галлии франки обязаны лидерству Хлодвигу. Вначале это был скромный салический князек, ничего не имевший за душой, кроме беспринципности и неумной энергии. Его первым шагом стало нападение на Сиагрия, последнего лидера Римской Галлии. Победа дала ему всю северную часть провинции до самой Луары. Затем он двинулся на вестготов, у которых теперь был новый король – Аларих II. И снова одного сражения при Пуатье оказалось достаточно, чтобы уничтожить их господство. Хлодвиг преследовал их в южном направлении и захватил столицу – Тулузу. Только вмешательство остгота Теодориха не позволило франкам выйти к Средиземному морю. Вестготы сделали своим королевством и штаб-квартирой Испанию, хотя в их распоряжении остался небольшой участок земли в Южной Галлии между Пиренеями, Роной и Средиземным морем. Затем Хлодвиг двинулся к Рейну, в районе Цюльпиха разгромил алеманнов, направлявшихся на север, и заставил их признать его господство. В свои последние дни Хлодвиг, ставший ортодоксальным христианином, довольствовался убийством своих франкских соперников королевской крови и укреплением государства. После смерти в 511 году он оставил королевство, построенное на руинах Римской Галлии, протянувшееся за пределы римской провинции в Германию¹⁸.

Правители франков – его преемники – продолжили труд Хлодвигу. Охваченные кровавой братоубийственной тенденцией, постоянно разделяя и снова объединяя свои владения, эти монархи династии Меровингов все же находили время для увеличения своих владений. Они «проглотили» королевство бургундов и направились захватывать Прованс у остготов. Они успешно вмешались в борьбу византийцев и остготов за Италию. В ходе этого вмешательства они заставили алеманнов, тюрингов и недавно вышедших на сцену баварцев Юго-Западной Германии принять свое господство. Представляется вероятным, что даже саксонцы Северной Германии в середине VI века на время признали их власть. И к 550 году франки стали самой важной континентальной силой в атлантической Европе. Их владения простирались от Средиземного моря и Атлантического побережья Галлии до центральной части Германии. В этот период их влекло к Средиземному морю, и они обосновались в Галлии, несмотря на германскую кровь. Но, контролируя большую часть Германии, они не забывали и о тевтонских интересах, что уже предвещало приход Дагоберта и Карла Великого в последующие века.

Пока Римская Галлия вливалась в крупную империю франков, восточная и центральная части Римской Британии постепенно становились англосаксонской Англией. Историки уже давно обсуждают вопрос, как удалось англам и саксам завоевать и трансформировать крупные части Британии в германские королевства. Мы располагаем повествованием Григория Турского о франкских завоеваниях Галлии, однако, к сожалению, у нас почти нет исторических документов об англосаксонском покорении Британии. Только несколько отрывочных фрагментов из трудов Гильды, Беды и Ненния, а также «Англосаксонская хроника» проливают свет на события тех лет, и все эти источники представляются сомнительными по разным причинам. Хорошо хоть, находки археологов и нумизматов, ставшие доступными в последние годы не только в Британии, но и в Фрисландии (Фризии) и Скандинавии, помогают нам заполнить некоторые пробелы в знаниях. Сегодня мы ближе к пониманию важных фактов англосаксонского перемещения в Британию, чем несколько десятилетий назад, хотя загадок еще много.

Один факт сегодня ясен. Хотя саксонская активность у берегов Британии уходит корнями еще в III век, когда началось строительство римских укреплений на Саксонском берегу, фактическое вторжение – можно сказать, колонизация – относится к более позднему периоду. До 450 года основные атаки саксов были направлены не против Британии, а против побере-

¹⁸ Главный источник информации о Хлодвиге – труды Григория Турского.

жья Северной Франции, где в Булони и Байё появились их первые заморские поселения. Они, конечно, совершали набеги на Британию в 408, 429 и 441–442 годах, как и в IV веке, но, если не считать некоторых саксов, которые давно использовались римлянами как *gewissae*, и, возможно, создания плацдарма в Эссексе, недалеко от устья Темзы, они оставили Римскую Британию в покое. Вовсе не их, а пиктов, рыскавших вдоль восточного побережья Великобритании на пиратских кораблях, цивилизованное население Британии, собравшееся в тени фортов Саксонского берега в Кенте и Восточной Англии, считало грозными врагами¹⁹.

Крах римской военно-морской обороны в Канале между 428 и 450 годами сделал участь римско-британских жителей этой части острова воистину отчаянной. У них все еще были форты Саксонского берега для защиты и остатки римских военных подразделений. По крайней мере, римские военные традиции еще поддерживались в 428 году и даже позже²⁰.

У них был лидер в Кенте, Вортигерн, типичный сильный человек из числа местных жителей. Таких в тот период появлялось немало в Римской Британии и Галлии. Но у них не было контакта с континентом, равно как и военно-морских сил²¹.

В это время – около 449 года – Вортигерн, согласно традиции, открыл ворота тевтонским захватчикам, наняв большое число наемников-ютов под предводительством Хенгиста и Хорсы, чтобы защитить остров от пиктов. Несомненно, имена Хенгист и Хорса являются недостоверными, однако само событие кажется правдоподобным. Отметим, что эти люди были наняты для защиты от пиктов, но они не были саксами. Это были юты из Скандинавии, возможно, из Ютландии. Не следует удивляться и нахождению скандинавов так далеко на юге. Разве не герулы из той же части света несколькими годами позже совершали набеги на побережье Испании? И разве юты не были более надежными союзниками, чем соседи-саксы? Было даже выдвинуто предположение, что франки присутствовали среди наемников – определенно, такое было возможно. Однако ясно, что главная задача наемников – обеспечить морскую защиту, которой катастрофически не хватало на этих берегах. А значит, использование ютов напоминает аналогичную службу Олава Трюгвассона на этих берегах много веков спустя.

Согласно Гильде и другим традициям, наемники Вортигерна взбунтовались и без особого труда обосновались в Кенте около 450 года. Позже к ним присоединились саксонские элементы, коими командовал Эск, который мог быть истинным основателем Кентского королевства. Около 480 года прибыли другие саксонские отряды на южное побережье в районе Пивенси и создали поселение, которое впоследствии стало королевством Сассекс. Эти отряды, вероятно, собирались на противоположном берегу Канала в саксонской колонии Булони. Интересно отметить, что, согласно традициям, местные романо-британские жители, продолжавшие защищать римскую береговую крепость Андериды, отчаянно сопротивлялись их высадке²².

Однако большинство саксонских иммигрантов прибыли в Британию вовсе не через Сассекс или Кент, а скорее через восточное побережье. Раскопки во Фризии показывают, что они добрались до Англии вдоль нидерландских терпенов, а не пересекали Канал из саксонских колоний Булони и т. д. Более того, археологи во Фрисландии позволили нам датировать их вторжение с большой степенью точности и, таким образом, сравнить его с традиционным повествованием Гильды.

Раскопки терпенов показали, что очень близко к 450 году имело место масштабное морское вторжение на терпены Фризии, народа, гончарные изделия которого доказывает его при-

¹⁹ Гильда упоминает о письме Аэцию, в котором захватчиками называются пикты и скотты, а вовсе не саксонцы.

²⁰ Хотя в *Notitia Dignitatum* упоминаются британские оборонительные сооружения в 428 г., в Кодексе Феодосия вообще нет ссылок на Британию. Существует традиция, рассказывающая о бриттах, защищавших римский береговой форт в Андред (Пивенси) в 480 г.

²¹ Это отсутствие контакта демонстрируют монеты *minimissimi*, которые копируют только монеты IV в.

²² Многие историки подчеркивают уникальность Кента с его франкскими элементами и сильными уцелевшими остатками римской куль туры.

бытие из низин в устье Эльбы и Везера, то есть из родного дома саксов. Эти захватчики уверенно обосновались на побережье и даже изменили изначальный состав фризского населения, сделав его преимущественно саксонским в культурном отношении. Фризия располагалась на пути, по которому, учитывая используемые в те времена суда, должны были пройти саксы, направлявшиеся в Британию, и дата – 450 год – согласуется с традиционной датой утраты Кента, указанной Гильдой²³.

Археологи обнаружили вскоре после саксонской оккупации Фризии их присутствие на английских берегах. Там они, судя по всему, вошли в главные речные системы Восточной Британии и продолжали двигаться по рекам и сухопутным путям. Они обошли некоторые центры местного британского сопротивления, такие как Кент, Лондон, Кембридж и территории вокруг фортов Саксонского берега в Восточной Англии. Некоторые из них добрались до верховий Темзы через Уз. Это произошло сразу после 450 года.

Во многих регионах Восточной Британии свидетельства показывают, что завоевание было мирным. Шла колонизация. В других местах ситуация была иной. Местное британское население сопротивлялось ожесточенно и зачастую весьма успешно. На самом деле нам известно от Гильды, что некоторые бритты под предводительством Амвросия Аврелиана и Артория, знаменитого Артура, остановили саксонцев в битве при Бадонском холме в 509 году и задержали их продвижение в центральную часть острова и на запад как минимум на полвека. Но в других местах на востоке, таких как Восточная Англия и Кент, имело место слияние романо-британского населения и захватчиков²⁴.

В то же самое время из Кента отправились колонисты и основали колонии в Гэмпшире и на острове Уайт – любопытный факт, потому что это была единственная экспансия захватчиков за пределы Сассекса вдоль побережья Канала. Постепенно новые государства стали обретать форму на частично саксонско-ютском, частично британском острове. Определенно самым интересным из них был Уэссекс, королевство, которое с самого начала имело смешанное население, состоявшее из романо-британских подданных Западной Британии, ютов из Гэмпшира и саксонцев, добравшихся до региона Темзы. Во всяком случае, изначально доминирующим элементом был кельтский, а не саксонский, как видно из имен, которые традиция приписывает его первым королям: Кевлин (Колин) и Кердик²⁵. Все это подтверждает то, что выявили набеги бриттов и саксов на галльское побережье: отношения между этими двумя народами в те годы были зачастую более гармоничными, чем до сих пор считало большинство историков. На самом деле если бы историческое развитие Британии в этот момент прекратилось, остров мог бы постепенно превратиться в объединение старых и новых поселенцев, приблизительно так же, как в Галлии²⁶.

То, что этого не случилось и расовый баланс в Британии сместился в сторону тевтонов, объясняется прибытием на остров нового германского народа, англов²⁷. В отличие от саксов

²³ Многие ученые датируют оккупацию саксонцами фризских терпенов слишком рано – четвертым веком. Другие относят ее к 400 г. Эта дата представляется более вероятной, хотя все начиналось с маленьких ранних поселений в Фризии. А масштабная саксонская оккупация терпенов произошла в 450 г. или около того. Из Фризии саксонцы продолжили путь в Англию.

²⁴ Лот в своих трудах выражает откровенный скептицизм относительно выживания большого числа бриттов в местах, колонизированных саксами. С другой стороны, есть свидетельства, в дополнение к монетам из Ричборо, что слияние, а не уничтожение все же периодически имело место. В Кенте сохранились и романо-британские техники в искусстве, и досаксонская полевая система. То же самое справедливо для Сассекса. Даже в Йорке и Линкольне – в районе, где жили англ, а не саксы, – сохранились отдельные гончарные изделия.

²⁵ Уэссекс позже стал отдельным королевством, а с самого начала включал в себя саксонское, ютское и романо-галльское население.

²⁶ Дата завоевания Кевлином Глостера, Сайренсестера и Бата, и, таким образом, всего Уэссекса, вероятно, конец VI в. Лот признает сохранение довольно большого кельтского населения в Уэссексе, особенно в Дорсете, Девоне и Сомерсете.

²⁷ Удивляет сходство между тем, как наступление ютов и саксов вглубь острова было остановлено у Бадонского холма в VI в., и тем, как Алфред остановил данов в IX в. Юто-саксонская территория Денло, созданная в восточной части Англии в результате этой победы, не показалась особенно опасной Гильде в 550 г. Только намного позже вторжение и расселение англов

англы были балтийским народом, родиной которого являлся датский полуостров и соседние острова²⁸. Их переселение в Англию имело другой характер, в сравнении с их соседями, саксами. Только часть саксонского народа покинула свои дома в Германии и обосновалась во Фризии или продолжила свой путь в Англию. Большинство саксов остались в Северо-Западной Германии. Англы, напротив, ушли все, и среди них были также люди, имевшие шведское или саксонско-фризское происхождение²⁹. В их миграции определенно имелись новые аспекты. Это было движение целого народа на юго-запад, с Балтики к новому дому. Англы не следовали проторенными юго-восточными путями миграции, традиционными для балтийско-скандинавских народов на протяжении веков. У проблемы варингов (варнов), с которыми, согласно Прокопию, у англов произошло морское сражение, есть простое решение. Прокопий утверждает, что варинги жили к северу от Рейна. Если заменить Рейн Эльбой, трудности исчезают. Становится ясно, что варинги в начале VI века жили к северу от Эльбы между саксами, фризами, тюрингами и англами, примерно в том районе, который славяне ободрицы заняли около 800 года. В 523–526 годах их король отправил посольство к Теодориху, который дипломатическими путями пытался проложить путь через территорию тюрингов к Скандинавии и Балтике. Варинги преграждали англам путь на юг к Северному морю и Англии. Прокопий рассказал, как англы нанесли им поражение и открыли для себя путь в Англию, который, вероятно, проходил через Айдер и Шлее. Некоторые англы, однако, обосновались возле варингов и после фактического уничтожения последних славянскими племенами в VI веке смешались с оставшимися и продолжали существовать до IX века. У этих *varīni et angli* был даже свой закон.

Из исторических источников нам известно, когда англы прибыли в Британию. Беда утверждает, что в 545 году король Ида создал королевство Нортумбрия. Прокопий, однако, считает, что англы заселили Британию до 540 года. Франкские источники, кроме того, повествуют о набеге Хигелака, короля гетов, в районе устья Рейна, который произошел во втором десятилетии VI века. Об этом событии упоминается в «Бео вульф»³⁰. Поскольку этот набег, вероятно, был связан с общим перемещением англов со своей балтийской родины в Англию, можно утверждать, что эта миграция началась между 515 и 540 годами. 525 год – гипотеза, представляющаяся вполне вероятной. Судя по всему, миграция продолжалась довольно долго, возможно, столетие или около того, а шведские элементы, заметные в Восточной Англии, прибыли в Британию позже³¹.

Археологические открытия, сделанные в Британии, дополняют наши знания, полученные из исторических источников. Они показывают, что англы достигли более северной части восточного побережья острова, чем саксы. Высадка англов происходила от устья Хамбера до средней части Восточной Англии. Оттуда они двинулись вглубь территории и проследовали вдоль берега к Берниции. Плотнее всего они заселили Мидлендс. По пути они не только подавили сопротивление британцев на севере острова, но также или вытеснили, или слились с

изменило баланс между кельтским и англосаксонским населением острова.

²⁸ Беда утверждает, что англы оставили свои земли пустыми, когда отправились в Британию. Его слова подтверждаются и другими авторами. Прокопий сообщает, что у англов не было ни коней, ни парусов для лодок, что соответствует описанию балтийских народов датских ост ровов.

²⁹ Находки курганного некрополя Саттон-Ху показывают сильный шведский элемент из региона Уппсалы в династии Вуффингов Восточной Англии. Также присутствует скандинавско-шведский элемент. Многие авторы выделяют фризский элемент среди англов.

³⁰ Набег Хигелака, первое упоминание о балтийских народах,двигающихся на юго-запад в регион Северного моря, по-разному датируется разными учеными. Его относят к 520, 516, 512 гг. Ясно одно: силы Хигелака – авангард того, что стало вторжением англов в Британию.

³¹ Поражение данов и саксов в районе Гронингена, во Фризии, австразийским герцогом Лупом между 565 и 574 гг., вероятно, стало концом организованной миграции на юго-запад с Балтики. К 600 г., когда франки установили *status quo* в Нидерландах, вторжение англов завершилось. Обнаружение скандинавских золотых монет в Англии (почти исключительно в Кенте) подтверждает дату вторжения англов – 551–575 гг. Первые брактеаты найдены в кентских захоронениях начала VI в., последние – в захоронениях конца века.

прибывшими ранее саксонцами в некоторых частях Восточной Англии и Центральной Британии. К северу от линии, проведенной примерно от Оксфорда к Кембриджу через центральную и восточную часть Англии, они стали доминирующей группой. Таким образом, очевидно, именно англй изменили баланс между кельтами и тевтонцами, о котором с уверенностью говорил Гильда после Бадонского холма, причем сдвинули его в пользу последних. Вскоре им предстояло повести этот тевтонский элемент к победе в Мерсии и Нортумбрии, захватить долину Северна и Честер и разорвать наземные связи, соединявшие Корнуолл и Уэльс, а также Уэльс и Стратклайд. Но хотя именно они сделали Британию английской, англй, по сути, не были враждебны к местным жителям. Даже после их появления сильные кельтские элементы остались в Берниции и других местах северо-востока Британии, и до VIII века кельты в Стратклайде и Уэльсе должны были воевать в союзе с англами в Мерсии и Нортумбрии так же часто, как против них.

Теперь настало время рассмотреть события, которые имели место в те годы в центральноевропейском и скандинавском регионе Северной Европы. Что произошло на этих землях в результате миграции на юг? Об этом мы имеем лишь самые незначительные знания, настолько скудные, что, если бы не археология, нам было бы трудно получить даже самое общее представление о событиях.

В первые три четверти V века ясно, что деятельность одного народа, гуннов, являлась решающим фактором, который сформировал события от Черного моря и Дуная до Скандинавии. Гунны играли важную роль и раньше, уничтожив государство остготов на юге Руси и вытеснив вестготов в империю. Сделав это, они прекратили германизацию Южной Руси, протекавшую под влиянием остготов, и ликвидировали обширные владения Эрманариха в степях и лесах Руси, к западу от Урала.

В V веке гунны, присоединив к себе остготов и другие народы, начали расширять свою империю в центр Европы. Эта империя, в сущности, не была восточной, а скорее являлась конгломерацией германских и славянских элементов под властью гуннской элиты. Определенные германские племена, такие как остготы и гепиды, преданно служившей гуннам, занимали весьма неплохое положение – можно сказать, являлись младшими партнерами в государстве. Тогда, возможно, было бы разумнее считать их империю германо-гуннской, а не центрально-азиатской? Гунны медленно, но верно продвигались на запад, безжалостно уничтожая упрямых соперников, таких как бургунды, стоявшие у них на пути, и, в конце концов, гуннская империя раскинулась от Урала до Рейна и от Дуная до Балтийского моря, с центром на Венгерской равнине.

До недавнего времени существовала тенденция изображать гуннов V века жестокими дикими варварами, которые угрожали римскому миру, и их основным методом управления был террор. Эти кочевые воины считались немногим лучше тех дикарей, которых Аммиан Марцеллин описал во времена свержения ими остготов. И если сегодня никто не считает, что гуннская империя была благотворительной организацией, историки изменили свое первоначальное мнение о примитивности и отсутствии культуры у гуннов. При короле Ругиле и при Атилe, который сменил его на троне монарха в 434 году, они большими шагами двигались к цивилизации, что нам известно из рассказа о посольстве Приска в гуннскую столицу в те годы. Это правда, что их империя являла собой угрозу римскому миру, которую имперские правительства на юге пытались нейтрализовать, выплачивая астрономические суммы золотом. Однако следует подчеркнуть, что взамен гунны в целом уважали имперские границы и даже давали таким генералам, как Аэций, наемников, которые становились самыми верными солдатами. Только в 450 году эти воины стали грозной опасностью, когда Атила организовал два наступления на Рим – одно в Галлии и одно в Италии. Так получилось, что ни одно из них не стало успешным: первое было остановлено при Труа, а второе привело к знаменитой встрече Атилы с папой Львом. Ни одна из границ Римской империи на западе или на востоке тогда

не была нарушена гуннами. Судя по всему, легенда об опасности гуннов для римского мира была сильно преувеличена.

Аттила вернулся из неудачной экспедиции в Венгрию и вскоре после этого, в 454 году, умер в своей столице. Его империя, как и многие государства кочевников, ненадолго пережила своего создателя. Еще несколько лет, до 468 года, гунны под предводительством племянников и преемников Аттилы, Денгизика и Эрника, продолжали угрожать римской границе на Дунае. Потом мятежи раскололи гуннское государство. Германцы и другие народы получили свободу. Гунны исчезли с исторической сцены. Одни удалились на Нижний Дунай и Днепр, слившись с булгарами, другие ушли дальше на восток и вновь появились на исторической сцене как мадьяры.

Однако распад империи Аттилы не принес мира ни в Центральную Европу, ни к римским границам. Скорее он положил начало хаосу и неразберихе новых перемещений народов. Гигантские суммы, выплачиваемые Римом, как и прежде, не принесли желаемого результата. Остготы в среднем течении Дуная стали особенно опасными для Восточной Римской империи, поскольку их набеги стали чаще, и Ches толбуие возросло. Чтобы ликвидировать эту угрозу и отомстить Одоакру за захват власти в Италии и ликвидацию в 476 году западной императорской линии, правитель Константинополя повторил тактику, которая использовалась с вестготами, и в 488 году поощрил Теодориха вести свой народ за Альпы в Италию. Теодориху сопутствовал успех, и в 490 году он создал остготское королевство в Италии, куда вошли провинции Реция, Норик, Паннония и части Иллирика – до старой римской дунайской границы. В течение следующих тридцати лет влияние этого великого готского монарха было огромным и распространилось на обширные территории средиземноморского мира и Центральной Европы.

Стараясь заполнить вакуум, оставшийся после миграции остготов в Италию, ломбарды двинулись на юг, желая прибрать к рукам земли, оставленные людьми Теодориха. Одновременно, согласно Прокопию, герулы, жившие по соседству, через леса Восточной Германии мигрировали обратно в Скандинавию. В Скандинавии их встретили даны, которые позволили им обосноваться на своей территории, возможно, в Сконе, что на юге Швеции. Миграция герулов представляет интерес, поскольку, согласно Прокопию, по пути на север они прошли через незаселенную территорию Восточной Германии. Правда, они все же встретили некоторое сопротивление со стороны племен, вероятно славянских, которые местами преграждали им путь. Таким образом, около 500 года Восточная Германия была открытой незаселенной территорией, которую легко пересекали германские племена, двигавшиеся между Дунаем и Балтикой.

Такое положение дел продлилось недолго, поскольку на свободные восточногерманские земли вскоре пришли новые колонисты – славянские племена с востока. На самом деле, возможно, герулам помешал их авангард. Нам мало что известно об обстоятельствах этой миграции славян. Некоторые историки утверждали, что ее возглавили на севере таинственные белые хорваты и белые сербы – аланское меньшинство, контролировавшее славянскую массу. Другие считали западным продолжением некой призрачной империи антов, которая якобы сменила империю гуннов и королевство остготов на Руси. В любом случае эта миграция имела большое значение. Как уже говорилось, около 500 года Восточная Германия было малонаселенна. К 550 году широкий пояс славянских племен протянулся между линией Эльба – Зале, Балтикой и Венгерской равниной. Ободриты разместились в Гольштейне, руги, вильцы и помераны (поморяне) – дальше вдоль побережья, а другие племена – южнее, до Карпат. Южный берег Балтийского моря – от Вислы до Эльбы – перешел из рук германцев в руки славян. Германские племена, оказавшиеся на пути этой миграции, или оттеснялись на запад, как тюринги и

баварцы, или уничтожались, как варини. Таким образом, внезапно появилась славянская Центральная Европа³².

Тем временем вдоль Дуная двигалось племя аваров. Это кочевое тюркское племя юга Руси начало мигрировать на запад вскоре после 500 года, желая заполнить пустоту, оставшуюся после исчезновения гуннов. В 526 году они уже были на Босфоре и осадили Константинополь. Позже они прошли дальше на запад со своими славянскими союзниками, чтобы обосноваться на равнине Паннонии. Славяне – их спутники – изгнали маркоманнов и квадов из Богемии и оттеснили их на юг Германии, где они стали баварцами. Они уничтожили гепидов и в 568 году загнали ломбардов в Италию. Последнее событие положило конец восстановленному правлению Византии в этой провинции. Именно авары и их союзники были ответственны за славянское проникновение в Словению, Хорватию и Сербию, они же подготовили путь для последующей болгаро-славянской оккупации Мезии. Этот дикий кочевой народ создал королевство на Венгерской равнине, которое существовало до времен Карла Великого. Таким образом, к 550 году Центральная Европа изменилась и на юге, и на севере. Между Балканами и Балтикой теперь располагался прочный блок славянских племен и аваров. Растянувшись далеко на запад, они вытеснили германцев на относительно небольшую территорию Южной и Западной Германии и изолировали народы Скандинавии от их германских сородичей на юге. Центральная Европа, оказавшаяся во власти других народов, двигалась навстречу своей новой судьбе.

Сложная история Скандинавии между 400 и 550 годами, имевшие там место перемены и миграции могут быть правильно поняты только в связи с упомянутыми выше событиями в Центральной Европе. При поздней империи, как уже говорилось в предыдущей главе, торговля между Скандинавией, более цивилизованными территориями Римской империи и Черным морем велась почти исключительно через Центральную Европу. Торговые пути были сухопутными и начинались от южных берегов Балтийского моря. Один вел через Эльбу и Зале к Рейну и верховьям Дуная. Другой шел вдоль Одера и достигал среднего течения Дуная через Моравские Ворота. Также были пути вдоль Вислы, Немана и Двины к нижнему течению Дуная и Черному морю через Днестр и Днепр.

В IV веке более восточные пути, которые шли на юг Руси, приобрели особую важность, поскольку они вели к расположенному там процветающему остготскому государству. Благодаря этим путям знания об Эрманарихе, правителе остготов, вошли в северные мифы и легенды.

Когда гунны покорили остготов юга Руси и взяли их с собой на запад в Центральную Европу, они уничтожили или, по крайней мере, серьезно ослабили самые восточные пути между Балтикой и Черным морем. Но они оказали меньше влияния на пути, расположенные западнее, которые вели к Рейну и Дунаю. При гуннах контакт между Скандинавией и Балтикой поддерживался и даже приобрел большую важность. Доказательством тому является большое количество золота, которое нашло путь в шведскую Уппландию (Уппланд), Готланд, Эланд и Борнхольм, возможно, как результат субсидий, выплаченных гуннам и прочим варварам³³. Атилла, как и Эрманарих, стал персонажем северных мифов. Его наполовину германская империя послужила основой для легенды о Нибелунгах. А вот народ Скандинавии поначалу играл незначительную роль в истории Европы. Небольшие группы герулов с севера совершали

³² О том, что славяне в тот период достигли Эльбы, пишет Вибий Секвестр – «*Albis Suevos a servetiis dividit*».

³³ Между 400 и 500 гг. на Балтику поступило большое количество золота. Много римских золотых монет стало украшениями, *bracteates* и кольцевыми монетами. Их в большом количестве находили в Уппсале, Вестергётланде, Готланде, Борнхольме и Эланде. Но много золота сохранилось и в виде римских монет. По последним данным, обнаружено 666 таких монет: 245 – в Готланде, 203 – на Эланде, 116 – в Борнхольме, 60 – на материковой части Швеции, 41 – в Дании и только 1 в Норвегии. Они чеканились разными императорами, начиная от Гонория, и большинство – около 500 г. Три четверти монет чеканились на восточных монетных дворах империи, одна четверть – на западных.

набеги на западные берега, и юты оккупировали Кент. Но до 500 года саксонское вторжение во Францию и Англию шло почти без помощи скандинавов.

Неожиданно мы замечаем перемены. Англы, жившие на балтийской стороне полуострова Ютландия и датских островах, присоединились к миграции саксонцев к восточному побережью Британии, и это движение было массовым. Хигелак, король гаутов, повел своих людей в набеги в устье Рейна. Шведский элемент вместе с англами обосновался в Восточной Англии.

Эта перемена не представляла особого интереса, а пути миграции располагались за пределами Скандинавии. На Балтике шла миграция народов в южном и западном направлении, в отличие от прежних миграций на юго-восток. Из Уппландии миграция шла вдоль побережья, захватив жителей островов Готланд и Эланд и приведя шведов на опустевшие земли англов в Ютландии и на датские острова, где их стали называть данами. Другие последовали внутренними водными путями через юг Швеции в норвежскую область Вик, откуда, присоединившись к тем, кто проследовал через Данию, они двигались вдоль берега Западной Норвегии до Нида-роса или еще дальше – в Британию.

Существует много свидетельств этих миграций VI века в Скандинавии. Вдоль балтийского побережья Южной Швеции располагался целый ряд фортов, построенных, несомненно, гаутскими обитателями территории для отражения нападений своих соседей из Уппландии. Традиции королевских домов Дании и Норвегии, которые ведут свой род через Ингвара к правителям Уппсалы, также являются впечатляющим свидетельством миграции. Но самое интересное можно узнать из нумизматики. До 500 или даже 550 года золото Скандинавии – или римские монеты, или тяжелые золотые украшения – были сосредоточены на островах Готланд, Эланд и Борнхольм, а также на побережье Южной Швеции. Однако позже мы начинаем в большом количестве находить *bracteates*, золотые украшения, скопированные с этих монет, в Ютландии, норвежской области Вик и дальше на берегах Норвегии, а также во Фризии и Восточной Британии. Если нанести на карту места находки *bracteates*, можно увидеть пути миграции народа, который их создал, от шведской Уппландии вдоль берега к Дании, Южной Норвегии и далее³⁴.

К этой археологической и нумизматической информации можно добавить то, что нам рассказывает «Беовульф». Эта поэма содержит важные сведения о ситуации в Скандинавии в рассматриваемый период. Их помогает датировать тот факт, что Хигелак, король гаутов, фигурирующий в поэме, был реальной исторической фигурой и жил в самом начале VI века. Он упоминается в франкском источнике. В основу поэмы положена история о борьбе гаутов Южной Швеции с их врагами, шведами Уппландии и данами. Этот факт. Как мы уже говорили, подтверждается другими свидетельствами. Поэма завершается нотой отчаяния автора, который жалуется, что гаутов ждет печальная участь, поскольку они живут между враждебными фризами и враждебными шведами. Эта ремарка дает нам возможность понять, что случилось в Скандинавии. Гауты, возможно, были обязаны своим богатством и властью в Скандинавии тому, что положение в Южной Швеции и на балтийских островах сделало их естественными посредниками между этим регионом и югом. Только теперь все было не так. Пути на юг, приносившие богатство, проходили через Фризию и Северное море³⁵. Туда Хигелак и его люди отпра-

³⁴ Пути, по которым шло передвижение этих людей на запад и юго-запад в Данию и Норвегию, можно обозначить на карте находками *bracteate*. Поскольку эти *bracteate* не принадлежат ни ютам, ни норвежцам, ни англам – все они шведские, они, вероятно, были принесены захватчиками или колонистами на места в Дании и Норвегии, где их впоследствии обнаружили. Это передвижение не было абсолютно мирным, о чем свидетельствуют каменные крепости V и VI в. – *borgar* – на побережьях юга Швеции и Норвегии, которые помогали местным жителям защищаться. В Норвегии можно найти и другое свидетельство шведских корней этого перемещения – сходство между королевскими захоронениями Инглингов и венделов. Не менее интересно сходство между шведской лодкой, обнаруженной в Саттон-Ху, и более крупной лодкой VI в. из Квалсунна, в Норвегии.

³⁵ Первые точные свидетельства новых западных путей на Балтику через Мозель, Рейн и, возможно, Фризию, путей, вероятно, открытых дипломатией Теодориха, дают монеты, датированные 550 г. или около того, найденные на Готланде. Это *solidi* Теудеберта Австрзийского (534–548) и 3 *solidi* Анастасия.

вились за богатством. А обойдя гетов, закрепившись в Дании и присоединившись к новым союзникам, таким как герулы, шведы к 550 году фактически уничтожили силы своих гаутских соседей.

На основании изучения «Беовульфа» и археологических свидетельств можно сделать вывод об огромном влиянии на Скандинавию славянско-аварской оккупации Центральной Европы. Этой оккупацией славяне отрезали Скандинавию от источников торговли и богатства и разорили другие народы этого региона, как, например, гаутов, которые были обязаны своим процветанием положению посредников с югом через наземные пути Восточной Европы. Тем самым они стимулировали новую волну миграции из Скандинавии в Англию, вторжение англов и перемещение шведов из Уппландии на юг и запад в Данию, Южную Норвегию и далее.

Закрытие старых наземных торговых путей между Скандинавией и югом шло постепенно. Оно началось около 500 года, когда герулы возвращались в Данию через Восточную Германию. Оно, определенно, не было завершено до 550 года. Нам это известно, поскольку до этого времени золотые монеты восточноримского происхождения прибывали на балтийские острова, что предполагает наличие связи с территорией, прилегающей к низовьям Дуная³⁶. Мы также располагаем свидетельством того, что с Верхнего Дуная сухопутный контакт с регионом Балтики в 530 году был еще возможен. При этом мы исходим из обнаружения большого количества серебряных остготских монет за Альпами в Южной Германии у Майнца. Монетные клады показывают, что торговля с севером достигла и этого удаленного региона³⁷. К «монетным» свидетельствам можно добавить информацию о посольствах, которые прибывали в остготскую Италию во времена Теодориха. Она показывает, что остготский правитель поддерживал контакт со Скандинавией и Балтикой. Он посылал посольства и письма тюрингам, эстам и некому Роиле (Roila), правителю норвежской области Вик. Вместе с находкой остготских монет на юге Германии все упомянутое выше предполагает наличие пути, ведущего через Рейн и Эльбу в Южную Норвегию и Эстонию. Заметим, что интерес Теодориха к поддержанию наземного пути через Германию в Скандинавию и Балтику проявлялся в его активной дипломатии. Он провел переговоры с Хлодвигом после поражения алеманнов в 506 году, с тюрингами в 507–511 годах, с герулами в тот же период, в 523–526 годах – с варинами. Эсты прислали к его двору посольство с подарками из янтаря. Теодорих также поддерживал систематическую связь с королем Роилой. Таким образом, до 530 года Теодорих сохранял торговые пути через Германию с Южной Норвегией, Южной Швецией (с герулами) и Восточной Балтикой.

Однако этот путь недолго просуществовал после смерти Теодориха. Приход ободритов на берега Эльбы и в Голландию и уничтожение варинов прервали последний наземный путь на юг. После этого Балтика оказалась изолированной от юга. Остался только морской путь вдоль побережья Фризии в Англию и к устью Рейна, а регион Северного моря, окруженный скандинавами и саксонцами в Фризии, Англии, Дании и Норвегии, стал тевтонским морским владением, таким же отделенным от остальной Европы, как тот, что создали кельты в Западной Атлантике³⁸. Скандинавия, изолированная, как никогда раньше, начала отдельное политическое и культурное существование.

Следует отметить, что, даже когда славяне перерезали старые янтарные пути на юг, у шведских берегов стало формироваться другое явление. Речь идет о движении не на юг и запад

³⁶ Поскольку монеты Юстиниана редки, можно сделать вывод, что пути, соединявшие Балтику с восточным римским миром через Центральную Европу, были почти закрыты.

³⁷ К нескольким золотым *solidi* и *trientes* начала VI в. с итальянских и других средиземноморских монетных дворов, обнаруженным в разных местах Германии, следует добавить более многочисленные серебряные *siliquae* и *demi-siliquae* (всего 26 штук), найденные в основном у Майнца и на Верхнем Рейне. Все серебряные монеты чеканились в остготской и византийской Италии. Они доказывают активный контакт через Альпы с Италией – до среднего течения Рейна.

³⁸ Отметим, что постепенно создавался общий культурный регион вокруг Северного моря, в который вошли юты, саксонцы, англы и фризы (я бы включил туда также данов и норвежцев).

к Северному морю, а прямо на восток от шведской Уппландии через Аландские острова к берегам Финского залива и дальше. Его можно считать первым шагом к созданию Варяжского пути через Ладожское озеро, Волгу и Днепр к Черному и Каспийскому морям. Археологические находки показывают, что к 550 году шведы проникали по этому пути до Южной Финляндии. Так же шло проникновение на берега Курляндии со стороны как Готланда, так и Уппландии. Историк Иордан, писавший об этом периоде, упоминает о Восточной Балтике как находящейся под контролем германцев.

Наличие византийских интересов в Крыму при Юстиниане показывает, что по крайней мере один конечный пункт пути оставался активным. На самом деле замечание Иордана, что Херсон был уже в начале VI века важной конечной станцией для торговли мехами, дает основания полагать, что в то самое время, когда закрывались старые торговые пути, соединяющие Восточную Балтику и Черное море, начал формироваться новый.

Период миграций, завершившийся около 550 года, принес много перемен в мир Северной Европы. И все они были поразительными. Римская империя – ее часть, обращенная к Атлантике и северным морям, – исчезла, и на ее месте в муках рождались новые государства. Теперь вестготы были в Испании; франки, алеманны, бретонцы и бургунды – в Галлии и Рейнской области; ирландцы, юты, саксы и англосаксы – в Британии. Ирландцы обосновались в Шотландии, саксы – во Фризии, шведские народы – в Дании, Норвегии и Финляндии. В Центральной Европе славяне продвигались на запад до тех пор, пока не вышли к Атлантике в Северной Германии, и осели там вдоль линии, проведенной от Эльбы до Адриатики. Авары и булгары расположились на равнинах в низовьях Дуная, а на юге Руси население состояло из мадьяр, белых булгар и хазар. Поздний римский мир в империи и за ее пределами был разрушен до основания и не подлежал восстановлению. На европейских землях, обращенных к Атлантике, начиналась новая эра.

Очень трудно рассказать с приемлемой степенью точности о перемещениях народов, сыгравших свои роли в исторической драме, называемой *Volkerwanderung*. Еще труднее оценить экономические результаты этих миграций, их влияние на ситуацию в Северной Европе. Отчасти это вызвано нехваткой источников, в которых упоминаются эти события. Но не только ею. Когда народы приходят в движение, смещаются торговые пути и изменяется экономическая активность. Поэтому в период с 400 до 550 год не так-то просто отыскать заметные экономические нити. То, что является истиной для Юго-Западной Галлии, оказывается совершенно неприменимым для северо-восточной части этой провинции. Западная Британия существенно отличается в экономическом отношении от Восточной Англии и Скандинавии. Экономическая модель Рейнской области совсем не такая, как в соседнем Норике и Реции. Не забывая об этих трудностях, давайте рассмотрим экономику Северной Европы в эти годы миграций и небережливости.

В первой половине V века континентальные владения Римской империи, обращенные к северным морям, были не слишком сильно затронуты в экономическом отношении военными и политическими проблемами этих регионов. Это в первую очередь относится к Западной Галлии. На этот регион, в сущности не являвшийся частью регламентированного сегмента провинции неподалеку от Рейна, в котором государство развивало промышленность, мало повлияло присутствие саксонских пиратов в Канале или варваров-франков в Бельгии. Быстрое наступление вандалов и свевов через эту территорию по пути в Испанию в 406 году нанесло ущерб лишь на ограниченных участках. Водворение вестготов прошло относительно мирно. Эти варвары, самые цивилизованные и романизированные из всех германцев, с уважением отнеслись к римской системе, которую обнаружили, и попытались ее сохранить.

В результате такие города, как Бордо и Пуатье, продолжали вести сравнительно мирную и спокойную жизнь. Сенатские аристократы – Аполлинарии, Авиты и другие – начали служить вестготским королям так же, как раньше служили своим имперским хозяевам. Нарисованная

в письмах Сидония картина богатой приятной сельской жизни, сосредоточенной вокруг просторных поместий знати, возможно, не так уж далека от реальности. Двор Алариха II в Тулузе являет собой удивительное продолжение поздней римской культуры. В этой части Галлии вестготы поддерживали внутренний и внешний порядок. Только дальше на север, в долине Луары, где уцелевшее римское правительство было слабым, продолжались ужасные восстания багаудов, которые подавлялись только с помощью вестготов, а впоследствии – аланов.

К югу от Луары продолжалась активная коммерческая жизнь. По Луаре шли торговые суда, да и торговля со Средиземноморьем через Нарбонну не была неизвестной. Город Нарбонна, который, если верить Сидонию, лежал в руинах, вероятно, стал обретать важность, когда сирийцы и другие восточные купцы, после того как запрет на их присутствие в Западной империи был снят, вернулись со своими товарами из далекой Сирии и Египта. В отличие от долины Роны, где монеты *minimissimi* являются свидетельством местной коммерческой стагнации, экономическая жизнь на Гаронне была ключом. Добыча, захваченная Хлодвигом в Тулузе, является тому свидетельством. Несомненно, упадок городов и экономической жизни, неотъемлемая черта поздней империи, продолжался, да и галльские *solidi* были невысокого качества, однако упадок был медленным и мягким, а не радикальным.

Одной из причин относительного экономического здоровья является торговля, которая все еще достигала этих мест из Атлантики. Здесь уместно рассказать историю святого Патрика. Святой Патрик родился в семье мелких землевладельцев на западе Британии. Он был захвачен в плен ирландскими пиратами в районе Северна и увезен в Ирландию. Сбежав из рабства в Северной Ирландии, он пробрался на южный берег острова. Там он сел на торговое судно, везущее охотничьих собак в Галлию. Оно прибыло в континентальный порт, возможно расположенный в устье Луары. Святой Патрик, преодолевая трудности, прошел по разоренной сельской местности и в конце концов добрался до Южной Галлии. Там он решил присоединиться к церкви и прошел обучение в монастыре на Леринских островах в Средиземном море. Получив сан, он отправился на судне в Британию, чтобы навестить семью, потом вернулся в Осер и в 431 году отплыл на судне в Ирландию, где его ждала большая работа.

История святого Патрика весьма информативна по целому ряду причин. Она показывает, что купцы Ирландии, перевозившие то, что можно назвать предметами роскоши, в эти годы без особых проблем плавали в Галлию. А последующее путешествие святого в Британию, потом обратно в Галлию и оттуда в Ирландию – свидетельство того, что ни саксы, ни ирландцы серьезно не мешали морской торговле у этих берегов.

К этой информации о жизни святого Патрика можно добавить и другие интересные факты. Когда святой Герман в 447 году совершал свое второе путешествие в Британию, он, согласно традиции, проследовал через Корнуолл и Западную Британию без особого труда. А когда в 439 году умерла святая Мелания, она владела собственностью не только в Южной Галлии, но и в Британии. Археологические раскопки в Ирландии показали, что в этот период наблюдался рост предметов из бронзы римского происхождения. Многие из них, вероятнее всего, были произведены в галльских мастерских. Кроме того, нам известно, что целый ряд святых из Западной Британии и Ирландии учились в монастыре Леринских островов. При этом они, вероятнее всего, путешествовали туда и обратно через Западную Галлию, принося обратно на родину те восточные элементы, которые они находили в монастыре и которые потом стали заметной частью жизни кельтской церкви³⁹. Потоки грузов и пассажиров, достаточные, чтобы вестготы держали флот на Гаронне уже в 475 году, явно не были случайными или эпизодическими. Представляется в высшей степени вероятным, что в эти десятилетия торговля

³⁹ Контакты с Западной Британией могли продолжаться и в V в. Известно, что римский папа общался с британскими епископами в 475 г., а в 480 г. Константин, биограф святого Германа, назвал остров богатым. Вероятнее всего, существовали и связи между кельтским миром и аббатством Леринса.

вдоль побережья Северной Испании достигала Галисии и даже еще более удаленных регионов. Орозий в самом начале V века утверждал, что Ирландия располагается прямо напротив Испании, и даже поведал о существовании маяка в Корунье (*Portus Britanniae*), построенного *ad speculum Britanniae*⁴⁰. Традиции этого региона, повествующие о святом Армадоре, прибывшем морем в Медок, и о Святом Граале, привезенном в аббатство Гластонбери прямо из Палестины, тоже могут отражать активную морскую торговлю. Тогда, по крайней мере до 450 года, продолжалась атлантическая торговля, которая велась ранее: вино, оливковое масло и соль обменивались на металлы, шкуры и диких животных.

История Северо-Восточной Галлии и Рейнской области несколько иная. Экономическая жизнь, существовавшая здесь в IV веке, продолжалась, но в весьма скромных масштабах. Экономика некоторых районов сильно пострадала. Даже в IV веке побережье Канала было подвержено разрушительным саксонским набегам. Поскольку Фландрия была покинута в V веке и флот, размещавшийся на Канале, ушел на Сомму, берега поразил паралич. К 450 году все римские военно-морские силы там прекратили свое существование, а с ними утратили важность города, через которые велась торговля с Британией, как и сама торговля. Только Руан еще пытался сохранить свой статус. Дальше вглубь территории, где салические франки двигались в Бельгию, имел место аналогичный коллапс. Исчезали виллы, и даже такой крупный город, как Тонгерен, в V веке пришел в упадок. Южнее, вдоль верхнего течения Рейна, где была велика угроза со стороны алеманнов, наступал также упадок. Страсбург, уничтоженный варварами в 355 году, не был восстановлен, жизнь на виллах изменилась к худшему.

Вместе с тем существовали регионы вокруг Кёльна в Рейнской области, в долинах Мозеля и Мааса и дальше на запад, где сохранялось нечто от старого порядка, по крайней мере, до 450 года. Аррас, согласно Орозию, в эти годы продолжал производить шерстяную ткань. А в Кёльне все еще жило сирийское население и производило некоторые промышленные товары. Виллы существовали на Мозеле⁴¹. Небольшие объемы грузов из Рейнской области, включая стекло, *terra sigillata* и даже предметы, имевшие средиземноморское происхождение, продолжали везти по Рейну во Фризию в середине V века.

Еще важнее было поддержание торговли через границы Рима в Германию и на восток. Когда Приск посетил столицу Аттилы в Венгрии, он сообщил, что купцы там торгуют, а народ говорит на латыни, а не на греческом. Это предполагает продолжение контактов с более западными частями Римского государства. Археологические раскопки также показали, что в Восточной Галлии в те годы появились центральноазиатские мотивы в искусстве и производстве. В частности, Рутилий упоминает о новой технологии плавления железа из Центральной Азии. Трудно сказать, какой сохранился объем экспорта оружия, стекла, вина и гончарных изделий с Рейна в Германию, но очевидно, что он не исчез полностью⁴². Тем не менее невозможно утверждать, что сохранившаяся жизнь даже крупных городов оставалась важной силой. Закрывание монетных дворов в этой части Запада после 395 года, замечания Сальвиана об упадке галльских городских центров и сетования Майориана на опустевшие города империи в полной мере применимы к этому региону. Однако следует отметить, что до смерти Аэция коллапс экономической системы поздней Римской империи на этих территориях никоим образом не был полным.

Восточнее – в среднем и верхнем течении Дуная – экономические условия были намного лучше. Производство железа и, возможно, шерсти, ранее очень важные, в Реции и Норике продолжались. Не прекращалась и активная торговля через границу. Здесь работал особый фак-

⁴⁰ Букв.: чтобы отразить Британию (*лат.*).

⁴¹ Трир продолжал существовать до 460 г. Вилла в Ненниге также держалась в V в., как и укрепленная вилла Никиты.

⁴² Х. Шетелиг упоминает о бронзе и стекле, поступающих в Норвегию в тот период. Но такие изделия были редкими в Норвегии после 400 г.

тор. В V веке и восточное, и западное имперское правительство платили огромные субсидии золотом гуннам и их союзникам⁴³. Вероятно, эти деньги стимулировали экономическую жизнь. Об этом свидетельствует то, что каждый договор с гуннами после 424 года содержит специальные положения, обязывающие римлян продолжать торговлю с гуннской империей через специально созданные торговые порталы. Есть свидетельства, что римляне периодически использовали экономическое оружие – торговые эмбарго, – чтобы снизить давление со стороны гуннов. Рассказ Приска о его встрече с римским ренегатом при дворе Атиллы, который сказал ему, что покинул империю, поскольку среди гуннов он может торговать свободнее, раскрывает многое, как и название *Commercium*, которое применяли в то время к одному из римских торговых порталов на Дунае. В этой связи показателен и случай с пограничным городом Паннонии, жители которого в 459 году обратились к королю варваров-ругиев с просьбой возобновить торговлю, которую он прекратил.

Поддержание вдоль Дуная пунктов контроля внешней торговли – товаров, поступающих в империю и вывозимых из нее, сохранение речных патрулей, и то, что, как и раньше, запрет на вывоз стратегических грузов из римского мира в адрес варваров включался в законы, обретшие силу в те годы, – доказательства важности продолжающейся торговли с севером⁴⁴. Возможно, то же самое оружие, изделия из металла, вино и зерно, которые раньше фигурировали в этой торговле с Центральной Европой, являлись статьями экспорта V века – они, а также огромные субсидии золотом, выплачиваемые Атилле и другим. Статьями импорта, безусловно, были янтарь, меха, рабы и римское золото, возвращающееся в империю. Нам известно о вывозе мрамора, вероятно из Иллирика, на север для строительства дворца Атиллы⁴⁵. Таким образом, возможно, что вдоль Дуная на протяжении большей части V века торговля, которую стимулировало золото, выплачиваемое варварам, оставалась почти такой же важной, как в более ранний период.

Иной была судьба субримской Британии в те годы. Уже говорилось о том, что экономика острова так и не восстановилась после катастроф, выпавших на ее долю в последние годы IV века. Конец процветающей системы вилл на большей части острова положило в первую очередь масштабное вторжение пиктов, скоттов, аттакоттов и саксов в 363 году. И в начале V века только на отдельных территориях Англии сохранилась продвинутая экономика – это один регион вокруг Северна, где торговля еще имела выход к Атлантике, и еще один на востоке, возле Лондона и вокруг фортов Саксонского берега. Следует отметить, что именно в этих регионах, согласно *Notitia Dignitatum*, римские войска остались в Британии.

На юго-востоке острова Лондон, Кентербери и Верулам в субримский период еще наслаждались прежней жизнью, и несколько вилл продолжали существовать. В 429 году, к примеру, святой Герман сообщил, что Верулам все еще пригоден для жилья. Но мы располагаем убедительными свидетельствами того, что в эти годы экономическая жизнь региона оставалась местной и была изолирована от контактов и с континентом, и с другими частями острова. Раскопки в Ричборо, например, показывают, что в те годы стекло из Рейнской области больше туда не поступало. Также в Ричборо, Колчестере, Ренденхолле (Норфолк), Джиллингеме (Кент) находки *minimissimi* предполагают полностью местную экономику.

На западе Британии Каеруент продолжал некое подобие городского существования еще сто лет. На его стенах видны следы ремонта после нападений ирландцев. Наличие языческого храма в соседнем городке Лидни свидетельствует о мирном продолжении жизни. Мы снова

⁴³ В 424 г. Феодосий II заплатил гуннам 350 фунтов золота. В 434 г. гуннам было уплачено 700 фунтов. К 434 г. задолженность по дани достигла 6000 фунтов, а сама «субсидия» теперь составляла 2600 фунтов в год.

⁴⁴ В 420 г. эмбарго были повторены на ряд запрещенных грузов.

⁴⁵ В V в., в отличие от VI в., янтаря было в избытке на обоих берегах Рейна, и в Венгрии тоже, на пути к средиземноморскому янтарному центру в Аквиле. Это указывает на продолжающуюся торговлю через Эльбу – Рейн и Эльбу – Зале между римским миром и Скандинавией.

находим клады *minimissimi*, указывающие на местный тип экономики, в Каеруенте, Лидни, Бортон-он-Уотере и Сомерсете. В других частях Британии картина еще более мрачная. На южном берегу несколько разбросанных монетных кладов, датированных первыми годами века, было найдено у Клаузентума (Саутгемптон) и Уэймаут-Бей (Дорсет). Потом исчезают даже *minimissimi*, показывая, что, когда саксонцы прекратили сообщение с Галлией, последние искры экономической жизни погасли. На севере вокруг Честера, Йорка и Линкольна осталось несколько территорий, на которых экономическая ситуация представляется сомнительной. Там не было найдено монетных кладов, а города всегда были скорее военными, чем торговыми по характеру. Но представляется возможным, что они тоже продолжили существование как городские центры. На это указывает использование старых римских городских планов и римской системы улиц в более поздний англосаксонский период.

Рассмотрев все доступные свидетельства, начинаешь понимать, что экономика Римской Британии после 400 года пришла в упадок, который развивался быстро. Неудивительно, что в Кодексе Феодосия, написанном около 433 года, Британия даже не упоминается. Ограниченная разваливающаяся экономика субримского периода, изоляция острова от континента привели к тому, что Британия и в экономическом, и в политическом отношении перестала быть частью римского мира.

Пока мы говорили о территориях Северной Европы, входивших в Римскую империю. А как насчет земель за ее пределами? В Атлантическом регионе это Ирландия и Шотландия. Что касается Ирландии, свидетельства показывают, что ее примитивная экономическая жизнь ухудшилась. Она поддерживала контакты, как мы уже замечали, с Западной Галлией, Корнуоллом и остальной территорией Западной Британии. Судя по результатам археологических раскопок, из этих районов продолжался ввоз изделий из металла. В Шотландии после 400 года вообще нет указаний на существование продвинутой экономики. Археологи не обнаружили ни монетных кладов, ни ввезенных изделий из металла, датированных этим периодом. Можно только предположить, что общий упадок экономической жизни Британии привел к еще более сильному упадку на землях, расположенных к северу от вала Адриана.

Иначе сложилась ситуация в Скандинавии и Центральной Европе, что за Северным морем, к востоку – в регионах, которые были частью гуннской империи или тесно с ней связанными. Мы уже говорили о том, что в V веке значительный объем грузов пересекал дунайскую границу римского мира. Раскопки в Скандинавии показывают, что из империи везли большое количество золота, найденного в Борнхольме, Готланде, Эланде и материковой Швеции. Это был век золота в Скандинавии. Есть свидетельства римского экономического влияния и в Скандинавии, и в Центральной Европе.

Здесь, однако, мы должны сделать перерыв и рассмотреть парадокс. В IV веке до Скандинавии доходило мало римского золота, но много изделий из мастерских на Рейне и Дунае. В V веке, хотя римское золото найдено в больших количествах на балтийских островах и шведском материке, мало свидетельств наличия там римских товаров. И это несмотря на активную торговлю через центральноевропейские границы Рима. Вместо этого металлические изделия и ювелирные украшения тех лет в Скандинавии демонстрируют следы сильного центрально-азиатского влияния и, судя по всему, были изготовлены исключительно в местных мастерских. Вендельские шлемы раннего периода в Швеции, к примеру, имеют в основном римскую конструкцию, но украшены совершенно иначе⁴⁶. Скандинавия, несмотря на римское золото, похоже, являлась частью более широкой центральноевропейской русской культурной области, протянувшейся до Рейна. В этой области влияние Центральной Азии и Персии Сасанидов было важнее, чем влияние римского мира. Еще сильнее озадачивает то, что, хотя римское золото,

⁴⁶ Ростовцев считает, что новый стиль вдохновлен Сасанидами. Другие историки с ним не согласны и считают доминирующим германское или даже местное скандинавское. Все согласны лишь в одном – оно не римское.

датированное рассматриваемым периодом, находили в Скандинавии, его практически не было в Центральной Европе, в первую очередь в Восточной Германии, через которую оно должно было пройти, чтобы очутиться на далеких балтийских берегах. Некоторые историки пытались объяснить этот парадокс, отрицая существование торговли со Скандинавией в те годы. Если верить им, найденное золото добралось до Балтики не посредством торговли, а было привезено возвращающимися северными солдатами и другими лицами, которые привезли его с собой из империи гуннов и римского мира. В некоторых случаях это может быть правдой, но в целом объяснение кажется неправдоподобным. Мне представляется более вероятным следующее: нам известно, что римский мир торговал через границы с варварами Центральной Европы. Но объем этой торговли, ввиду упадка экономической жизни империи и навязанного контроля торговли, был достаточен только для удовлетворения самых насущных потребностей людей, живших за Рейном и Дунаем. Вместо товаров большая часть экспорта, отправленного Римом в Центральную Европу, состояла из золота в виде субсидий. Меха, янтарь и, конечно, рабов везли из Скандинавии в Европу. И когда скандинавские торговцы привозили свои товары с севера в самое сердце владений Атиллы, они получали за свои меха, янтарь и прочие грузы не изготовленные римлянами товары, а римское золото, а также, возможно, какую-то часть товаров, изготовленных на востоке, а не в Риме. Это золото они везли обратно на север. А отсутствие археологических находок монет объясняется просто: как известно, эти регионы до 500 года не были заселены.

Таким образом, любопытный парадокс с золотом при отсутствии римских товаров объясняется просто. Как систематически повторяли гунны в каждом своем договоре с империей, торговля должна вестись свободно. Очевидно, такая ситуация являлась искусственной. Она полностью зависела от римских взяток и субсидий, выплачиваемых ничего не производившим варварам Центральной Европы. А ее последствия оказались далекоидущими и породили поток золота, текущий на север из римского мира в Скандинавию, где их использовали не так для производства, как для изготовления украшений и т. д. Определенно, те, кто говорит о вывозе золота на восток в последние годы империи, не уделил должного внимания археологическим свидетельствам, которые показывают, что больше золотого богатства средиземноморского мира направлялось на север в Скандинавию, чем на восток в Китай и Индию.

Такова была экономическая ситуация в Северной Европе в первые пять или шесть десятилетий V века. Что же произошло в следующее столетие рассматриваемого нами периода? Давайте для начала рассмотрим Галлию. Мы уже отмечали, что после 450 года там имели место быстрые перемены. Бритты высадились с моря и начали колонизовать Арморику, а саксонские пираты, действовавшие у берегов Западной Галлии, делали практически невозможной торговлю. Франки захватили субримскую Галлию к северу от Луары и вскоре после 500 года уничтожили вестготское господство над Аквитанией. К 550 году бургунды завоевали также новую франкскую империю Меровингов, протянувшуюся от Средиземного моря до Германии.

Любопытно, что Южная и Западная Галлия понесли от этих событий не самый большой ущерб в экономическом отношении. Замена вестготского или бургундского правления франкским к югу от Луары поначалу не означала больших перемен. Аристократы – Аполлинарии и иже с ними – легко переметнулись от одного хозяина к другому, который к тому же обладал существенным преимуществом – был ортодоксальным католиком, христианином, а не еретиком. К югу от Луары система вилл продолжала существовать. Города вроде Бордо, Тулузы и Пуатье тоже никуда не делись. Галлоримская аристократия, как и прежде, оставалась доминирующим элементом в сельском обществе и монополизировала ключевые позиции в церкви. Фортунат счел бы для себя приемлемыми многие места, где развивалось общество и культивировался тонкий вкус, к которому он всегда стремился.

Атлантическая торговля, которая до 450 года доходила до берегов Западной Галлии, теперь пребывала в застое. Однако это компенсировалось другим событием – возрождением

средиземноморской торговли с берегами Галлии. В конце V века, когда пиратство вандалов пошло на убыль, и в начале VI века, когда восстановленная Юстинианом Романия стимулировала коммерческое развитие, возродилась торговля между Галлией и Востоком. Сирийцы, евреи и другие жители Востока снова привозили свои товары в Марсель, Нарбонну и города внутри страны. Золото, редкое в VI веке, опять стало относительно обычным. Южная и Центральная Галлия, которые в IV веке были экономически отделены от Средиземноморья, легко интегрировались в средиземноморский мир. На исторической сцене появился экономический ренессанс Меровингов – западный аналог Юстинианова возрождения на Средиземноморье.

Если такова была ситуация на юге и в отдельных частях центра Галлии, совершенно иначе обстояли дела до 550 года в остальной провинции и тех регионах Рейнской области, которые выходили к Северной Европе и Атлантике, а не к Средиземному морю. В Рейнской области городская жизнь в таких крупных центрах, как Кёльн, Тонгерен, Бонн, Вормс, Майнц, Шпейер и Страсбург, пришла в упадок. Дальше на юг и восток, в таких центрах, как Трир, Верден, Турне и Камбре, почти не осталось римской экономики.

Причины краха городских центров понять нетрудно. Их корни вовсе не в деструктивном характере франкских завоеваний, а скорее в природе римской экономической жизни в этой части Европы. Как уже говорилось ранее, промышленность этого региона, сконцентрированная в этих городах, – фабрики по производству оружия, тканей и т. д., была полностью под государственным контролем. То же самое можно сказать о мерах по транспортировке продовольствия, которыми занималась контролируемая государством коллегия речных перевозчиков. Конец римской правительственной системы в этих регионах и ее замена управлением франков почти сразу же положила конец такому положению дел. Система, направленная на обеспечение снабжения пограничных армий, не имела никакого смысла, если эти армии прекратили свое существование, и Рейн больше не служил границей между двумя мирами. Франки поддерживали римскую систему общественных перевозок, которую они сочли полезной, но все остальное – гупесее, фабрики по производству оружия, общественные продовольственные склады и корпорации *nautae* на реках – исчезло почти сразу после прихода власти франков. Одновременно исчезла вся модель жизни поздней Римской империи в регионе.

Также интересно отметить, что в большинстве северных и восточных владений франков система вилл тоже вскоре исчезла. Как и государственные гупесее, система вилл в этих регионах зависела от сильной государственной организации, которая поддерживала власть крупных землевладельцев над колонами – по сути, рабами, в то время как последние были ответственны за обработку земли и уплату большей части своего урожая империи в виде налогов. Там и в то время, когда правительство оказывалось слабым и дезорганизованным, для системы вилл наступали трудные времена. Колоны бунтовали и объявляли о своей независимости в восстаниях багаудов. Именно такое восстание вкупе с вторжениями и параличом правительства уничтожило систему вилл на большей части Британии в конце IV века. Аналогичная слабость вызвала бунты в регионе Луары и в Арморике в начале V века. Вероятно, такое же отсутствие правительственного контроля привело к исчезновению вилл в Бельгии в этот же период. Идентичное состояние дел сложилось на большей части Галлии к северу от Луары и в Рейнской области. Без поддержки сильного организованного государства система вилл терпела крах повсеместно, как это было, например, с виллой Неннинг в Люксембурге, история которой хорошо изучена. Некоторые из них, как, например, укрепленная вилла епископа Никиты возле Трира, уцелели, но они были лишь исключениями, которые подтверждают правило. К северу от регионов, таких как Виваре, долина Гаронны и Пуатье, где сохранилась старая система, к 550 году римская система вилл исчезла полностью. Точно так же в нашем современном мире мы видели, как система плантаций, зависящая от власти симпатизирующего ей правительства, исчезла в Мексике, Голландской Ост-Индии и Бирме. Новые поселения германских колонистов, которых было много в Рейнской области, Бельгии и Эльзасе и немного меньше по мере приближения

к Сене, заставили местное население галло-римлян двигаться к новой системе – деревень, – которая была характерна для Средних веков.

В тех регионах, где и система вилл, и регламентированная государством промышленность не пережили завоевания варваров, в силу сложившихся обстоятельств утвердилось местничество. Общество, основанное на системе деревень, не могло появиться в одночасье, уже будучи экономически развитым. Как и в субримской Британии, местничество отразилось в монетах. В этой части Галлии в конце V и начале VI века чеканились монеты, очень похожие на *minimi* и *minimissimi* Британии. Эти маленькие, можно сказать, крошечные кусочки серебра были найдены в долине Мааса, недалеко от Намюра, на Марне и даже в районе Шаранты⁴⁷. В то же самое время не следует считать, что вся промышленность исчезла. Это не так. К югу от Трира и Турне осталось население, которое трудилось на ушедших в небытие гупесее. Но оно направило свой промышленный опыт в новое русло, связав его с прежними занятиями. Эти люди стали чеканщиками и ювелирами и изготовителями оружия для воинственных франков, под властью которых теперь жили. Но пока они продолжали трудиться в тех же регионах, где раньше работали на Римское государство, произошла странная вещь. Их техника и художественные мотивы изменились. К VI веку в Восточной Галлии и в Рейнской области появилась новая модель организации производства мечей, превосходящая ту, что существовала здесь в римские времена, и сильно отличающаяся от нее – вероятнее всего, она имеет центрально-азиатское происхождение. Система выплавки железа тоже изменилась в сравнении с той, что существовала в Римской империи, став примитивнее. Ювелирные украшения, производимые в этой части Галлии, также изменились и стали похожи по стилю и дизайну на те, что изготавливали на юге Руси, в Скандинавии, Германии и Кенте. В общем, в рассматриваемых регионах Галлии и Германии появились новые неримские промышленность, искусство и сельское хозяйство.

Аналогичное положение сложилось в Британии в период после саксонского вторжения на остров, но в еще большей, более выраженной степени. В Западной Британии регион, где жило местное романзированное население, продолжал неуклонно уменьшаться, и, в конце концов, осталось только два места, Бортон-он-Уотер и Лидни, где можно было найти *minimissimi* – символы продолжения римских экономических традиций. Гильда в середине VI века мог называть себя римлянином, но его выдавала варварская латынь. Западная Британия стала полностью кельтской, и даже церковь, как в Ирландии, пришла к организации на племенной основе. Это не значит, что в Ирландском море и, возможно, до самой Корнуни не продолжалась морская торговля. Она существовала. Медь и олово оставались востребованными, и рудники Корнуолла активно работали. Ирландия особенно в экономике достигла некоторых успехов, что показали раскопки в Лагоре. Ирландские святые посещали Корнуолл и Уэльс для религиозного обучения. Но подобные контакты, коммерческие и прочие, в рамках кельтской талассократии – морского могущества – в те годы не были достаточно важными, чтобы или оживить старые римские городские центры в Западной Британии, или создать новые в других кельтских регионах.

Многое из сказанного справедливо и для востока Британии, где после 450 года также начался продолжительный экономический упадок. Только в Ричборо были найдены *minimissimi* VI века, продемонстрировавшие преемственность с римским прошлым на строго местной основе. В других местах – Кентербери, Лондоне, Йорке – продолжалось слабое подобие сельской жизни, только оно было очень слабым. Юто-саксонские жители Кентербери, к примеру, жили за пределами стен старого римского города, а изменение городского плана Лондона, когда он снова приобрел важность, показывает, что его население к 500 году, вероятно,

⁴⁷ Там находили еще и бронзовые или медные монеты. Редкие маленькие серебряные монеты Меровингов V и VI вв. были обнаружены на севере – на Сене, Марне и Уазе, на северо-востоке – возле Намюра, и на западе – в районе Шаранты. Похожие монеты чеканили бургундские правители в тот же период.

практически исчезло. Правда, определенные мотивы в кентских и восточно-английских ювелирных украшениях подразумевают, что британские традиции ремесла сохранились вокруг фортов Саксонского берега. Сохранение ранних стилей домов и деления полей указывает на то же. Однако, как и в случае с Северной Галлией, такие остатки прошлого не слишком впечатляют.

Контраст Британии составлял скандинавский мир, куда до 550 года тек поток золота с юга. Здесь можно найти многочисленные признаки экономического роста – на примитивном уровне, конечно. Процветала выплавка железа, особенно в Норвегии, а находки на островах Готланд, Борнхольм и Эланд предполагают наличие морского судоходства⁴⁸. Возможно, римские монеты и brachteates служили скорее украшениями, чем деньгами, как и красивые массивные украшения того периода, такие как торлсундские воротники, кольца для мечей, упомянутые в «Беовульфe», и массивные золотые чаши, обнаруженные в Дании. Но если так, они представляли собой вещи, пригодные для обмена, как и кольцевые монеты, которые часто находили на раскопках. Трудно поверить, что в конце V и начале VI века здесь не было чего-то близкого примитивной торговой цивилизации.

Коммерция на юге пережила падение империи Аттилы, поскольку даже при Юстиниане золото прибывало в этот регион через Центральную Европу. Но успехи аваров и славян перерезали торговые пути, и в конце концов при Теодорихе перед 550 годом остался только один торговый путь, связывающий со Средиземноморьем. Этот путь, открытый благодаря дипломатическим отношениям Теодориха с королем Норвегии, герулами, эстами Восточной Балтики и королями варингов и тюрингов, следовал на запад от Балтики до Эльбы, потом по Рейну в Италию через альпийские проходы. Должно быть, именно по этому пути эсты привезли янтарные подарки ко двору великого остготского монарха. Затем имел место финальный рывок славян через Северную Германию к Атлантике. Скандинавия оказалась отрезанной от юга. Остался только морской путь вдоль Фризии, через Финский залив и по русским рекам⁴⁹. Как и кельтская талассократия, скандинавская Балтика стала изолированным регионом, экономически отделенным от мира на юге, с которым он когда-то был связан торговлей.

Экономическая судьба Центральной Европы к середине XVI века оказалась еще мрачнее. Туда, где появлялись славянские племена, они приносили с собой примитивную сельскохозяйственную систему и больше почти ничего. Авары, в отличие от гуннов, были мало заинтересованы в торговле. Их набеги и господство над более слабыми славянскими соседями, обрекли эту часть Европы на очень низкий уровень экономической жизни на века. Археология ясно показывает, что в этот ранний исторический период славянских поселений почти не было контактов, торговли и промышленности. Ситуация изменилась к лучшему только спустя много лет⁵⁰.

Есть только одно исключение, помимо Южной Галлии, из общей мрачной экономической картины, которую являла собой Северная Европа к 550 году. Это исключение – Альпийский регион Норика и Реции. Возможно, так случилось потому, что после того, как Теодорих и его остготы взяли Италию, они установили контроль над всеми римскими провинциями в верховьях Дуная, и поддерживали старую римскую экономическую систему. Какова бы ни была причина, интересно заметить, что до середины VI века и римская система вилл, и некоторые старые римские техники и промышленные производства продолжали существовать вокруг таких

⁴⁸ Судя по находкам золотых и других монет, острова Готланд, Эланд и Борнхольм были торговыми центрами Скандинавии в этот период, так же как и шведская Уппландия.

⁴⁹ Лучшее доказательство этой изоляции – отсутствие находок янтаря, датированного VI в. при раскопках на Рейне и в Венгрии. В V в. таких находок было много.

⁵⁰ Поражает контраст между V и VI в. Раньше, примерно до 500 г., влияние Центральной Азии и некоторые произведенные там товары свободно попадали в Северную Францию через Центральную Европу. Но с VI в. здесь не прослеживаются ни предметы аварского производства, ни аварское влияние.

центров, как Аугсбург и Регенсбург. Более того, через альпийские проходы поддерживалась связь с Италией, на что указывают находки остготских и византийских *siliquae* и *demi-siliquae* в Южной Германии до самого Майнца. Некоторая часть торговли была той, что, как уже говорилось, к 550 году достигала Балтики через Эльбу. Но большая ее часть, возможно, следовала другим путем, по Рейну к Фризии, на что указывают золотые монеты, чеканенные в Италии и найденные в Нидерландах⁵¹. Новый путь с севера на юг к Средиземному морю, единственный все еще функционировавший к 550 году, несомненно, объясняет экспедицию Хигелака в эти годы к устью Рейна. Он искал не только добычу, но и путь на юг. Он же объясняет, почему автор «Беовульфа» говорил о фризах как врагах, живущих по другую сторону от гаутов. В географическом отношении эта ремарка не имеет смысла. Зато с точки зрения экономики она наглядна и интересна. Гаутский путь к южному богатству теперь лежал через Фризию и Рейн в Италию. С развитием этого маршрута Рейн стал играть новую важную роль. Он перестал быть барьером между двумя враждующими системами, экономической и политической. Наоборот, он стал магистралью, соединявшей Средиземноморье с Северной Европой. Именно эту роль ему предстояло играть много лет.

Давайте кратко подведем итоги, обобщим грандиозные перемены, которые принесли эти годы. В IV веке развитые в промышленном отношении отдельные регионы североευропейской части римских владений столкнулись с развивающимся неримским севером, разделенным на Атлантический регион и Центральноевропейский – Скандинавский регион. К 550 году все изменилось. Нам известно, что в большинстве из того, что было римскими северными провинциями, города, промышленность и виллы, составлявшие ее цивилизацию, исчезли, а с ними и коммерческие контакты, которые они стимулировали. Ни большой Атлантический торговый регион, ни Центральноевропейский – Скандинавский торговый регион не сохранились. Вместо этого появилась серия изолированных регионов на Ирландском, Балтийском и Северном морях и в Центральной Европе. Только в двух из них, тесно связанных со Средиземным морем, – Норике-Ретии и Южной Галлии, – наблюдалось продолжение римской экономической жизни. В других местах на руинах старого мира медленно поднимался и обретал силу новый экономический порядок.

В истории, как и в жизни, конец и начало, рождение и смерть, новое и старое зачастую соседствуют. И к 550 году мы видим очертания нового экономического порядка, возникающего на руинах старого. Мы видим новые торговые пути, соединяющие воедино отдельные экономические системы, в которые превратилась Северная Европа. О некоторых из них мы уже говорили. Это рейнский путь, соединяющий Италию с Северным морем, путь вдоль побережья Фризии, соединяющий Балтику с регионами, которые прилегают к Северному морю. Также были сделаны дополнительные шаги по формированию варяжского пути – из Финского залива, через территорию Руси, к Черному и Каспийскому морям.

Из другого региона, Кента, тоже началось движение грузов, но важность оно приобрело позже. Географическое положение Кента в месте слияния Рейна, Английского канала и Северного моря являлось идеальным для торговли. Мы располагаем свидетельствами, что к середине VI века возникли новые торговые контакты. Найденные в кентских захоронениях ювелирные украшения и другие предметы показывают, что жители этого региона поддерживали тесную связь с Рейнской областью, а судя по раскопкам в Фризии, содержащим кентские броши, эти контакты протянулись даже сюда. Не исключено, что были также прямые контакты со Скандинавией или через Фризию, или через Восточную Англию, поскольку *bracteates*, опреде-

⁵¹ Во Фризии были найдены следующие золотые монеты этого периода: 1 – Аркадия (миланский монетный двор), 1 – Феодосия II, 2 – Валентиниана III (Равеннский двор), 2 – Маркиана, 10 – Льва I, 1 – Анастасия и 9 имитаций, 2 – Юстина (Константинопольский монетный двор) и 4 имитации, 8 – Юстиниана (7 – Константинопольский монетный двор и 1 – итальянский) и 18 имитаций. Эти монеты показывают, что контакты между Галлией Меровингов и Фризией снова начались около 500 г., но до 550 г. пути, ведущие в Италию, были важнее.

ленно имевшие скандинавское происхождение, также обнаруживались в кентских захоронениях⁵². Контакты не ограничивались севером. Ирландские подвесные чаши в Кенте указывают на связь, возможно, через ирландскую колонию в Гэмпшире, с кельтским миром на западе и, вероятно, с Руаном, единственным уцелевшим римским городом на Канале⁵³. Но это не все. Есть свидетельства – монеты и ювелирные украшения – того, что контакт поддерживался даже с далекой саксонской колонией в районе Шаранты, на западном побережье Галлии. Таким образом, Кент, поддерживая контакт с Галлией, кельтским западом, Рейнской областью, Фризией и Скандинавией, стал глашатаем новой эры, уже находившейся в стадии формирования.

Осталась одна финальная проблема: какие суда использовались на северных морях в период миграций? И снова мы располагаем не столь полной информацией, как хотелось бы. Однако ясно, что на побережье Западной Галлии продолжали использоваться суда того же типа, что мы упоминали в первой главе. Нам ничего не известно о военных кораблях, составивших вестготский флот на Гаронне, так же как и о тех, что использовали римляне на Канале. Это могли быть галеры, *navis longae* и быстроходные пиктские суда, с которыми мы уже сталкивались раньше. Мы упоминали о флоте Гаронны в 475 году. Можно предположить, что после этого военные корабли больше не строились.

Относительно торгового флота мы информированы несколько лучше. Есть упоминания о двух типах судов, которые в последние годы VI века использовали галльские мореплаватели. Один из них – *scarpa* – скафа. Такие суда, как утверждает Григорий Турский, использовались в торговле с Испанией до самой Галисии. Другой – *barca* – барка. Скафа – плоскодонное судно с квадратной кормой и большим парусом – использовалось для речных перевозок и для морских перевозок вдоль побережья. Это судно, судя по всему, было аналогично по конструкции люгтеру. Барка – более крупное прочное судно, похожее на римское судно IV века, найденное в Лондоне. Оно было крупнее скафы и, возможно, взяло что-то от *ponto* венецов и римских транспортных судов, таких как *hippago* и *corbito*. Определенно оно было обшито вгладь. Возможно, именно барка перевезла святого Патрика из Ирландии в Восточную Галлию.

Не так легко идентифицировать суда, которые использовались мореплавателями Западной Британии для плавания в Арморику и Корунью в Испании. Только одно представляется очевидным: это были не океанские кораклы, которые раньше ходили у берегов Корнуолла. Суда, на которых Коротикус совершал набеги на Ирландию, вероятнее всего, были крупнее и имели некоторое сходство с римскими военными кораблями. Также, возможно, именно такие суда помогли Куннеде изгнать ирландцев из Корнуолла и Уэльса. К временам Гильды ситуация проясняется. Он описывает суда бриттов, отправлявшихся в Бретань, как *navis longae* – военные корабли римского типа. Кораклы, скорее всего, использовались для местных целей. Но были ли еще и другие типы судов? Возможно, здесь использовались те же скафы и барки, что на галльских берегах.

Относительно ирландского судоходства в эти годы сомнений меньше. До 550 года «национальным» ирландским судном *rag excellence* был коракл. Сидоний, к примеру, упоминает ирландских пиратов, бороздящих моря в «сшитых скифах». Очевидно, это *cuirgh* – куррах. Легенды Ирландского моря более позднего периода сообщают нам больше информации об этом типе плавсредств. Некоторые куррахи имели большие размеры, были обшиты тремя слоями шкур, могли перевозить двадцать человек и нести мачту⁵⁴. Суда такого типа, вероятно,

⁵² Янтаря, который прибыл скорее из Норфолка, чем из Скандинавии, много в кентских захоронениях VI в., но в более ранних он встречается редко.

⁵³ Кентский король Этельберт вскоре после 550 г. женился на Берте, дочери парижского короля Хариберта, который в это время контролировал Руан.

⁵⁴ Дикуйл, писавший в начале IX в., рассказал о кораклах, которые доходили до Исландии. Они же упоминаются в конце VI в. Адамнаном в *Vita Columbae*.

использовал Ниалл Девяти Заложников в своих рейдах. Веком позже они все еще использовались вдоль ирландского побережья.

Информация, которой мы располагаем о судах в Атлантике, скудна, однако о судах, использовавшихся в те годы в Северном море, нам известно еще меньше. Мы точно не знаем, на каких судах саксонцы, юты и герулы совершали свои экспедиции. Можно только утверждать, что они обладали хорошими мореходными качествами, в отличие от Нидамского корабля, и, если верить Сидонию, имели паруса. Предположительно они были обшиты вгладь и внакрой и сконструированы по образу и подобию пиктских судов, о которых упоминал Вегеций. Вероятно, они были довольно большими, потому что, согласно одному источнику, для нападения герулов на Испанию в 459 году использовалось семь судов, перевозивших 400 человек. Если верить этой статистике, каждое судно перевозило 60 человек, примерно столько же, сколько средние лодки викингов в начале IX века. Кстати, тот факт, что Кент к 550 году вел морскую торговлю с такими удаленными от него регионами, как Скандинавия, Фризия и Рейнская область (устье Рейна), кельтским Западом и саксонской колонией на Шаранте, указывает на наличие у жителей Кента надежных судов, способных выдержать длительные морские переходы.

Наша информация об англах и скандинавах тех лет на Балтике и у побережья Норвегии более точная. Она получена благодаря открытиям в Квалсунне и Саттон-Ху остатков судов, датированных этим периодом. Судно из Саттон-Ху и более крупное судно из Квалсунна очень похожи друг на друга и явно произошли от Нидамского корабля. Таким образом, они представляют собой еще одно свидетельство – если таковое требуется – передвижения балтийских народов до Северной Норвегии и Восточной Британии в начале VI века. Хотя судно из Саттон-Ху разбилось около 655 года, оно было уже старым, то есть относится к VI веку. Судно из Квалсунна датировано примерно тем же периодом.

Что касается конструкции, оба судна имели следующие характеристики: оба являлись плоскодонными гребными судами, созданными по образу Нидамского корабля. Однако они были более качественно построены, их пояса обшивки и уключины расположены лучше. Они также имели усовершенствованное рулевое весло. Одновременно они обладали определенными балтийскими характеристиками, как и Нидамский корабль. Иначе говоря, они не имели парусов и были настолько низкими в районе миделя, что захлестывались волной и, значит, не были приспособлены для плавания в океане. Как и все балтийские, скандинавские суда, они были обшиты внакрой. Несмотря на отдельные усовершенствования, оставались ближе к Нидамскому кораблю, чем к последующим лодкам викингов, вроде найденных в Гокстаде. Любопытно, что суда из Саттон-Ху и Квалсунна, судя по всему, реабилитировали византийского историка Прокопия, информация которого о Британии часто была ненадежной. Прокопий, рассказавший нам, что получил информацию от англов, сопровождавших франкских послов ко двору Юстиниана, утверждал, что суда, используемые англами, не имели парусов. Он, похоже, был немало удивлен этим фактом, а это предполагает, что другие народы в Британии – кельты, саксы и юты – использовали суда с парусами. Судно из Саттон-Ху подтверждает правоту Прокопия.

Следует также сказать несколько слов о навигации. В целом свидетельства, которыми мы располагаем, вроде бы указывают на то, что моряки по возможности старались следовать вдоль берега и избегали выходить в открытое море. Таким образом, от Коруньи или Бордо до Британии и Ирландии, морские пути проходили вдоль французского побережья, мимо Бретани, а затем в Корнуолл. От Кента до Руана морские суда шли вдоль южных берегов Британии до острова Уайт, а потом через Канал в Галлию. Из Кента до Скандинавии путь пролегал через проливы к устью Рейна, затем вдоль Фризских островов к реке Айдер и через Ютландский полуостров в Балтийское море. Это объясняет ценность географического положения таких мест,

как Фризия, Гэмпшир, Кент и Бретань, для морских народов. Именно оттуда контролировалось морское судоходство в северных морях.

Если это было справедливо для парусников, то тем более справедливо для гребных судов – только они использовались в Скандинавии и на Балтике. Для гребных судов путь через Северное море в Англию, должно быть, пролегал вдоль фризского побережья, потом через нижнюю оконечность Северного моря к Кенту или эстуарию Темзы, а оттуда вдоль восточных берегов Норфолка и Суффолка к Уошу и дальше. Вероятно, именно по этому пути англы достигли Англии, поскольку на их судах прямой путь через Северное море был бы в высшей степени опасным⁵⁵. Аналогично путь, по которому шведские суда попадали в Южную Норвегию, пролегал вдоль шведских берегов от Уппландии, мимо Готланда, Эланда и Борнхольма, а затем через Скагеррак и Каттегат в воды Южной Норвегии. Альтернатива – по озеру и реке через полуостров Южной Швеции в Каттегат. Таким образом, на Балтике контроль крупных островов у шведского берега и Дании нес с собой контроль морского судоходства в этих водах. Тем, кто контролировал все это здесь, как и в Атлантике, в будущем предстояло стать важными посредниками на северных морях.

⁵⁵ Нам известно, что была более активная навигация, соединявшая Норвегию, Ирландию, Британию и Испанию вместе, в конце бронзового века, чем позже, в железном веке. Тому есть довольно-таки простое объяснение. В ранний период кожаная лодка – коракл – использовалась повсеместно, в том числе на побережье Норвегии. Это было идеальное для Атлантики судно, скользившее по гребням волн. Когда в Норвегию, возможно и в Данию, с Балтики попали деревянные обшитые суда, они на первом этапе обладали худшими мореходными качествами. Ponto венетов, между прочим, было единственное океанское деревянное судно, которое использовалось в Атлантике до римских времен. Затем у римлян постепенно появились усовершенствованные деревянные суда, которые до IV и V вв. распространились к саксонцам и пиктам. Коракл, однако, продолжал использоваться у ирландских и саксонских берегов. Вместе с тем норвежцы и англы Восточной Британии под сильным влиянием деревянных кораблей не спешили принимать лучшие конструкции судов. Так было примерно до 600 г. Судно из Квалсунна являет собой перемену, достигшую норвежских берегов, или «брак» кожаной лодки с балтийской обшитой деревом лодкой. От этого «брака» родилась несущая мачту лодка викингов следующих столетий.

Глава 3. Новые начала

К середине VI века территории Северной Европы, выходящие к Атлантике, достигли самого низкого уровня экономической жизни и цивилизации со времен Юлия Цезаря. Они оказались разделены на ряд изолированных культурных и экономических регионов. Большинство того, что Рим построил на этих землях, было уничтожено. Только на юге и в центре Франции и вдоль верхнего течения Дуная сохранились остатки продвинутой цивилизации, которая шла по стопам римских легионов. Крах римской цивилизации на огромной территории, однако, не был полной и окончательной катастрофой. Этот крах сломал и искусственные торговые барьеры, раздутые сверх всякой меры оборонительные силы и ненавистную систему вилл на большей части Северной Европы. Теперь такие регионы, как Германия за Рейном, Ирландия, Скандинавия и даже речные долины Руси, перестали быть вражескими территориями, отделенными от римского мира. В каком-то смысле полтора века миграций и хаоса, которые мы называли периодом вторжений, дали результат в виде некоего уравнивания условий на северных морях. Упадок цивилизации на землях, раньше пребывавших под властью Рима, в какой-то мере был уравновешен сравнительным прогрессом за границами империи. Впоследствии Северной Европе пришлось начать, можно сказать, с нуля и восстанавливаться на более ровном фундаменте, чем был построен при римлянах.

Более того, хотя не все достижения римских времен были утрачены, появились новые силы, которым предстояло создать лучшее экономическое и культурное будущее. Кентские мореплаватели, занимавшие центральное положение на торговых путях, уже установили контакт с берегами Западной Галлии, Ирландского моря, Сены, Роны, Фризии и Скандинавии. Торговые караваны из Италии уже пересекали альпийские перевалы и попадали на Рейн, в Фризию и далее. Ирландские мореплаватели выходили за пределы кельтской талассократии в Ирландском море и двигались к неизведанным берегам. На северных морях делала первые шаги новая экономическая и морская эпоха, которой предстояло принести большой прогресс Западной Европе.

Если изложить в нескольких словах достижения эры 550-750 годов, следует отметить, что эти годы видели постепенное слияние культур и экономик изолированных регионов Северной Европы, развитие торговли по морским и речным путям, соединившим Испанию и атлантическую Галлию, Ирландию, Шотландию и Англию, Фризию и Скандинавию. Шведские связи достигли по русским рекам Черного и Каспийского морей и даже мусульманского Среднего Востока. Два века стали свидетелями важных шагов к развитию объединенного региона северных морей, отделенного от Средиземноморья, несмотря на торговые связи через русские реки, альпийские перевалы, долины юга Франции и атлантическое испанское побережье. Хотя Северной Европе после этого периода предстояло пережить еще много перемен, единство североморской территории больше никогда полностью не разрушалось и стало одним из столпов Европы во время Высокого Средневековья. Таким образом, на протяжении этих двух веков Меровингов можно увидеть некие начала, отличные от тех, что существовали при поздней империи, и часто недооцененные историками, однако чрезвычайно важные для будущего Европы.

В 550 году торговля из Средиземноморья достигала Северной Европы в основном через альпийские проходы и Рейн, хотя небольшой объем торговли шел в Атлантику через Сену и Гаронну. К первым десятилетиям VIII века такого больше не было. Атлантика, Английский канал, Северное море и Балтика обладала морским судоходством, которое было обязано возникновением торговли, направлявшейся на север от испанского побережья, а также из Франции между Гаронной и Рейном, как при ранней Римской империи. Этот поток следовал из портов в устьях Гаронны, Шаранты, Луары, Сены, Соммы, Канша, Шельды, Мааса и Рейна. Грузы,

погруженные там, достигали Ирландии, Англии, Шотландии, Фризии, Скандинавии и Балтики. Чтобы понять, как возродилась эта торговля, следует уделить внимание Галлии Меровингов, где зарождалась большая часть грузопотоков.

Уже говорилось, что Галлия к югу от Луары и вдоль Рейна являлась почти уникальным регионом. Это была одна из многих территорий, раньше бывших северными провинциями Римской империи, куда вторжения варваров принесли сравнительно немного перемен. Здесь не были разрушены ни экономическая и социальная структура крупных земельных владений галло-римской аристократии, ни оставшиеся в поздней империи крупные городские центры. Вместо этого при Меровингах, как и при римлянах, вестготах и бургундах, старый порядок, не претерпев серьезных изменений, продолжал существовать и в начале VI века. Франки, как и их предшественники, позволили галло-римской аристократии сохранить свои поместья, могущество и привилегии. Они использовали эту аристократию, чтобы заполнить важные государственные и церковные должности. При Меровингах положение аристократии даже несколько улучшилось, в том смысле, что франки, имеющие более простую политическую систему, не имели ни возможностей, ни желания продолжать строгую регламентацию и тяжелое налогообложение, как при поздней империи. Такая политика могла дать больше свободы городам и поместьям, чем в IV веке.

Благосклонность франков, однако, не была главной причиной сохранения старого порядка в этой части Галлии. Скорее, все дело в том, что в эти годы возросли связи со средиземноморским миром. В IV веке и начале V века такие связи через порты Марсель, Арль и Нарбонна оставались сравнительно неважными. Правила, запрещавшие восточным купцам пересекать границы Западной империи, и пиратство вандалов свели средиземноморскую торговлю Галлии почти на нет. Стабильность, привнесенная на средиземноморский запад дипломатией Теодориха и упадком пиратства вандалов, положила начало переменам. Завоевание Юстинианом Италии, Северной Африки и Южной Испании – появление возрожденной средиземноморской Романии – также имело большое влияние. К 550 году некоторое количество восточных купцов – сирийцев, евреев и греков, начали обосновываться в Галлии, принеся с собой свои товары. Их присутствие в Галлии в этом веке могло быть вызвано отчасти тем, что Италия, страдавшая от разрухи, вызванной войнами Юстиниана и вторжением ломбардов, являлась, по крайней мере временно, менее привлекательной для коммерческих предприятий. Труды Веркаутерена, Пиренна, Брейе и Лампрехта подчеркивают важность для Галлии этой торговли с Востоком. Об этом же пишет Григорий Турский. Все это означает, что в конце VI века владения Меровингов в Галлии были намного теснее связаны с экономической и культурной жизнью Средиземноморья, чем, скажем, в 400 году.

Монеты тех лет это подтверждают. В 395 году чеканка золота была переведена из Трира в Милан, и в середине V века римский император высказывался о плохом качестве галльских *solidi*. В долине Роны появились бронзовые *minimissimi*, которые всегда являлись признаком местничества и экономического упадка. Зато в 550 году мы снова видим изобилие золотых монет, чеканенных в форме *solidi* по образу византийских *numismata*. Таких *solidi* было много на Средиземноморье, а в других местах предпочитали менее ценные золотые монеты *triens*. Григорий Великий мог жаловаться на качество галльских монет, но экономическая ситуация после 450 года, определенно, существенно улучшилась. В этой части Галлии повсеместно на монетных дворах чеканились золотые монеты⁵⁶, поскольку денежные выплаты Византии, экспедиции в вестготскую Испанию и возобновившаяся средиземноморская торговля привлекли сюда золотые потоки. И это золото привело восточных купцов, которые обменивали свои спе-

⁵⁶ После 600 г. золотые монеты Галлии чеканились не на монетных дворах с государственным контролем, но в городах, резиденциях епископов, монастырях и даже на виллах. Возможно, тому причиной слабость государства Меровингов. Однако заметим, что абсолютно то же самое произошло в Галисии, где число мест, где чеканили монеты, в конце VI в. и в начале VII в. сильно увеличилось.

ции, шелка, вино, оливковое масло и другие восточные товары на галльскую кожу, металлы, древесину, зерно и рабов. Их присутствие не только в Бордо, Ажене, Нарбонне, Арле и Марселе, но также на севере – в Туре, Париже, Орлеане, Ведене и Трире – показывает, что экономическое возрождение при Меровингах было реальным и повсеместным.

Если еще и остается какое-то сомнение в том, что Галлия в середине VI века была больше связана со Средиземноморьем, чем с северными морями, их ликвидирует информация Григория Турского. В своих трудах он упоминает о 45 *civitates* в Галлии Меровингов, большинство из которых он также идентифицирует как *urbes*, или населенные центры, и все они были римского происхождения. Большая их часть располагалась в южных или западных регионах Галлии, в первую очередь в долинах Луары, Гаронны и Роны. Из 45 городов несколько располагалось на Атлантическом побережье, главным образом в Аквитании, где Бордо, Сент, Нант и Ванн уцелели, несмотря на вторжение бриттов и саксонское пиратство. Вдоль Английского канала только Авранш и Кутанс, что возле границы Бретани и Нормандии, а также Байё и Руан недалеко от Сены, присутствуют среди названных им. На северо-востоке он назвал только Турне, Верден, Мец и Трир, а в Рейнской области – Кёльн. Также он утверждал, что городские стены сохранились в Париже, Руане, Туре, Орлеане и Бордо.

Таким образом, Галлию в начале рассматриваемого периода притягивало Средиземноморье, что объясняет восточное влияние, отчетливо видимое в стеклянных изделиях Меровингов и мраморах Аквитании. Решающим было влияние Египта и византийского Востока. Веркаутерен имел все основания утверждать, что Белгика Секунда в эти годы была примыкающей территорией к средиземноморскому Марселю. Деньги, торговля и культурное влияние шли к ней через долину Роны, которая вела на юг.

В дополнение к этим средиземноморским связям, однако, необходимо отметить, что в ранние годы Меровингов галльская экономическая жизнь постепенно двигалась по нарастающей. Такие города, как Бордо и Пуатье, пережившие период вторжений почти неповрежденными, начали расширяться. По крайней мере, нам известно о новых церквях, построенных за пределами старых римских стен. Строения были такими масштабными, что средневековые паломники на пути к Компостеле считали их работой могущественного Карла Великого. В Бордо, Ле-Мане, Париже, Орлеане, Осере, Вердене и Маастрихте активно строили новые постоянные дворы – хороший показатель коммерческой активности. Подобные гостиницы в Париже снабжали путешественников специями и другими восточными продуктами.

Когда течение экономической жизни ускорилось, она начала достигать побережья Канала, Бельгии и Рейнской области, которые в течение целого века оставались практически мертвыми. Вскоре после 550 года появился Квентовик, и Амьен, расположенный южнее, начал оживать. Турне на Шельде тоже приобрел некоторую важность. На Маасе появилось несколько торговых поселений, каждое из которых располагалось в одном дне плавания от другого: в Юи, Динане, Льеже и Маастрихте. Последний заменил старый римский Тонгерен. На Мозеле к Мецу и Триру присоединился Марсаль-на-Мозеле. А на Рейне города Андернах, Майнц, Вормс и Кёльн стали достаточно значимыми, чтобы чеканить *trientes*. Возле устья Рейна в 600 году или около того начал обретать форму Дорштад. Появился и соседний Антверпен в устье Шельды. Эти порты стали результатом новой торговой деятельности, которая в конце VI века и в начале VII века активно двигалась на север вверх по рекам Канш, Маас, Мозель и Рейн. И даже это еще не все. Дальше на юг, между Сеной и Маасом, стремительно приобретали важность Камбре, Суассон, Шалон-сюр-Марн, Нойон, Аррас и Теруан. В VII веке в них начали чеканить монеты.

К этой новой экономической активности, результатом которой стало возрождение старых римских *civitates* и создание новых, присоединилась промышленная активность. В тех же регионах, где в IV веке империя имела свои самые важные промышленные мастерские, снова возник промышленный импульс. Одна из новых – или возрожденных – отраслей промышленности – изготовление стекла. Оно сконцентрировалось вокруг Трира и Арраса. Новые сирийские

техники и использование углекислого натра из средиземноморского региона привели к началу изготовления стекла, но совсем не такого, как в римские времена. Другая отрасль промышленности – выплавка железа и производство изделий из металла. Здесь тоже использовалась новая техника – система контурной сварки и инкрустации лезвий мечей, неизвестная римлянам. В результате получались такие отличные мечи, что слава о них достигла даже Центральной Азии. Такие мечи – их называли франкскими – были лучше всех, изготовленных на Западе. Среди других техник можно выделить производство инкрустированных пряжек и украшений, копируя стили и декоративные элементы Германии, Англии и даже Скандинавии.

Салин обнаружил четыре разных региона, в которых производились оружие и изделия из металла в этой части Галлии при Меровингах. Он основал свою классификацию на стилях украшений. Первый – верхняя Рона – Швейцария. Вторым – регион Мааса. Третий – вдоль Мозеля. И четвертый – возле Парижа в регионе Сена – Марна. Он датирует начало производства концом VI века и считает, что все четыре региона в VII веке процветали. Район Парижа развился последним. Салин также отмечает, что эти регионы совпадают с теми, где обработка металла велась еще при поздней империи – согласно *Notitia Dignitatum*. Стили и техники обработки железа и других металлов изменились, но география промышленности осталась такой же, как и в случае с производством стекла. Функционировало ли еще в Аррасе важное производство шерсти, или оно возродилось в те годы? Этого мы не знаем. Но представляется вероятным, что ткани производились в районе Турне, где также добывали и экспортировали камень.

Хотя Северо-Восточная Галлия в те годы быстро развивалась как промышленный регион, как и в римский период, нельзя исключить, что промышленная жизнь проникла и в Западную Галлию. Производство железа в долине Луары – вокруг Невера, важное в V веке, судя по всему, осталось таковым в конце VI и в VII веке. А названия населенных пунктов – к примеру, Ла-Ферье на нижней Луаре, подтверждают преемственность. Добыча и обработка мрамора процветали вокруг Бордо и Пуатье. Эта промышленность была связана техникой и технологией с Ближним Востоком. Пережило ли производство тканей в Сентоне период вторжений или нет, точно сказать невозможно. Но соль продолжала производиться здесь и в Нуармутье, как и на Рейн и Мозеле. Если верить традиции IX века, серебряные рудники Мелле снова работали в 635 году, когда король Дагоберт подарил большое количество свинца церкви Сен-Дени. Поскольку было известно, что святой Элигий покрыл крышу своей церкви Святого Павла в Париже свинцом примерно в это время, данная традиция, по-видимому, основана на фактах.

Когда торговля и промышленность расширили сферу деятельности в Галлии Меровингов, они стимулировали новое использование рек, которые вели к Атлантике. По Рейну, Мозелю, Маасу, Сене, Луаре и Гаронне начали перевозить грузы между новыми портами, оживив старые римские городские центры на берегах. В этот период больше грузов перевозилось по рекам, чем по еще уцелевшим римским дорогам, хотя *tractoria* – почтовая система поздней империи – уцелела. Делая акцент на речные перевозки, этот период знаменует разрыв с римским прошлым. В поздней империи, к примеру, не Маас, а дорога Бавария – Кёльн являлась самой важной артерией. Вдоль этой дороги стояли виллы и главный римский город региона Тонгерен. Последний располагался на некотором расстоянии от реки. В VII веке Тонгерен оказался покинутым, и новый порт, Маастрихт, появился на Маасе. Все другие поселения времен Меровингов тоже располагались на реках, а не на старых римских дорогах региона. Если бы такая ситуация сложилась только в Арденнах, мы бы могли посчитать это случайностью, но то же самое повторилось в среднем течении Луары. Здесь вокруг Тура мы находим такой же переход от вилл, расположенных вдоль дорог римских времен, к поселениям вдоль рек. Очевидно, к VII веку именно реки, а не дороги диктовали правила экономической жизни Северной Галлии Меровингов.

В целом существовала тенденция рассматривать такое развитие событий – возрождение Северной и Западной Галлии в тот период, новый промышленный импульс, возрождение ста-

рых римских *civitates* и основание новых портов на Канале, в Бельгии и Рейнской области, даже новое использование рек, текущих в Атлантику, и распространение золотых монет – как расширение средиземноморской цивилизации к северу. Тесная связь Галлии с возрожденной Романией Юстиниана и его преемников определенно сыграла важную роль в процессе. Но не менее важно понять, что это возрождение являлось чем-то большим, чем просто экономический рост. Оно было также результатом возобновления морской и торговой жизни северных морей, в каком-то смысле возвращением к дням IV века при новых условиях. Давайте рассмотрим, как эта возобновленная атлантическая торговля, ставшая мощным фактором возрождения, повлияла на берега Западной Галлии, где в 550 году много старых центров, пришедших в упадок, но не исчезнувших, были готовы ее принять.

В середине VI века мы слышим о торговле, достигшей северного испанского побережья. Григорий Турский рассказывает нам о вестготском монархе, который помешал торговому флоту из Бордо, торговавшему с Галисией. Среди прочих продуктов эти суда, по-видимому, везли вино, так как нам известно о *fiscus vinitor* у острова Олерон, где монархи Меровингов облагали сборами эту статью экспорта. Примерно в то же время мы узнаем, что король свевов, который контролировал Галисию, поддерживал связь с храмом Святого Мартина Турского, у которого просил помощи в излечении сына от тяжелой болезни. Вскоре после этого мы узнаем, что галльские купцы добрались до Ирландии и отвезли вино по реке Шаннон в монастырь Клонмакнойс, что во внутренней части острова. Спустя несколько десятилетий, в первые годы VII века, мы находим упоминание о галльских морях и кораблях в Ирландском море у шотландского берега недалеко от острова Айона. Эта торговля была настолько важной, что ирландцы стали называть всех иностранцев галлами – франками. Перевозки велись не в одном направлении. Во времена святого Колумбы ирландские купцы торговали с Нантом, а немного позже были замечены на острове Нуармутье, где продавали ткань и обувь. Раскопки в Лагоре, в Ирландии подтверждают, что оба эти товара были местного производства⁵⁷. Принимая во внимание тесные морские связи, неудивительно, что именно в Ирландию был увезен юный принц Дагоберт из Меровингов в VII веке, чтобы уцелеть. Не является удивительным и то, что ирландские монахи в больших количествах посещали Пуатье. Раскопанная там гробница Меробауда демонстрирует некоторые ирландские кельтские черты. Морская торговля между Западной Галлией и Ирландией приобрела регулярный характер.

Таковой была и торговля Западной Галлии с британским побережьем, восточным и западным, хотя, возможно, эти перевозки стали важными только в VII веке, то есть несколько позже, чем с Ирландией. Уже говорилось, что археология дала нам доказательство морской связи между Кентом и саксонской колонией на Шаранте. Связи росли и крепились, и в конце VII века мы слышим о британских купцах, вероятно англосаксонских, прибывших в устье Луары и направлявшихся в Ангулем, по-видимому, за вином. Примерно в этот период мы также слышим о прямом сообщении по морю между Туром и Англией⁵⁸. А в году 700-м, согласно нашим источникам, святой Айвс сел на корабль в Нортумбрии и приплыл в Бретань. Некоторое сходство между надписями, найденными в Пуатье и датированными этим периодом, и надписями далекой Нортумбрии, вполне объяснимы, если мы помним, что прямое морское сообщение между этими регионами было восстановлено.

Нумизматика, как и артефакты археологии, подтверждает существование этого морского сообщения. В Англии найдено два клада золотых монет – в Саттон-Ху и Крондолле, которые свидетельствуют о связях с Западной Галлией. Они дают понять, что главными связями Англии были Фризия, Рейнская область, Квентовик и Руан. Но одна монета в Крондолле и

⁵⁷ В это время в Лагоре были кузнецы, ремесленники, занимавшиеся металлообработкой, плотники, ткачи и кожевенники дел мастера. Все это подтвердили раскопки.

⁵⁸ Согласно Беде, некий регент Иоанн отплыл в Британию прямо из Тура.

шесть *trientes* в Саттон-Ху, чеканенные на Луаре и Гаронне, а также несколько вестготских монет, указывают на существование связи между Юго-Восточной Британией и этими галльскими берегами. То же самое относится к *triens*, чеканенным на Гаронне, которые являются точной копией таких же монет английского происхождения, найденных в Крондолле.

В конце VII и начале VIII века такие нумизматические доказательства становятся более убедительными. Целый ряд кладов серебряных монет, найденных в разных местах вдоль побережья Галлии от Рейна до Гаронны, и даже в Марселе, содержат англосаксонские *sceattas*. В Байс (Иль-и-Вилен) в Бретани найдено 30 *sceattas* в кладе из 400 серебряных пенни Меровингов. В Сен-Пьер-лез-Этье (Шер) в долине Луары обнаружено 11 английских *sceattas* в кладе из 96 серебряных денье Меровингов. Южнее в Пассаке (Жиронда) найдено 12 *sceattas* в кладе из 170 серебряных пенни Меровингов. И наконец, в Симье, недалеко от Марселя, в кладе из 2000 денье, датированных 737 годом, мы находим 80 *sceattas*. Следует отметить, что эти англосаксонские серебряные монеты редки в Галлии этого периода. За исключением редкого нахождения их в Рейнской области и одной находки в Ла-Панне на побережье Фландрии, они обнаружены только в четырех указанных выше кладах⁵⁹. Таким образом, они представляют собой денежный след, ведущий от Кента и региона Темзы, где чеканили *sceattas*, вдоль Атлантического побережья Галлии в Бордо и далее к Марселю. Это подкрепляет свидетельства морской торговли на этих берегах, которые дают нам исторические источники и археологические находки в Саттон-Ху и Крондолле. Интересно, что у нас имеется источник, в дополнение к кладу Симье, подтверждающий прямую связь между Англией и Марселем. Мы знаем, что Ботта, английский купец из Кента, обосновался в этом городе в середине VIII века⁶⁰. Между тем монеты не доказывают экономическую связь между побережьем Западной Британии и Западной Галлией, по-видимому, потому, что археологическая история Корнуолла и Уэльса еще не до конца изучена. Хотя одно открытие – чаши Меровингов, обнаруженной недалеко от оловянного рудника Кастель-эль-Динас в Корнуолле, – представляется важным.

Не все судоходство из Западной Галлии, однако, направлялось в Англию и Ирландию. Некоторые суда следовали в галльские порты на Канале, к устью Рейна и Фризии. И снова мы можем получить некоторую информацию из исторических текстов. В конце VII века святой Филиберт купил груз оливкового масла в Бордо и отправил его морем в монастырь Жумьеж на Сене. Возможно, вино, которое епископ Каора (Кагора) отправил в Верден примерно в это же время, тоже проследовало по Атлантике⁶¹. Еще более интересным представляется то, что монастырь в Ставело – на Маасе – получил от Хильперика III иммунитет, первый известный нам, и он позволял этому учреждению иметь на Луаре два порта, *Sellae* и *Vagatio*⁶².

К этим фрагментарным свидетельствам можно добавить нумизматические доказательства существования путей вдоль побережья от Гаронны до Рейна. Золотые монеты, найденные во Фризии, попавшие туда до 700 года, в отличие от найденных в Англии, предполагают, что между этим регионом, Каналом и Атлантическим побережьем Галлии велась лишь очень небольшая торговля. К примеру, ни одной золотой *triens* из Квентовика – эти монеты были распространены в Англии – не оказалось во Фризии. Но другие монеты, такие как найденные при раскопках в Домбурге, являются важными. Они включают вестготскую *triens*, чеканенную

⁵⁹ Сазерленд считает, что большинство *sceattas* имеют англосаксонское происхождение, за исключением типа, который он называет англофранцузским. По его мнению, последние чеканились частично в Галлии, а самые поздние – во Фризии. Другие авторы (P. Le Gentilhomme) полагают, что все монеты имеют фризское происхождение или как минимум скопированы фризами. Некоторые авторы (P. Boeles) напрочь отвергают фризское происхождение *sceattas* и только допускают, что самые поздние были скопированы фризами. Поскольку именно в Англии *sceattas* находили в самых больших количествах, аргументы P. Boeles представляются решающими.

⁶⁰ *Annales Pelavini*, III.

⁶¹ Не исключено, что вино, которое, по утверждению Григория Турского, купцы приобретали в Туре, было частично отправлено в Нант для атлантической торговли.

⁶² Иммунитет, полученный монастырем в Корби, о котором пишет Пиренн, был дан позже.

в Севилье между 612 и 623 годом, золотую монету VII века из Родеса и еще три монеты из региона Луары⁶³.

Дальше вдоль побережья, от Сены до Бордо, находки монет показывают более активную прибрежную торговлю. В Руане, к примеру, находка 11 денье, датированных первыми годами VIII века, включает две монеты из Тура, одну из Анжера и еще одну из Пуату. Рядом был также обнаружен *solidus* VII века из Бордо. В Байсе, Бретань, клад, уже упомянутый ранее, содержал денье из Парижа, Руана, Ренна и Орлеана. Большой клад *Vauguisière* из долины Луары, датированный концом VII века, являющийся очень локальным по своей природе, тем не менее включает монеты из Парижа, Орлеана и Пуатье и одну монету с Гаронны. Находки, сделанные неподалеку от него, относящиеся к более позднему периоду – Сен-Пьер-лез-Этье, – содержат серебряные пенни из Парижа, Ле-Мана, Пуатье и одну *triens* из Банассака, что в Юго-Западной Галлии. В другом клад – в Плассаке, на Жиронде, треть монет из Пуатье.

Золотой клад в Бордо, однако, датированный концом VII века, дает нам еще более важные свидетельства. Этот клад был зарыт в 673–677 гг. Интересно, что он почти полностью состоит из *solidi*, из которых 39 монет имеют вестготское испанское происхождение. Среди монет Меровингов мы видим 3 из Парижа, 7 из Руана, 8 с Луары и одну позолоченную *thrymsa*, скопированную с англосаксонских монет. Кроме того, он содержит серию *solidi*, чеканенных на Гаронне и ее притоках, а также в Марселе и Нарбонне. Таким образом, только в этом кладе мы видим графическую иллюстрацию торговых путей из Бордо вдоль Атлантического побережья Галлии, возможно, до Англии, и через Гаронну к средиземноморским портам Марсель и Нарбонна. Присутствие в Бордо оливкового масла, которое святой Филиберт купил и которое, вероятнее всего, прибыло из Прованса, таким образом, получает объяснение. Это относится и к следу английских *sceattas* по галльскому побережью на Гаронну и далее в Марсель.

⁶³ Из золотых монет VII в., чеканенных до 700 г., которые были обнаружены во Фризии, 25 имеют местное происхождение, 27 – из Рейнской области, 10 – с Мааса и 3 – с Роны. Нет ни одной монеты из Англии, и только две с Сены, в то время как три монеты с Луары и одна с Гаронны могут обозначать след морской торговли, достигшей Фризии с Канала и из Западной Галлии. В целом эти монеты показывают то, к чему *Boeles* пришел на основании других свидетельств: фризы не были активными морскими торговцами до конца VIII в., и они не посещали ярмарку Сен-Дени до 753 г., когда впервые были упомянуты, как присутствовавшие на ней. Единственное упоминание о фризях в Англии до конца VIII в. встречается у Беды, которые писал о некоем фризском работоторговце в Лондоне в 679 г. Их *schola* в Риме датирована 799 г., то есть спустя семьдесят лет после установления там англосаксонской *schola*. Можно сделать вывод, что именно англосаксы были великими купцами на северных морях при Меровингах, а не фризы. Фризы как купцы были явлением Каролингов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.